

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№1 (9)
2014

ISSN 2307-2539

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 2 раза в год

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
С.П. Грушин, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин, А.Л. Кунгуров,
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), С.С. Тур, А.В. Харинский,
Ю.С. Худяков, Е.В. Шелепова (отв. секретарь)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель, Россия),
Д.Дж. Андерсон (Великобритания), А. Бейсенов (Казахстан), А.А. Бондаренко
(Россия), Ван Вэйлинь (Китай), Е.Г. Дэвлет (Россия), Иштван Фодор (Венгрия),
А.А. Ковалев (Россия), И.В. Ковтун (Россия), Л.С. Марсадолов (Россия),
Д.Г. Савинов (Россия), А.Г. Ситдииков (Россия), Такахама Шу (Япония),
Д. Эрдэнэбаатар (Монголия), Ю Чжиюн (Китай)

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АлтГУ

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211, телефон: 8 (3852) 298-103.
E-mail: tishkin210@mail.ru

©Алтайский государственный университет, 2014

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2014

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Altai State University

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

**№1 (9)
2014**

ISSN 2307-2539

The journal was founded in 2005
There are 2 times in a year

Editor in chief:

A.A. Tishkin

Editorial staff:

V.V. Gorbunov (deputy editor in chief), S.P. Grushin, Associate member
of the Russian Academy of Sciences N.N. Kradin, A.L. Kungurov,
N.N. Seregin (executive editor), S.S. Tur, A.V. Kharinsky,
Yu.S. Khudyakov, E.V. Shelepova (executive editor)

Associate editors:

Yu.F. Kiryushin (chairman, Russia),
D.D. Anderson (Great Britain), A. Beisenov (Kazakhstan), A.A. Bondarenko (Russia),
Van Vailin (China), E.G. Davlet (Russia), Ishtvan Fodor (Hungary), A.A. Kovalev
(Russia), I.V. Kovtun (Russia), L.S. Marsadolov (Russia), D.G. Savinov (Russia),
A.G. Sitdikov (Russia), Takahama Shu (Japan),
D. Erdenebaatar (Mongolia), Yu. Chzhiyun (China)

Approved for publication by the Joint Scientific
and Technical Council of Altai State University

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia, tel.: 8 (3852) 298-103,
E-mail: tishkin210@mail.ru

© Altai State University, 2014

Barnaul

Altai State University Press
2014

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Бородовский А.П., Тишкин А.А.</i> Находка части бронзового чекана на памятнике Кур-Кечу-V в Центральном Алтае	5
<i>Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В.</i> «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая	15
<i>Илюшин А.М.</i> Курган №10 на могильнике Ишаново	27
<i>Руденко К.А.</i> Клад железных топоров с Тетюшского II городища в Татарстане эпохи раннего средневековья	42
<i>Соенов В.И., Трифанова С.В.</i> Пупарии <i>Sarcophagidae</i> в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай)	61
<i>Сотникова С.В.</i> К вопросу о возможных истоках индоиранского культа священного напитка сомы/хаомы (по материалам памятников синташтинского типа)	74
<i>Таиров А.Д., Никитин А.Ю.</i> Кинжал раннесакского времени из Южного Зауралья	87

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Иванов С.С.</i> Новые находки орнаментированных вислообушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана	91
<i>Серегин Н.Н.</i> Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект)	101

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Тишкин А.А., Зайков В.В., Хворов П.В., Зайкова Е.В.</i> Результаты анализа части золотых находок из кургана №4 памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая)	115
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.</i> Юрию Тапасовичу Мамадакову – 60 лет	127
<i>Список сокращений</i>	135
<i>Сведения об авторах</i>	137
<i>Правила оформления статей</i>	139

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Borodovsky A.P., Tishkin A.A.</i> Find of battle axe's part on site Kur-Kechu-V in Central Altai	5
<i>Matrenin S.S., Tishkin A.A., Schmidt A.V.</i> «The headless horseman» of the migration period from the Central Altai	15
<i>Ilyushin A.M.</i> Barrow №10 on burial ground Ishanovo	27
<i>Rudenko K.A.</i> Treasure of iron axes from Hillfort Tetjushsky II in Tatarstan epoch of the early middle ages	42
<i>Soenov V.I., Trifanova S.V.</i> Puparia of <i>Sarcophagidae</i> blowflies in the burial of necropolis Stepushka-2 (Altay) dated back to Hun-Sarmatian time	61
<i>Sotnikova S.V.</i> To the question about the possible origins of the Indo-Iranian cult of sacred drink Soma/Haoma (after materials of Sintashta type sites)	74
<i>Tairov A.D., Nikitin A.U.</i> Dagger of the early saka period from the southern Trans-Urals	87

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Ivanov S.S.</i> The new finds of ornamental shaft-hole axes of bronze age from Kyrgyzstan.....	91
<i>Seregin N.N.</i> Studying and interpretation of burial complexes of early medieval turks in Mongolia (historiographic aspect)	101

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Tishkin A.A., Zaykov V.V., Khvorov P.V., Zaykova E.V.</i> Results of the analysis of part of gold finds from barrow №4 in site Bugry (northwest foothills of Altai)	115
--	-----

PERSONNEL

<i>Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L., Tishkin A.A.</i> Yury Tapasovich Mamadakov is 60 years old	127
<i>Abbreviations</i>	135
<i>Authors</i>	137
<i>Article submission guidelines</i>	139

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.22(571)

А.П. Бородовский, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАХОДКА ЧАСТИ ЧЕКАНА НА ПАМЯТНИКЕ КУР-КЕЧУ-V В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ*

В 2011 г. в ходе планового обследования территории одного из вариантов пересечения Катуня трассой магистрального газопровода «Алтай» была обнаружена часть древнего металлического чекана. Предмет находился в отвале, который образовался в ходе подготовки углубления для установки бетонной сваи в системе линии электропередачи. Основание этой сваи оказалось на каменной выкладке, сделанной из галечника крупного и среднего размера. Сооружение сильно пострадало при возведении опоры. В непосредственной близости от места фиксации части указанного изделия располагается еще одна нетронутая каменная конструкция округлых очертаний. Оба отмеченных объекта относятся к археологическому комплексу Кур-Кечу-V, обследование и тахеометрическая съемка которого была произведена экспедицией Алтайского государственного университета в 2006 г.

К настоящему времени на Алтае обнаружено мало чеканов, датируемых аржано-майэмирским временем (конец IX – 2–3-я четверти VI в. до н.э.). В основном они представлены случайными находками. В статье дана их краткая сводка, а также демонстрируется круг датированных аналогий, в частности из кургана Аржан-2, исследованного в Туве. Приводятся результаты рентгенофлюоресцентного анализа обнаруженного обломка, сведения о котором дополняют характеристику бийкенской культуры «раннескифского» периода.

Ключевые слова: Центральный Алтай, долина Катуня, урочище Кур-Кечу, памятник, чекан, бийкенская археологическая культура, рентгенофлюоресцентный анализ, аржано-майэмирское время.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9)-01

В 2011 г. под руководством одного из авторов статьи осуществлялись плановые археологические обследования на территории Республики Алтай в зоне предполагаемого прохождения трассы магистрального газопровода, который планируется построить от северных месторождений до границы с Китаем. Значительное количество древних и средневековых памятников, а также других объектов историко-культурного значения зафиксировано на территории Онгудайского района, занимающего центральное место в Алтайской горной системе.

При осмотре одного из участков возможного пересечения газопроводом реки Катуня (рис. 1) внимание участников экспедиции привлекли разрушения, которые были сделаны при возведении опоры для линии электропередачи (ЛЭП). Следует отметить, что в данной местности, за которой закрепилось название Кур-Кечу, выявлено несколько разновременных погребально-поминальных комплексов, расположенных на левобережных террасах от бома Кур-Кечу до устья р. Большой Ильгумень. Часть их хорошо видна на снимке, сделанном из космоса (рис. 2). Целенаправленная работа, связанная с историей изучения, описанием и тахеометрической съемкой всех каменных и земляных сооружений данного микрорайона, производилась Яломанской археологической

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»).

Рис. 1 (фото). Общий вид на место обнаружения фрагмента чекана в долине Катуня (фотоснимок сделан с северо-востока)

Рис. 2. Памятник Кур-Кечу-V (космический снимок)

экспедицией Алтайского государственного университета на протяжении нескольких лет. Основные результаты получены в 2006 г. [Тишкин, 2007а], когда в период очередного полевого сезона обследовалось большое могильное поле, располагающееся на левом берегу Катуня, у указанного борма (на карте он обозначен как скала Коргучубом), рядом с Чуйским трактом (683–684 км автодороги Новосибирск – Ташанта), между селами Купчегень и Малый Яломан. Этот комплекс, состоящий из нескольких групп разновременных сооружений, получил обозначение Кур-Кечу-V [Тишкин, 2007б]. Он уже давно известен специалистам [Бородовский, Ойношев, Соенов и др., 2005, с. 59–60], однако необходимого и всестороннего документирования ранее осуществлено не было.

Рис. 3 (фото). Кур-Кечу-V. Объект №134, разрушенный при строительстве опоры ЛЭП (фотоснимок сделан с северо-востока)

В ходе осмотра обнаруженной строительной площадки оказалось, что при возведении одной из свай опоры ЛЭП сильно пострадала каменная выкладка (рис. 3), сделанная из галечника крупных и средних размеров. Судя по имеющемуся плану, полученному по результатам тахеометрической съемки в 2006 г., это объект имеет номер «134». В отвале, который образовался в ходе подготовки ямы для установки бетонного столба, был обнаружен крупный фрагмент своеобразного древнего чекана (рис. 4). Похожих целых изделий, бытовавших в рамках аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверти VI в. до н.э.), на Алтае найдено совсем немного. Поэтому данная находка привлекла внимание и специально рассматривается в данной статье. В непосредственной близости от места фиксации части указанного предмета вооружения располагается еще одна нетронутая каменная конструкция округлых очертаний.

Следует указать, что на территории памятника Кур-Кечу-V имеется группа курганов (рис. 5), которые предварительно относятся к бийкенской археологической культуре, датируемой в рамках аржано-майэмирского периода [Тишкин, 2011]. Их особенностью является наличие своеобразного каменного «ящика», установленного в центре каменной конструкции (рис. 6). Указанные сооружения расположены поблизости от упомянутых округлых выкладок, к югу от них, у подножья горы. Подобные объекты известны и на ближайших археологических памятниках, в том числе в урочище Сальдяр, которое находится неподалеку, но на правом берегу Катуня [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 35, рис. 2; Тишкин, 2011, рис. 12]. Эти и другие курганы, в том числе «царский» [Тишкин, 2009; Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011], свидетельствуют об освоении территории Центрального Алтая носителями бийкенской культуры.

Археологический предмет, обнаруженный в ходе обследования долины Катуня, подвергнут комплексному изучению. Для этого был выполнен графический рисунок, на котором нашли отражение детали его изготовления и оформления (рис. 7, выполнен

Рис. 4 (фото). Кур-Кечу-V. Часть чекана после обнаружения и расчистки

Рис. 5 (фото). Кур-Кечу-V. Вид на группу курганов №137–143

Рис. 6 (фото). Кур-Кечу-V. Курган №140.
Каменный ящик

А.Л. Кунгуровым). Зафиксированные метрические показатели также имеют значение для установления времени появления такого типа изделий на Алтае. Длина втулки составила 7 см. Диаметр верхнего отверстия оказался меньше нижнего. Его размеры – 1,25 x 1 см. Параметры овального контура вокруг данного отверстия – 2,3 x 2 см. Нижняя часть втулки (основание) деформирована, имеет следы утрат, ве-

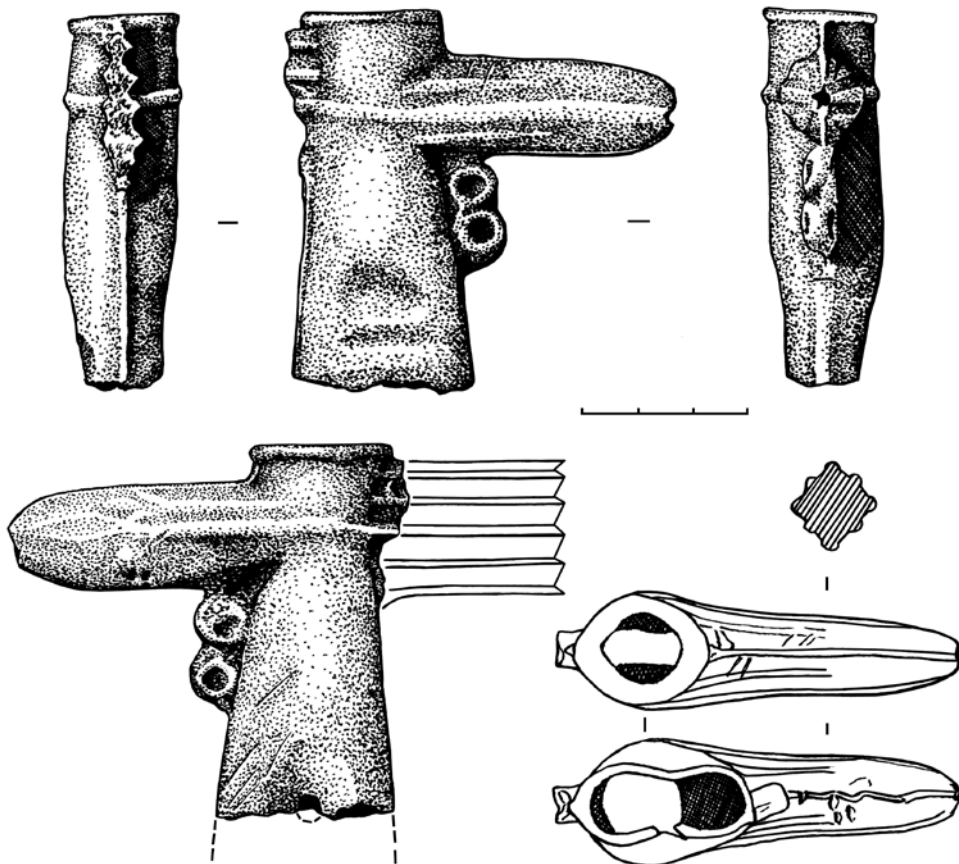

Рис. 7. Часть медного чекана, обнаруженного на памятнике Кур-Кечу-V

роятнее всего, из-за некачественной отливки. Внешние размеры оставшейся части – 3,15 x 1,4 см, внутренние – 2,5 x 1 см. Отверстие, предназначенное для закрепления металлической части на деревянной рукояти с помощью штыря, сохранилось лишь частично (рис. 7). На одной стороне втулки имеется декоративное или символическое украшение в виде двух кольцевидных выступов, которые, возможно, изначально отражали традиционную демонстрацию головы хищной птицы. Такие изображения, как правило, размещались под бойком [Членова, 1967, табл. 7; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 63.-1, 64.-1; и др.]. Остатки плоской и рельефной части имеют аналогии среди известных образцов тагарской культуры [Членова, 1967, табл. 7.-15–16].

С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, предпринято определение химического состава сплава рассматриваемого фрагмента чекана. Сначала почти по центру одной из сторон находки тестировалась окисленная поверхность. Прибором зафиксирован такой результат: Cu (медь) – 100%. Затем изучался край втулки, где на маленьком участке была механически удалена патина. Обозначились следующие количественные показатели: Cu – 99,71%; Pb (свинец) – 0,29%. Судя по полученным спектрам, в сплаве, возможно, имеются следы мышьяка (As), присутствие которого оказалось на грани чувствительности прибора. На заключительном этапе исследовался участок слома, где хорошо просматривался металл. Продемонстрированный поэлементный ряд (Cu – 99,69%; Pb – 0,31%) практически не отличается от предыдущего. Все эти данные свидетельствуют о том, что чекан был медный, так как незначительное количество свинца, скорее всего, является показателем рудной примеси.

Как уже отмечено, к настоящему времени чеканов, датированных аржано-майэмирским временем (конец IX – 2–3-я четверти VI в. до н.э.), на Алтае, а также в Верхнем Приобье обнаружено очень мало. В основном они представлены случайными находками. Сведения о таких изделиях опубликованы [Иванов, 1995, с. 19; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 84–85; и др.].

Одни из первых находок происходят из коллекции известного барнаульского краеведа Н.С. Гуляева, которая была приобретена в 1898 г. Императорской археологической комиссией [Тишкина, 2010, с. 89–95]. В архиве Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) сохранились качественные фотоснимки планшетов указанного собрания, в том числе с интересующими нас целыми изделиями (рис. 8.-2, 7). В настоящее время эти предметы вооружения хранятся в Государственном историческом музее (г. Москва) и размещены в экспозиции, посвященной древностям железного века (I тыс. до н.э.).

Н.Л. Членова [1995, с. 91–92, рис. 1.-1, 2.-1], опубликовавшая оба чекана, дала им описание, представила графическую прорисовку, а также рассмотрела круг аналогий и предложила вариант датировки. На наш взгляд, есть смысл привести характеристику, которую она дала одному из изделий в коллекции Н.С. Гуляева: «Чекан с длинной округлой втулкой и плоским бойком и обушком. Вдоль чекана, по обушку, втулке и бойку проходит утолщение. В углу между бойком и втулкой – головка хищной птицы с раскрытым клювом и глазом в виде круглой ямки. В нижней части втулки – отверстие для прикрепления к древку с помощью гвоздя. Чекан происходит из пос. Элекмонар в Горном Алтае (ГИМ, инв. №38160)». Этот предмет изображен на иллюстрации, представленной

в статье (рис. 8.-7). Наталья Львовна отметила, что чеканы с плоскими бойками являются большой редкостью для Сибири. Приведенный круг аналогий, в том числе с территории Китая (памятник Байфу, датированный VIII в. до н.э.), позволил ей определить хронологические рамки бытования изделия VII–VI вв. до н.э. и указать, что «...дальнейшего развития форма элекмонарского чекана на Алтае не получила» [Членова, 1995, с. 92].

Второй чекан в собрании Н.С. Гуляева (рис. 8.-2) происходил из лесостепной зоны Алтайского края. Судя по коллекционной описи, он найден в Барнаульском округе у д. Телеутской (ныне не существующей). Этот предмет вооружения отличается от

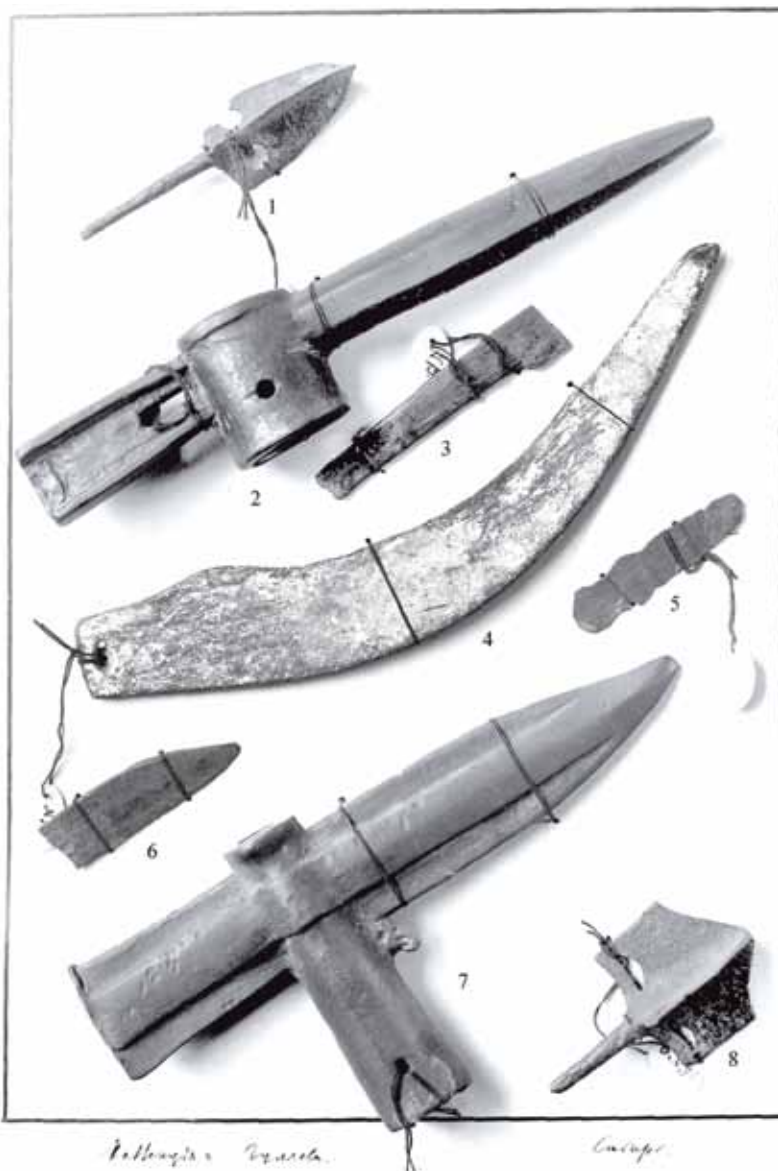

Рис. 8. Планшет 5 с находками из коллекции Н.С. Гуляева, переданной в Императорскую археологическую комиссию (по: [Тишкина, 2010, рис. 35])

предыдущего, хотя также датирован VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1995, с. 92, рис. 2.-1]. Из других находок отметим бронзовый чекан из степной зоны северо-западных предгорий Алтая [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 63.-1]. Данное изделие имеет изображение головы хищной птицы на стыке бойка и втулки, но отличается от уже приведенных находок.

Среди близких аналогий для фрагмента древнего оружия, обнаруженного на памятнике Кур-Кечу-V, следует отметить чекан с рельефным бойком и обухом (рис. 9.-1) из коллекции И.А. Лопатина, хранящийся в Государственном Эрмитаже и датируемый

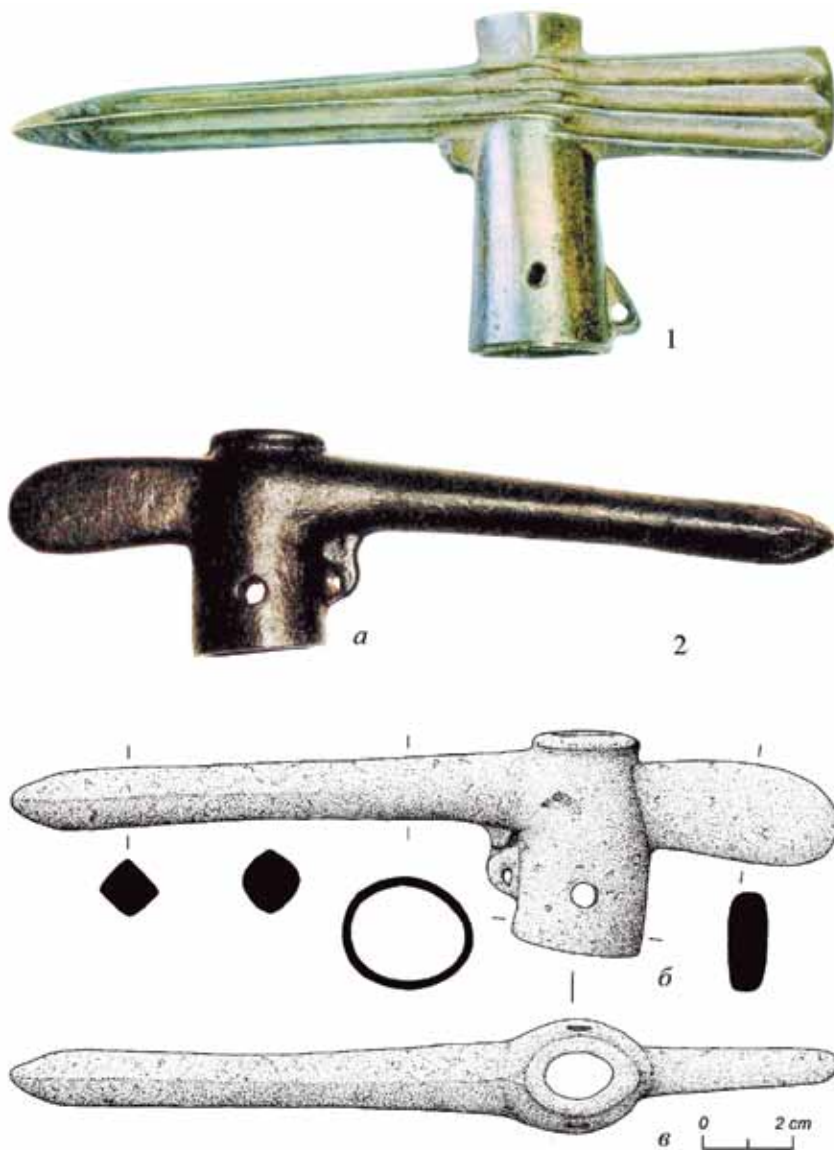

Рис. 9. Находки чеканов: 1 – из коллекции И.А. Лопатина (по: [Мир кочевников..., 2013, кат. 66]); 2 – из кургана Аржан-2 (по: [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, Taf. 95.-1, 111.-1])

VII–VI вв. до н.э. [Мир кочевников..., 2013, с. 29, рис. 66]. Однако типологически он мог появиться на территории Южной Сибири позднее, чем находка из Элекмонара.

Для сравнительного сопоставления есть смысл указать на изделие (рис. 9.-2), которое происходит из хорошо датированного кургана Аржан-2, исследованного в Туве [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, Taf. 95.-1, 111.-1]. Хронология этого «царского» комплекса по совокупностей всех данных определена последней четвертью VII в. до н.э. [Чугунов, 2011, с. 331]. Такой показатель позволяет утвердиться в целом ряде уже ранее отмеченных тенденций, касающихся типологического развития чеканов в скифо-сакское время на территории Центральной Азии. Исходя из них можно пока предварительно определить датировку обнаруженного на памятнике Кур-Кечу-V фрагмента чекана в рамках конца VIII – 1-й половины VII в. до н.э. Дальнейшее накопление материалов, а также раскопки разрушенной выкладки и других курганов бийкенской культуры позволят соотнести контекст рассмотренной находки. Такие данные в определенной мере обеспечат и установление более детальной ее хронологии.

В заключение необходимо кратко остановиться на памятнике Кур-Кечу-V, где обнаружена рассмотренная часть медного изделия. Важность обнаружения такого предмета на современном этапе заключается в следующем. В настоящее время целенаправленные археологические исследования объектов бийкенской культуры на территории Алтая уже не осуществляются несколько лет в силу ряда причин. Однако по-прежнему существует актуальность дальнейшего детального изучения предметного комплекса, полученного при раскопках или найденного случайно. К сожалению, до сих пор не все эти материалы введены в научный оборот. Следует также продолжить совершенствование и уточнение предложенной культурно-хронологической схемы изучения древней и средневековой истории Алтая [Тишкин, 2007в]. В этом плане памятник Кур-Кечу-V является очень перспективной исследовательской площадкой. В ходе проведенного обследования и тахеометрической съемки на нем зафиксированы почти 200 разновременных сооружений. Археологические раскопки и разведки в урочище Кур-Кечу в 1980-е гг. производили В.А. Могильников, В.Д. Кубарев, А.С. Васютин и др. Ими исследовались курганы, оградки и другие объекты [Бородовский, Ойношев, Соенов и др., 2005, с. 59–60]. Особое внимание необходимо уделить крупным курганам с земляной насыпью. Весь этот массив объектов при систематических исследованиях позволит не только наполнить конкретным содержанием имеющиеся разработки, но внести в них существенные дополнения и коррективы.

Таким образом, крупный археологический комплекс Кур-Кечу-V, на котором сосредоточены древние и средневековые объекты, может дать существенные информативные материалы. Привлечение данных по соседним археологическим микрорайонам (Яломанский и Уркошский) обеспечит более детальную культурно-историческую характеристику истории населения Центрального Алтая и сопредельных регионов.

Библиографический список

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск : АКИН, 2005. 103 с.

Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 28 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I : Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб. : ГЭ, Славия, 2013. 132 с.

Тишкин А.А. Отчет о результатах археологических обследований в Рубцовском и Первомайском районах Алтайского края, в Чемальском и Онгудайском районах Республики Алтай летом и осенью 2006 г. Барнаул : Алт. ун-т, 2007а. 217 л. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Тишкин А.А. Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2007б. Т. I. С. 94–98.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007в. 356 с.

Тишкин А.А. Крупный херексур в Центральном Алтае (Онгудайский район Республики Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Ховд ; Томск : ХГУ: ТГУ, 2009. Т. II. С. 74–78.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «*Terra Scythica*»: материалы Межд. симпозиума «*Terra Scythica*». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-II // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул : АРТИКА, 2011. С. 81–90.

Тишкина Т.В. Археологические обследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул : Азбука, 2010. 288 с. : ил.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 252 с. + 48 табл.

Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : ГИПП «Алтай», 1995. Вып. V, ч. 2. С. 91–96.

Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. 2011. №1. С. 262–335.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S. mit 289 Abb., 153 Taf. und 7 Beilagen (Archäologie in Eurasien. Band 26; Steppenvölker Eurasiens. Band 3).

A.P. Borodovsky, A.A. Tishkin

FIND OF BATTLE AXE'S PART ON SITE KUR-KECHU-V IN CENTRAL ALTAI

In 2011 during planned inspection of the territory of one of options of crossing of Katun river by gas Route the part of an ancient metal battle axe was found. This subject was in a dump which was formed during preparation of deepening for installation of a concrete pile in system of a power line. The basis of this pile appeared on the stone calculation made of stones of the large and average size. The construction strongly suffered at building of a support. In close proximity to a place of fixing of part of the specified product one more untouched stone construction of roundish outlines settles down. Both noted object treat an archaeological complex Kur-Kechu-V. Inspection and takheometry shooting on this site was made by expedition of the Altai State University in 2006.

So far in Altai it is revealed few battle axe dated by Arzhan-Mayemir time (the end of IX – 2–3 quarter of the VI centuries BC). Generally they are presented by casual finds. In article their short report is given, and also the circle of the dated analogies, in particular from a barrow of Arzhan-2 investigated in Tuva is shown. Results of the X-ray fluorescent analysis of the found fragment are given. It supplements data about Biyke culture of the «early Scythian» period.

Keywords: The central Altai, valley of Katun, natural boundary Kur-Kechu, site, battle axe, Biyke archaeological culture, X-ray fluorescent analysis, Arzhan-Mayemir time.

С.С. Матренин, А.А. Тишкин, А.В. Шмидт

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

«ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ» ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ*

Имеющая на сегодняшний день источниковая база для изучения истории Алтая в эпоху Великого переселения народов представлена результатами раскопок нескольких десятков курганов булан-кобинской археологической культуры. Полученные материалы отражают сложные механизмы этногенетического развития региона, обусловленные взаимодействием разных групп местного и пришлого населения. Современный этап изучения данных процессов предполагает комплексный анализ уже известных и новых археологических материалов 2-й половины III – IV в. н.э. с опорой на различные методы исследования. Ожидаемый результат научных изысканий в данной области предполагает целостную реконструкцию хронологии, этнокультурной истории и социогенеза. Большое значение для реализации подобного рода исследований имеют данные археологических раскопок курганной группы Степушка-I – базового памятника позднесяньбийско-раннежужанского времени Центрального Алтая. Настоящая публикация имеет своей целью ввести в научный оборот сведения о погребении со следами насильственной смерти из кургана №5, представляющем собой яркое доказательство противоречивых этнокультурных процессов, которые протекали на Алтае в эпоху Великого переселения народов. Данный закрытый комплекс датируется IV в. н.э.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, курганная группа Степушка-I, сяньбийско-жужанское время, Великое переселение народов, раскопки, захоронение, сопроводительный инвентарь, датировка.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-02

С августа по октябрь 2010 г. археологической экспедицией Алтайского государственного университета осуществлялись аварийные раскопки курганов сяньбийско-жужанского времени на могильнике, который попадал в зону строительства автодороги от Чуйского тракта по долине Урсула к Катунь (рис. 1 и 2). Памятник компактно располагался в черте одноименного (ныне нежилого) селения Онгудайского района Республики Алтай, на третьей надпойменной террасе правого берега реки. Объекты восточной половины единого погребально-поминального комплекса, разделенного волей прошедшего тендера, были закреплены за названием Степушка-I [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, 2013а–б; Тишкин, Матренин, 2013а]. Группа курганов западной части, обозначенная как могильник Степушка-II, параллельно исследовалась экспедицией Горно-Алтайского государственного университета [Соенов, 2010, с. 5; см. далее статью в наст. издании].

В данной публикации в научный оборот вводятся материалы раскопанного кургана №5 памятника Степушка-I, содержавшего погребение воина, которого убили с особой степенью жестокости (посредством отрубания головы и нанесения комбинированных травм). На основе анализа обнаруженного предметного комплекса имеется возможность осуществить хронологическую атрибуцию объекта, который выделяется из основной массы мужских захоронений восточной части некрополя. Все территория памятника была разбита на квадраты размерами 4 x 4 м для более детальной фиксации результатов работ (рис. 2).

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»).

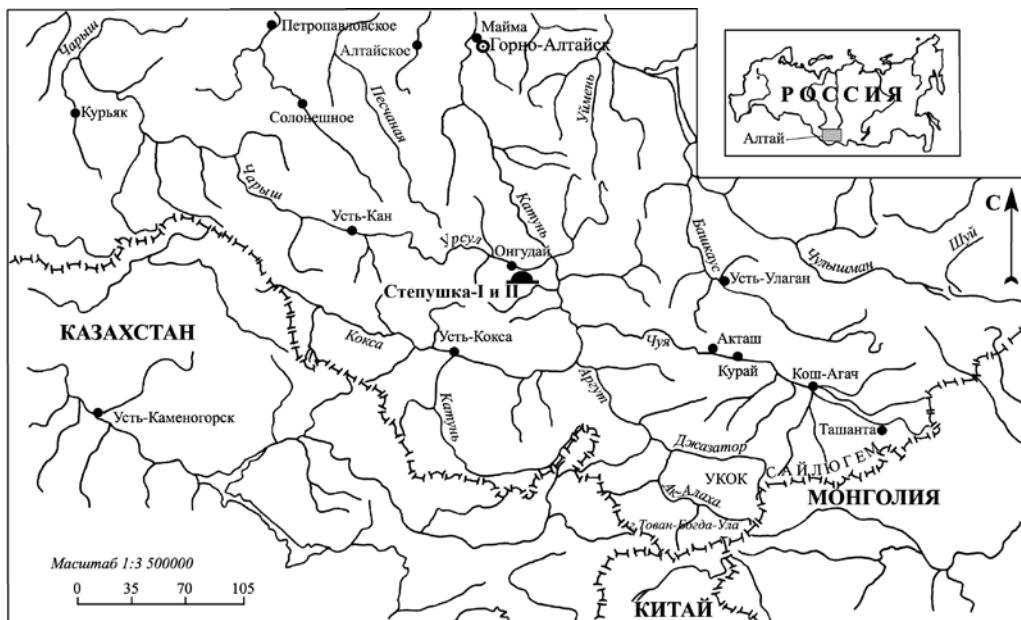

Рис. 1. Местонахождение археологического памятника Степушка-I на карте-схеме Алтая

Рис. 2 (фото). Общий вид на археологический комплекс (Степушка-I и II) в ходе проведения аварийных раскопок

Рис. 3 (фото). Степушка-I. Каменная насыпь кургана №5 после снятия дерна и зачистки

Рис. 4 (фото). Степушка-I. Курган №5. Выявленная кольцевая выкладка-крепида

двудырчатые псалиями (рис. 6.-1, 3). В проекции поясничного отдела позвоночника размещалось железное кольцо (рис. 6.-2).

В южной стенке могилы был обнаружен подбой шириной в пределах 0,6 м. Он начинался с глубины 0,5 м от уровня древней поверхности и шел до отметок $-1,02$ – $-1,08$ м. В этой нише находился деревянный ящик с очень плохо сохранившимся перекрытием. В границах древесного тлена расчищено непотревоженное погребение обезглавленного мужчины (рис. 7). Скелет лежал в подбое, ниже захоронения лошади (рис. 8). Обезглавленное тело человека уложили на спину со слегка согнутыми в коленях ногами, соориентировав верхнюю часть в восточное направление. Руки покойного были сильно согнуты в локтях и сходились ниже груди. В расположении костей грудной клетки и соответствующего отдела позвоночника фиксировались

Курган №5 представлял собой каменную наброску (рис. 3) диаметром 4,5 м и высотой 0,5 м. В основании насыпи фиксировалась овальная крепида (рис. 4) размерами 3,1 x 2,2 м, вытянутая по линии З–В. В границах выявленной выкладки находилась могильная яма длиной 3,1 м и шириной 1,3 м. В ней на глубине 0,95–1,03 м от уровня древней поверхности обнаружено захоронение лошади, уложенной на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток (рис. 5). Скелет принадлежал неполовозрелому животному в возрасте 2–3 лет (определение к.б.н. Н.А. Пластеевой, Институт экологии растений и животных УрО РАН). В челюстях находились железные удила, оснащенные роговыми

Рис. 5 (фото). Степушка-I. Курган №5. Сопроводительное захоронение верхового коня

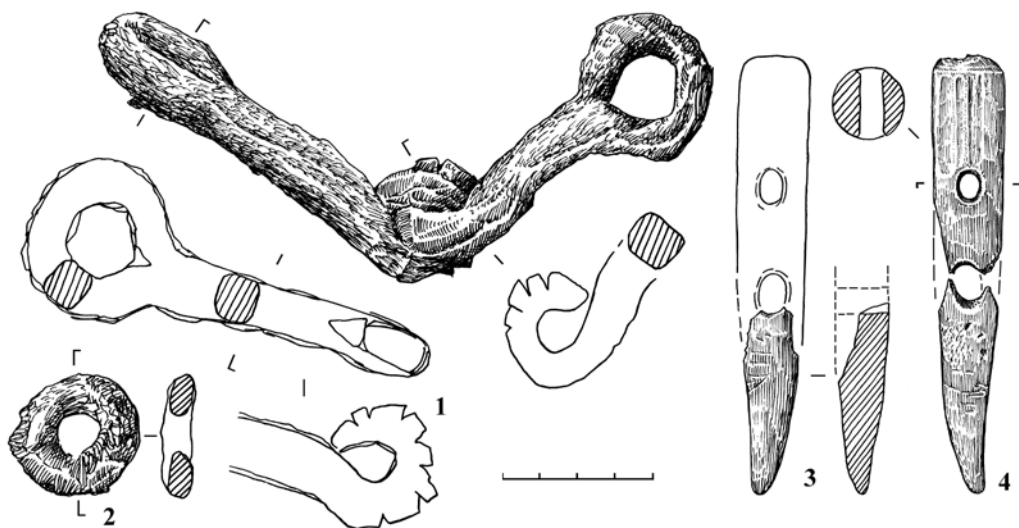

Рис. 6. Степущка-I. Курган №5. Снаряжение верхового коня:
1 – удила; 2 – пряжка; 3, 4 – псалии (1, 2 – железо, 3, 4 – рог)

нарушения анатомической целостности. Фаланги правой кисти оказались сложены под углом к предплечью.

С левой стороны от убитого воина располагался сложносоставной лук, от которого сохранились лишь накладки из рога (рис. 8–10). С внешней стороны коленного сустава левой ноги лежали шесть железных наконечников стрел, обращенных остриями вниз (рис. 11.-1–6). Они были помещены в кожаный колчан (длиной около 0,67 м), от которого сохранился лишь тлен. В проекции верхней части колчана, в 0,17 м справа от тазовых костей человека, найден железный крюк с поперечной планкой на язычке, являвшийся застежкой стрелкового пояса (рис. 12; 13.-4). В 0,13 м ниже крюка располагалась железная скоба (рис. 13.-3). На грудной клетке человека лежал железный боевой нож длиной 38,7 см, ориентированный острием в сторону ног покойного (рис. 13.-1; 14). Рядом с ним зафиксированы элементы крепления ножен: фрагменты железной окантовки устья в виде обоймы, бортик из двух пластин-накладок со стороны лезвия, витое восьмерковидное звено

Рис. 7 (фото). Степущка-I. Курган №5.
Погребение человека без головы

цепочки для подвешивания ножен к поясу. На нижней трети клинка перпендикулярно боевому ножу размещалась железная пряжка т-образной формы с подвижным язычком на вертлюге и длинным пластинчатым щитком (рис. 13.-5; 14). Данная пряжка служила

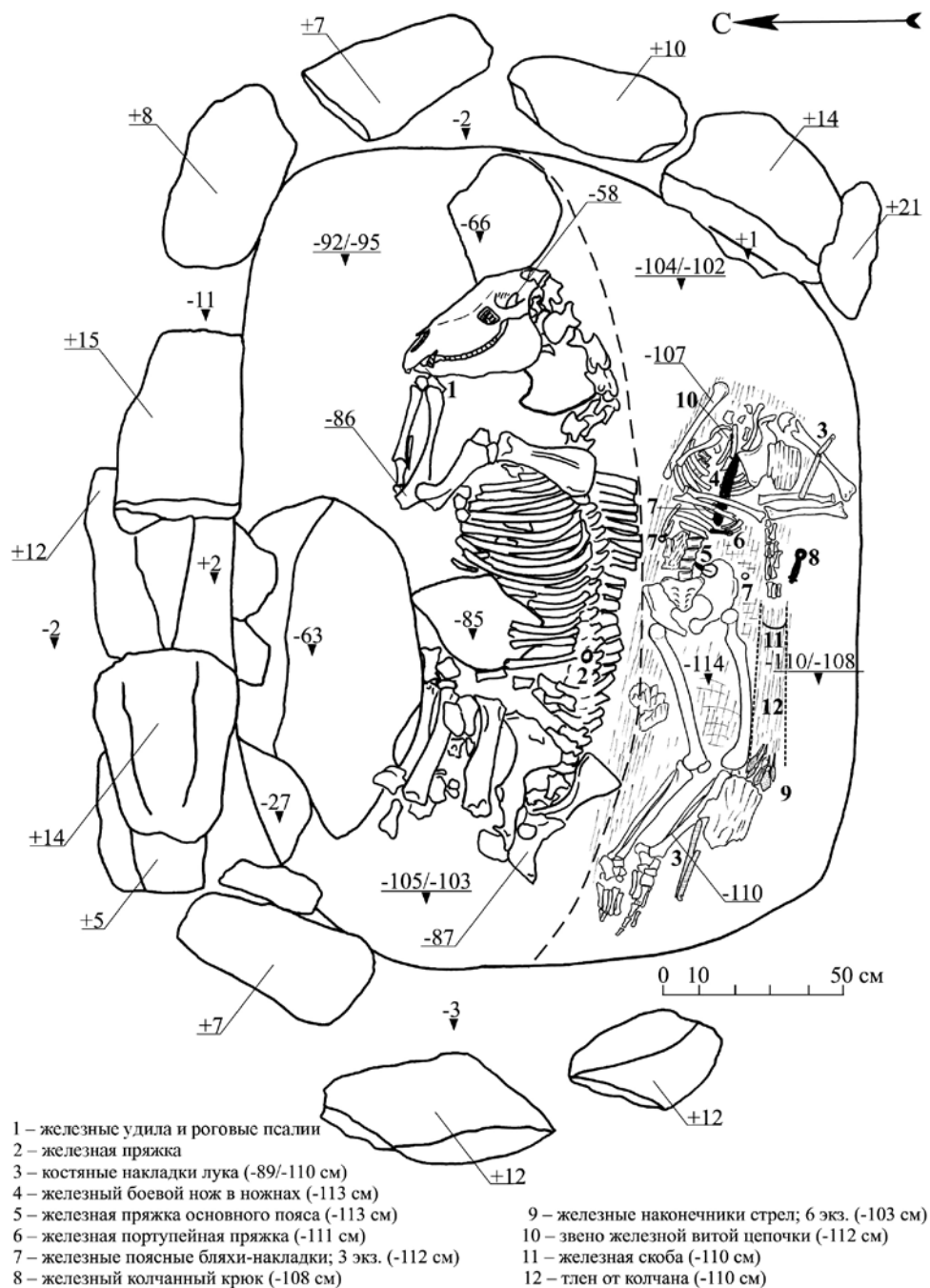

Рис. 8. Степушка-I. План захоронения человека с лошадью в кургане №5

для застегивания свисавшего вниз портупейного ремешка. В проекции «живота» человека выявлены железные детали основного пояса (рис. 8, 11.-7–10): пряжка с подвижным язычком на основании и пластинчатый щитком (обнаружена у верхнего края левого крыла таза), три бляхи-полуобоймы с кольцами (найлены внизу грудной клетки, под грудным позвонком и рядом с тазом).

Особенности зафиксированного погребального обряда и обнаруженный сопроводительный инвентарь дают основания отнести исследованный курган №5 к булан-кобинской археологической культуре Алтая [Мамадаков, 1990; Соенов, 1997; Матренин, 2005; Тишкин, 2007, с. 158–184; 2010; и др.]. Зафиксированные элементы ингумации с конем, уложенным вдоль длиной стенки могилы, соответствуют параметрам «берельской» группы погребений [Тишкин, Матренин, 2007; Матренин, Тишкин, 2007; Матренин, 2008]. Найденный в кургане вещественный материал оказался весьма информативным для осуществления археологического датирования.

Сложносоставной лук, оснащенный роговыми накладками (частично сохранились две пары концевых боковых и срединные боковые; рис. 10), – местный, булан-кобинский. Он является образцом оружия дистанционного боя, сформировавшимся в результате развития хуннских и раннебулан-кобинских прототипов. Стоит отметить, что срединные боковые накладки сегментовидной формы характерны в большей степени для сяньбийских луков I–III вв. н.э. [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-5–6]. Известные аналогии определяют относительную хронологию данной модификации луков в пределах II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006].

Железные трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером (рис. 11.-1–6) встречаются довольно широко в воинских арсеналах кочевников Азии. В центрально-азиатском регионе подобные изделия впервые появились у хунну в конце III в. до н.э. и затем бытовали долгое время [Худяков, 1986, рис. 5.-14]. На территории Алтая такие наконечники стрел массово представлены в булан-кобинских памятниках II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 38].

Боевой нож с наклонной рукоятью (рис. 13.-1) обнаруживает значительное количество аналогий в булан-кобинских памятниках Алтая II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 77]. Местным прототипом таких ножей могли быть кинжалы без дополнительных деталей на рукояти, известные в раннебулан-кобинских погребениях на могильнике Усть-Эдиган [Худяков, 1997, рис. 3].

Рис. 9 (фото). Степушка-I. Курган №5.
Пара концевых накладок лука
в процессе зачистки

Ножны с железными обоймами и бортиком из двух железных пластин-накладок, подвешивавшихся к основному поясу с помощью цепочки, появились на Алтае в IV в. н.э. и существовали в данном регионе до V в. н.э. включительно [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012, с. 63–65]. Ножны похожей конструкции зафиксированы в погребениях

Рис. 10. Степушка-I. Курган №5. Сохранившиеся роговые накладки лука

булан-кобинской культуры на могильниках Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Кок-Паш, Пазырык (обзор аналогий: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012, с. 63–65]).

Наборный пояс, включавший пряжку (с подвижным язычком, овальной рамкой и пластинчатым щитком), а также три железные бляхи-полуобоймы с подвижными коль-

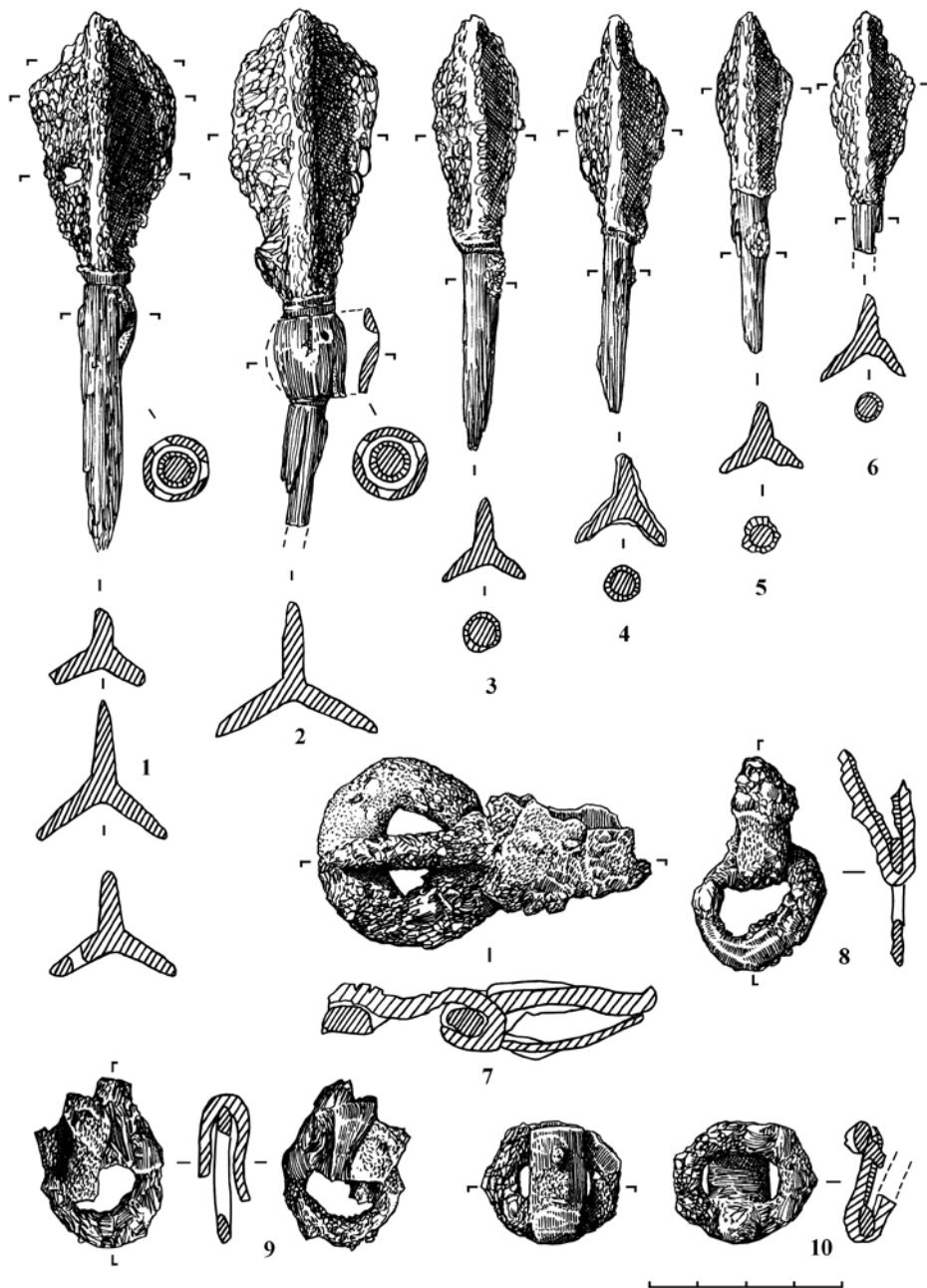

Рис. 11. Степушка-I. Курган №5. Железные изделия:
1–6 – наконечники стрел; 7 – поясная пряжка; 8–10 – поясные бляхи с кольцами

Рис. 12 (фото). Степушка-I. Курган №5.
Железный колчаный крюк

цами (рис. 11.-7–10), датируется в широких хронологических рамках – II–V вв. н.э. Портупейные пряжки с подвижным язычком на вертлюге, т-образной рамкой и длинным пластинчатым щитком применялись в снаряжении кочевников Алтая в III–V вв. н.э. (аргументация хронологии: [Матренин, 2013; Тишкин, Матренин, 2013б]). Имеющиеся точные аналогии портупейной пряжке обнаружены в материалах булан-кобинских памятников Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV и Яломан-II, которые пока не опубликованы.

Период использования железных колчаных крюков с поперечной планкой в воинском снаряжении «булан-кобинцев» приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. Обнаруженный крюк-застежка (рис. 12; 13.-4) по оформлению щитка имеет значительное количество аналогий в памятниках IV–V вв. н.э.: в кокэльском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве, в дуройских и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья, в катакомбах кенкольской культуры Тянь-Шаня, в кургане раннего этапа верхне-

обской культуры, в памятниках гуннского времени Приуралья и Северного Причерноморья, в раннетюркской оградке комплекса Кудэргэ (см. обзор по: [Матренин, 2011]). В булан-кобинских погребениях Алтая известны семь похожих экземпляров из некрополей Булан-Кобы-IV, Дялян, Кок-Паш и Верх-Уймон [Матренин, 2011, с. 143, рис. 2.-5].

Железные соединенно-крюковые удила с петельчатыми окончаниями звеньев (рис. 6.-1) и роговыми двудырчатыми псалиями (рис. 6.-3–4) распространились на Алтае с раннесяньбийского (II – начало III в. н.э.) периода и существовали вплоть до тюркского времени [Соенов, 1998]. Железное кольцо (возможно, от подпружной пряжки) с овальной рамкой небольшого размера и утраченным язычком (рис. 6.-2) – частая находка в погребальных комплексах Алтая 1-й половины I тыс. н.э. Однако для застегивания подпруги они использовались редко. Фрагмент обнаруженной железной скобы (рис. 13.-3) пока не подлежит хронологической атрибуции.

Учитывая взаимную встречаемость датированных изделий (прежде всего колчанного крюка с поперечной планкой и ножен с железными витыми цепочками), археологический возраст кургана №5 может быть определен в рамках IV в. н.э. (скорее всего, в пределах 1-й половины указанного столетия). Данную относительную хронологию подтверждают вещественные источники из других погребений курганной группы Степушка-I, а также результаты радиоуглеродного анализа серии проб [Тишкин, Матренин, 2013в]. Взятый для анализа остеологический материал лошади из кургана №5 (образец Ле-9435), к сожалению, дал размытые показатели, что, по-видимому, вызвано «нечистой» образца (кости животного соприкасались с деревянной внутримогильной конструкцией).

Выяснение обстоятельств гибели воина, погребенного в кургане №5, пока осложнено затянувшейся обработкой антропологической коллекции, полученной в ходе раскопок памятника Степушка-I. Стоит подчеркнуть, что публикуемая информация о захоронении человека со следами насильственной смерти в рамках исследованной

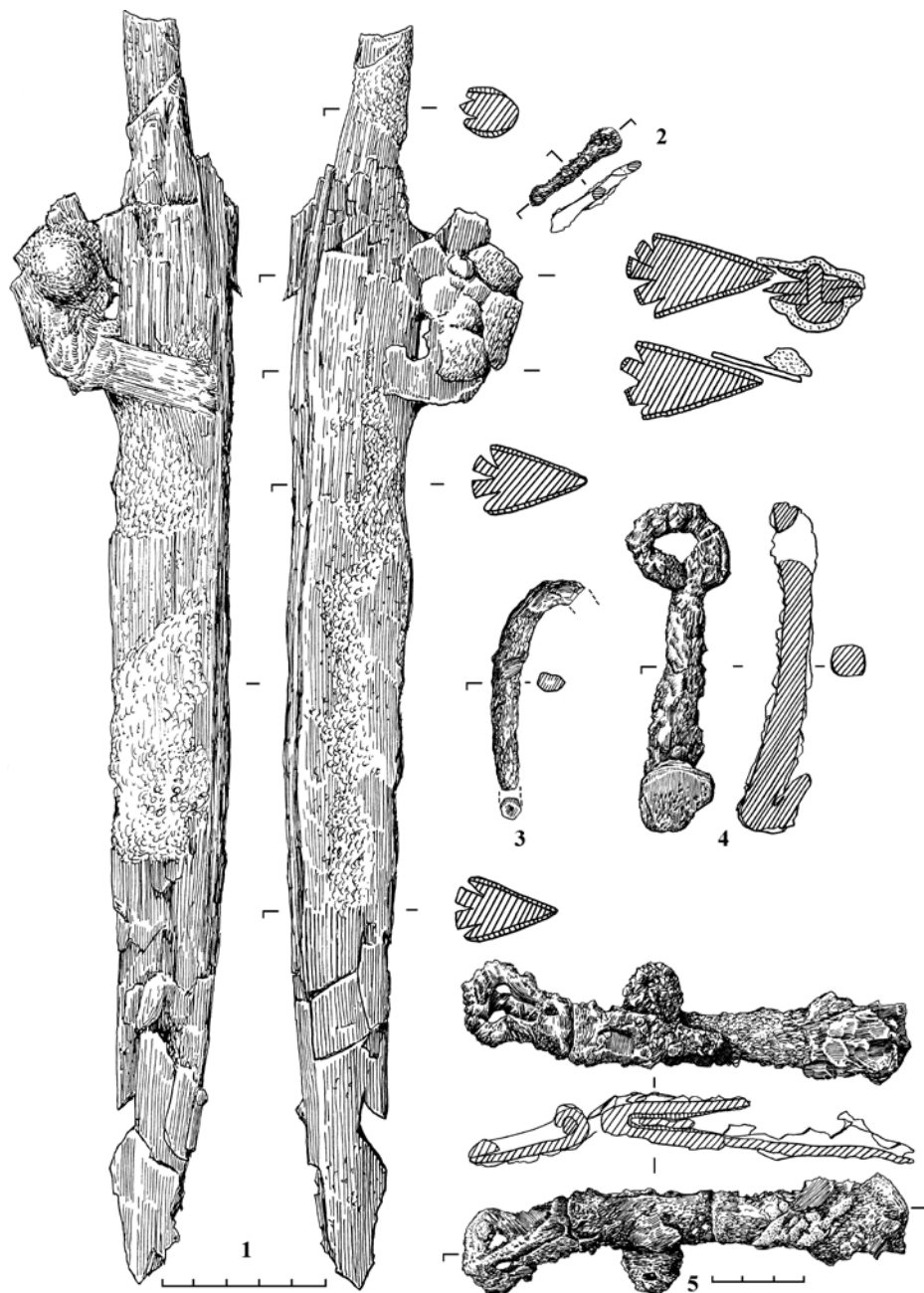

Рис. 13. Степушка-I. Курган №5: 1–2 – боевой нож с остатками ножен; 3 – скоба; 4 – колчаный крюк; 5 – портупейная пряжка (1–2 – железо, дерево, органика; 3–5 – железо)

Рис. 14 (фото). Степушка-I. Курган №5.
Железные изделия (боевой нож
и португейная пряжка)

курганной группы далеко не единственная. Это обстоятельство свидетельствует о сложном характере этнокультурных процессов в обозначенный период времени, получивший в истории название «эпоха Великого переселения народов».

Библиографический список

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «Великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Вып. 7. Барнаул : АлтГПА, 2011. С. 92–98.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Матренин С.С. Некоторые результаты сравнительного изучения погребальных памятников Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Известия Алтайского государственного университета. Серия : История. Политология. 2008. №4/2 (60). С. 127–135.

Матренин С.С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Серия : История. Политология. 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Серия : История. Политология. 2013. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 102–115.

Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.

Соенов В.И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. С. 3–6.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Алтая: краткая история изучения и современное содержание // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 294–297.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 39–56.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 2013а. Вып. 231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. Серия : История. Политология. 2013б. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013в. №1 (7). С. 147–153.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2011. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «Великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степушка-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013а. С. 232–238.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013б. С. 258–279.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.

S.S. Matrenin, A.A. Tishkin, A.V. Schmidt

«THE HEADLESS HORSEMAN» OF THE MIGRATION PERIOD FROM THE CENTRAL ALTAI

Currently, the results of a productive research of the excavations of several dozen mounds which refers to Bulan-Koby archaeological culture have contributed to the accumulation of the source base for exploring of the history of Altai in the Great Migration of Peoples. The processed archaeological materials can elucidate to the complex mechanisms concerning of the ethnogenetic development on the stage of history from these region, due to the interaction of different ethnic groups of the local and alien population. Current stage in the researching of these processes involves the comprehensive analysis as already known archaeological materials and so verifying new hypothesis and new research methods concerning to materials from the period of the III – IV centuries AD. The comprehensive reconstruction of the history, the chronology, the ethno-history and sociogenesis processes in the region's population is expected result of scientific research in this field. The implementation of such studies is carried out mainly due to the archaeological excavations from the burial ground which is known as Stepushka-I – such is the main monument from the later period of the Xianbei-Zhuzhan Time from the Central Altai. It can be dated by the IV AD. This publication is introduced into the scientific circulation submissions of the research materials from mound №5 where is contained of horseman's burial with traces of violent death. Such a tendency demonstrates the particular proof of the important ethno-cultural processes and to a certain extent ambiguous developments in the nomadic culture going on the Central Altai in the Great Migration of Peoples.

Keywords: Altai, the Bulan-Koby culture, the burial ground Stepushka-I, the Xianbei-Zhuzhan Time, the Great Migration of Peoples, excavations, burial place, the accompanying inventory, the dating.

КУРГАН №10 НА МОГИЛЬНИКЕ ИШАНОВО

В 2007 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета раскопала курган №10 на могильнике Ишаново. В результате был получен разнообразный археологический материал, который частично уже нашел отражение в публикациях. Исследованный объект располагается на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области (Россия).

В статье в полном объеме публикуются материалы раскопок кургана №10 и приводятся результаты их классификации. По выделенным типам элементов погребального обряда и инвентаря проводится сравнительный анализ публикуемых материалов с погребальными памятниками эпохи средневековья, ранее исследованными в Кузнецкой котловине. Для проведения этой исследовательской процедуры использовался созданный ранее банк данных на основе типологической классификации археологических материалов средневековых памятников Кузнецкой котловины. Статистические показатели сравнительного анализа позволили датировать курган №10 на могильнике Ишаново XIII в. и включить его в комплекс материалов второй стадии развития шандинской археологической культуры, включаемый в культурно-исторический ареал Восточный Дешт-и-Кипчак.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, развитое средневековье, могильник, курган, артефакт, тип, аналогия.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-03

Курганный могильник Ишаново располагается на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области на западной и северо-западной окраинах с. Русскоурское, рядом с автомагистралью пос. Свердловский – с. Павловка и грунтовыми дорогами, соединяющими с. Русскоурское и с. Устюжанино на затопляемой паводковыми водами первой террасе. Памятник был открыт А.М. Илюшиным в 1995 г. [Илюшин и др., 1995, с. 33–35, рис. 87–90] и раскапывался в аварийном режиме Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией в 2004–2007 гг. [Илюшин, 2010б, с. 460–462; Илюшин и др., 2005, с. 441–443; 2007, с. 98–100; 2007, с. 163–168; 2009, с. 446–447]. В процессе исследования материалов раскопок этого памятника нами были опубликованы отдельные результаты. Они позволили интерпретировать курганный могильник как многокомпонентный культурный комплекс, который состоит из трех культурно-хронологических пластов – развитого и позднего средневековья и нового времени [Илюшин, 2005б, с. 77–79; 2010а, с. 127–132; 2012а, с. 29–34; 2013, с. 161–172; Илюшин и др., 2008, с. 60–66].

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы ввести в широкий научный оборот результаты исследований кургана №10, наиболее ярко и полно представляющий собой культурные черты объектов развитого средневековья на могильнике Ишаново, а также провести их сравнительный культурно-хронологический анализ с погребальными памятниками этого периода в Кузнецкой котловине.

Курган №10 раскопан в 2007 г. Он располагается в юго-восточной части памятника, в ряду из двух курганов, ориентированных по линии ЮЮВ – ССЗ. Насыпь кургана была сильно разрушена при строительстве асфальтированной автомобильной дороги и визуально не воспринималась. При внешнем обследовании зафиксированы лишь контуры вытянутого четырехугольного рва. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, ооконтуренного рвом, и выборки заполнения рва выявлены

первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Земляная насыпь кургана была округлой формы диаметром 11,25 м и на 0,5 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок). Она состояла из слоя дерна (0,12–0,22 м), чернозема (0,12–0,32 м), погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка – 0,05–0,1 м). В восточной части насыпи кургана (на глубине 0,25 м) найдена кость задней ноги лошади. Ров длинной осью был ориентирован по линии З – В. Его внешние и внутренние размеры составляют 19,50–21,75x10,85–15,80 м, а ширина и глубина – 1,03–2,65 м и 0,41–0,7 м (от уровня материка). При выборке заполнения и зачистке рва в восточной части зафиксирована небольшая перемычка – вход в сакральное пространство (длиной 1,42 м и шириной 0,47 м). В северной и южной частях рва (на глубинах 1,01, 0,98 и 0,95 м) найдены зубы и кость передней ноги лошади (рис. 1).

В процессе разборки насыпи и зачистки материка по всей площади раскопа выявлены и обследованы одна грунтовая яма, четыре деревянных столба и четыре грунтовых могилы (рис. 1). Приводим их описание.

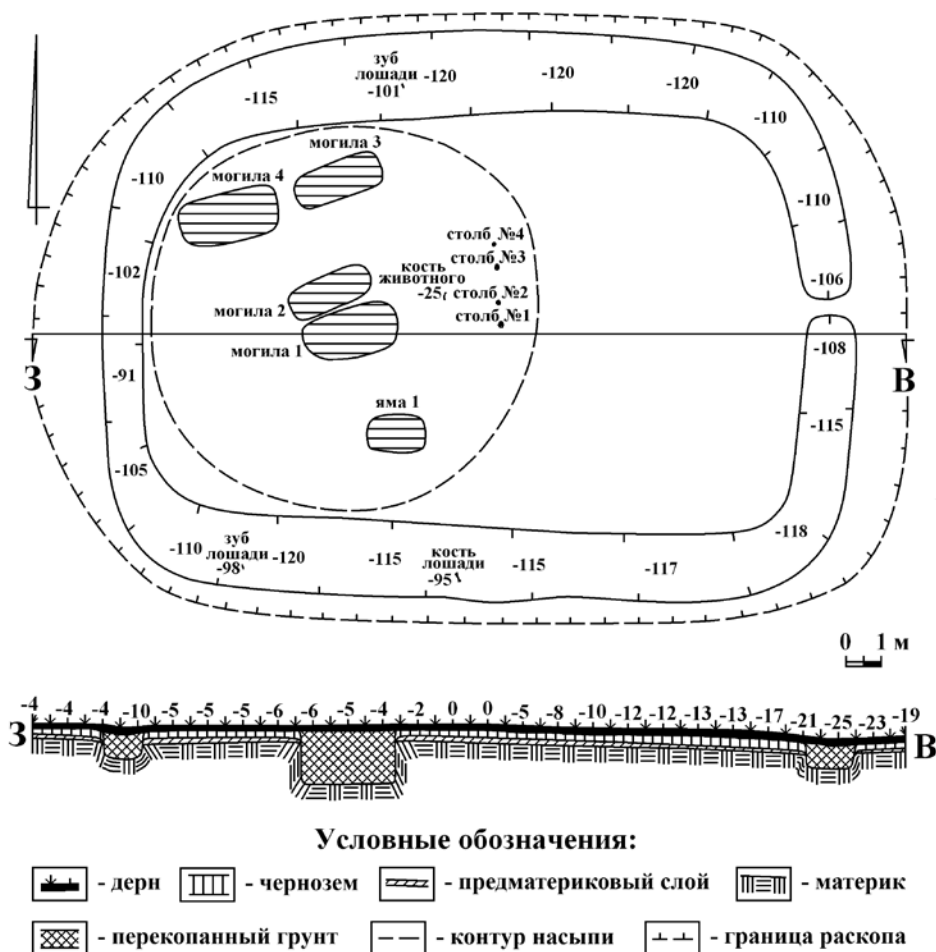

Рис. 1. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. План и профиль раскопа

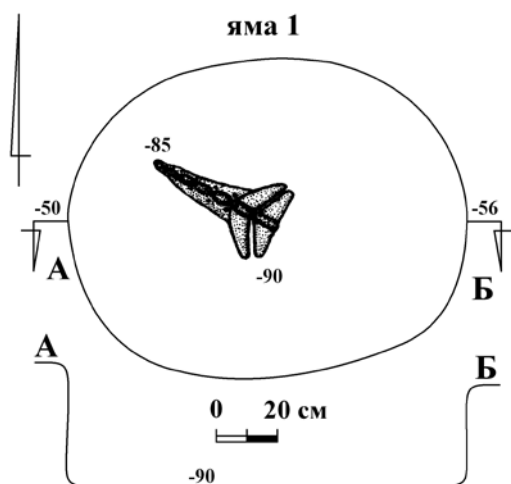

Рис. 2. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. План и разрез ямы 1

Яма 1 расположена под южной полкой насыпи кургана, имеет овальную форму (1,3 x 1,05 м), вытянутую длинной осью по линии З–В, на 0,4 м углублена в материк. На дне ямы в центральной части (на глубине 0,85–0,9 м) зафиксированы семь костей крестца животного в анатомическом сочленении (рис. 1, 2).

Деревянные столбы №1–4 располагались под восточной полкой насыпи кургана и были установлены в ряд на расстоянии 0,57–0,85 м друг от друга по линии Ю–С, образуя цепочку коновязей общей длиной 2,45 м. По количеству и месторасположению грунтовых могиль-

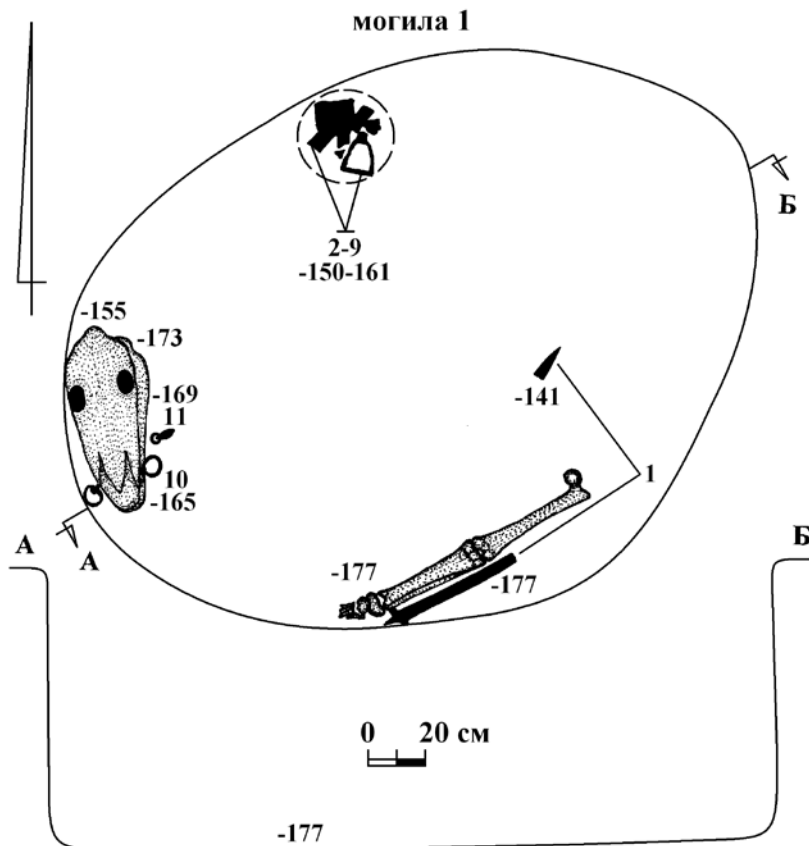

Рис. 3. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. План и разрез могилы 2.

Находки: 1 – фрагменты сабли; 2–7 – фрагменты котла; 8 – стремя; 9 – кремь; 10 – удила с псалями; 11 – деталь узды

ных ям и деревянных столбов можно предполагать, что эти сооружения связаны между собой единым замыслом (рис. 1).

Столб №1 располагался на южном крае цепочки, имел диаметр 0,18 м, был углублен в материк на 0,32 м и на 0,37 м возвышался над ним (рис. 1).

Столб №2 располагался в центре цепочки, имел диаметр 0,09 м, был углублен в материк на 0,25 м и на 0,42 м возвышался над ним (рис. 1).

Столб №3 располагался в центре цепочки, имел диаметр 0,12 м, был углублен в материк на 0,28 м и на 0,04 м возвышался над ним (рис. 1).

Столб №4 располагался на северном крае цепочки, имел диаметр 0,13 м, был углублен в материк на 0,24 м и на 0,41 м возвышался над ним (рис. 1).

Могила 1 располагалась под насыпью кургана (в центральной части, глубина – 1,77 м) и представляла собой подверженное сильному разграблению погребение мужчины (в возрасте около 35 лет) с лошадью. Могильная яма была углублена в материк на 1,22 м и имела форму овала (размерами 2,60 x 1,82 м), который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серый материковый суглинок. При его выборке на глубине 0,6–1,6 м в неупорядоченном состоянии встречались кости скелета человека (череп, позвонки, ребра, кости таза, ног, рук, ключицы, лопатки, фаланги пальцев рук) и лошади (ребра, позвонки, кости ног). Кроме этого, на глубине 1,41 м в центральной части найден фрагмент острия железной сабли, а у северной стенки могилы – скопление фрагментов железных изделий (котел, стремя) и кремь для высекания искры. В западной части могилы (на глубине 1,55–1,73 м) лежали в неповрежденном состоянии кости черепа лошади, а в южной части могилы (на глубине 1,77 м) – в анатомическом сочленении кости левой ноги человека. В зубах лошади и рядом с ее черепом (на глубинах 1,65 и 1,69 м) найдены железные удила с массивными кольчатыми псалиями и деталь узды, а у южной стенки могилы, рядом с костями левой ноги на глубине 1,77 м, обнаружена железная сабля с обломанным острием (рис. 1; 3; 4.-1; 5.-2–7; 6.-8–11).

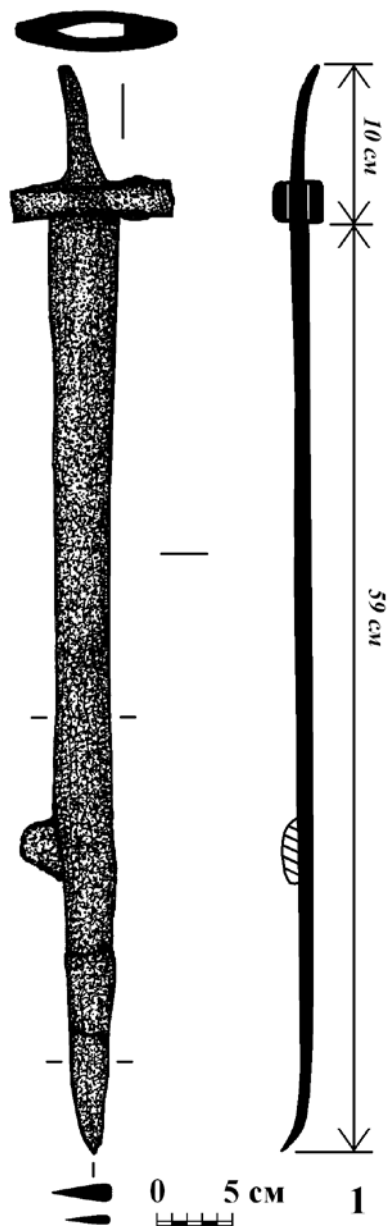

Рис. 4. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находка из могилы 1: 1 – сабля (1 – железо, дерево и кожа)

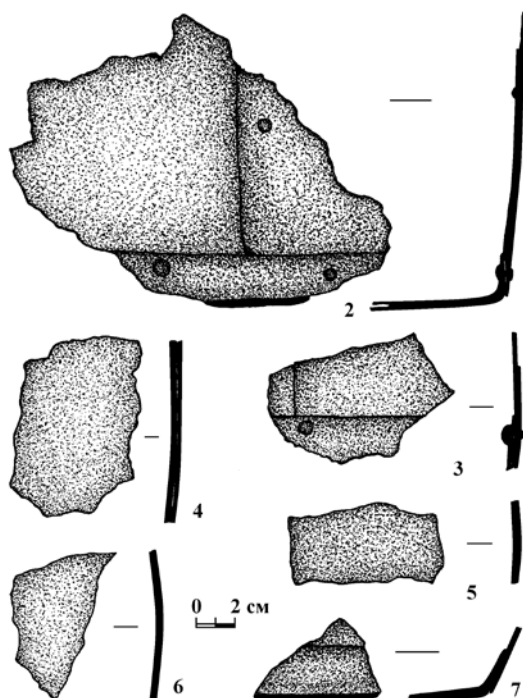

Рис. 5. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находки из могилы 1: 2-7 – фрагменты котла (2-7 – железо)

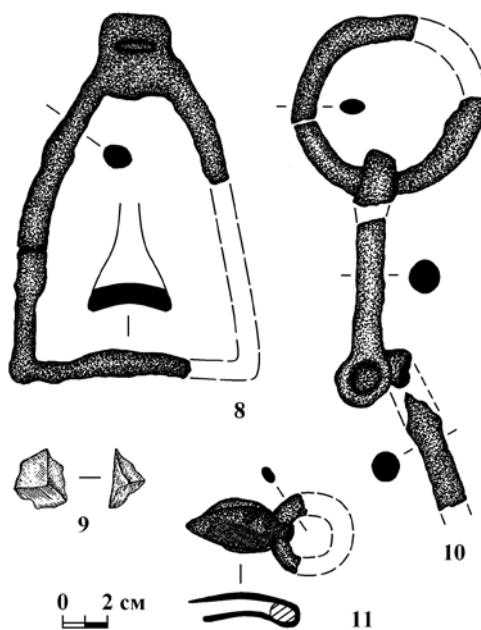

Рис. 6. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находки из могилы 1: 8 – стреля; 9 – кремь; 10 – удила с псалиями; 11 – деталь узды (8, 10 – железо; 9 – камень; 11 – железо и ткань)

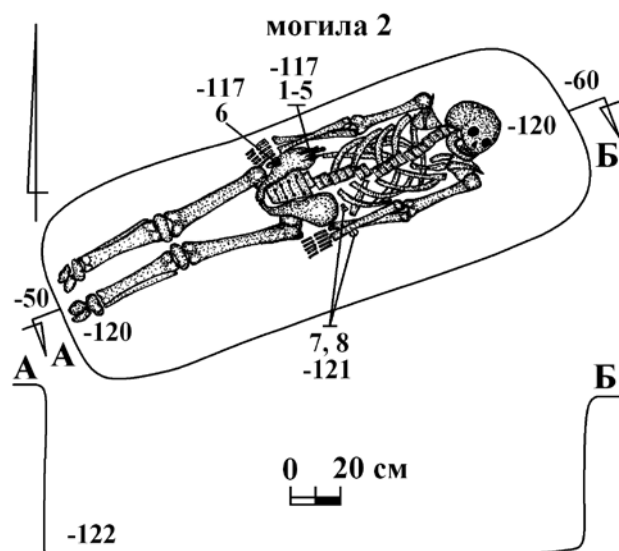

Рис. 7. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. План и разрез могилы 2. Находки: 1-5 – наконечники стрел; 6 – колчаный крюк; 7, 8 – пряжки (1-5 – железо и дерево; 6-8 – железо)

Могилы 2 располагалась под насыпью кургана в центральной части на глубине 1,2–1,22 м и представляла собой погребение мужчины в возрасте 18–20 лет в грунтовой яме. Могильная яма углублена в материк на 0,72 м и имела форму овала (размерами 2,21 x 0,86 м), который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серый материковый суглинок. Захоронение мужчины было совершено на дне грунтовой ямы (на глубине 1,2 м) в вытянутом положении, на спине и с ориентацией головой на ВСВ. Практически все кости

скелета человека сохранились в анатомическом порядке (кроме костей пальцев ног). В районе тазовых костей с правой стороны (на глубине 1,17 м) найдены пять железных наконечников стрел и железный колчаный крюк, а с левой стороны (на глубине 1,21 м) лежали две железные пряжки (рис. 1; 7; 8.-1-8).

Могила 3 располагалась под северной полой насыпи кургана на глубине 1,29–1,32 м. Она представляла собой погребение женщины в возрасте около 50 лет в грунтовой яме. Могильная яма оказалась углублена в материк на 0,82 м и имела форму овала (размерами 2,48 x 0,95 м), который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серый материковый суглинок. Захоронение женщины совершено на дне грунтовой ямы (на глубине 1,27–1,29 м) в вытянутом положении, на спине, со слегка согнутой в колене правой ногой и прислоненной к северной стенке могилы. Умершая ориентирована головой на ВСВ.

Кости скелета человека сохранились в анатомическом порядке. На тазовых костях женщины лежала кость ноги животного (предположительно овцы. – *А.И.*). Рядом с черепом, с правой стороны и на глубине 1,29 м, найдена серебряная кольчатая серьга (рис. 1; 9; 10.-1).

Могила 4 располагалась под северо-западной полой насыпи кургана на глубине 1,31 м и представляла собой подверженное частичному разрушению грызунами погребение мужчины в возрасте около 30–35 лет в грунтовой яме. Могильная яма оказалась углублена в материк на 0,81 м и имела форму овала (размерами 2,50 x 1,3 м), который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серый материковый суглинок. Заполнение в южной и северной частях могилы различалось по грунту и цвету. Захоронение

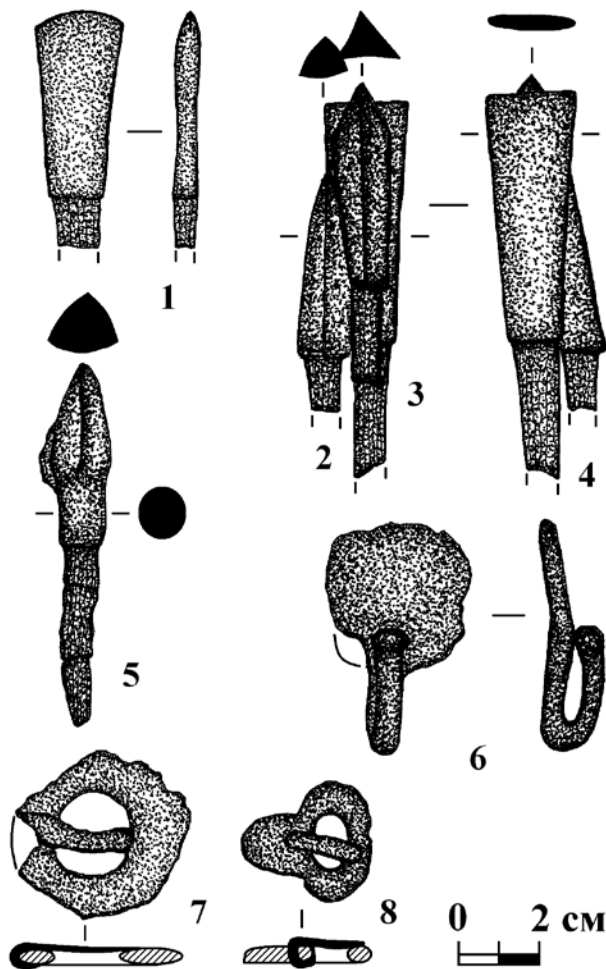

Рис. 8. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находки из могилы 2: 1-5 – наконечники стрел; 6 – колчаный крюк; 7, 8 – пряжки (1-5 – железо и дерево, 6-8 – железо)

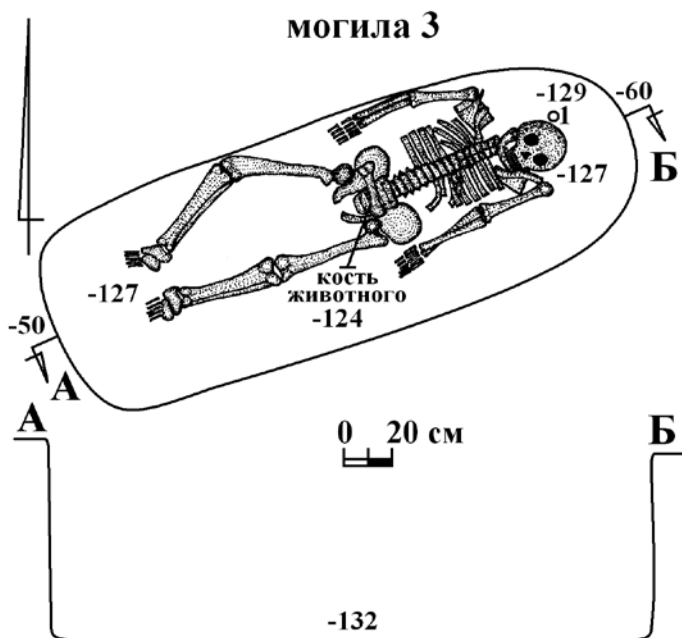

Рис. 9. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. План и разрез могилы 3. Находки: 1 – серебряная серьга

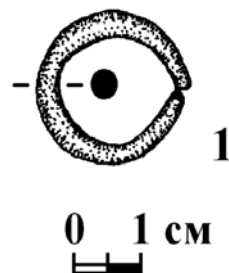

Рис. 10. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находка из могилы 3: 1 – серебряная серьга

мужчины было совершено на дне грунтовой ямы в южной части могилы на глубине 1,26–1,31 м. Умерший лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на ВСВ. Почти все кости скелета человека сохранились в анатомическом порядке. У висков с правой и левой стороны черепа (на глубине 1,26 м) найдены серебряные кольчатые серьги, а в северо-западной части могилы в ногах погребенного (на глубине 1,26 м) зафиксированы железные предметы конского снаряжения – стремена, удила с кольчатыми псалями и крепление (рис. 1; 11; 12.-1, 2; 13.-3–6).

На основании описания кургана и находок, сделанных при его исследовании, можно классифицировать отдельные типы-признаки элемен-

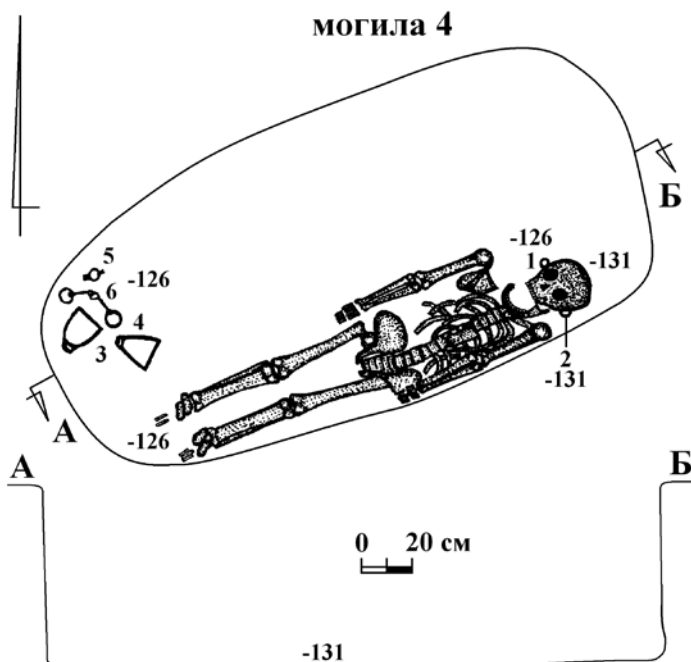

Рис. 11. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. План и разрез могилы 4. Находки: 1–2 – серьги; 3–4 – стремена; 5 – фрагмент кольца; 6 – удила

тов погребального обряда и артефактов. В основе классификации лежат критерии, ранее апробированные при рассмотрении материалов из средневековых археологических памятников Кузнецкой котловины, которые вошли в единый информационный банк данных [Бобров и др., 2010, с. 35–47, 71–77; Илюшин, 1993, с. 21–33; 1997, с. 21–48; 1999а, с. 36–65; 1999б, с. 25–48; 2012, с. 24–46; Илюшин и др., 1996, с. 41–69; и др.].

При классификации элементов погребального обряда кургана №10 (на уровне «курган и сопутствующие сооружения») выделяются такие типы-признаки, как округлая земляная насыпь диаметром менее 12 м; ров подчетырехугольной формы, длинной осью вытянутый по линии 3 – В, с ритуальной площадкой; кости животных в насыпи; кости и зубы лошади во рву; деревянные столбы в восточной части земляной насыпи; наличие грунтовой ритуальной ямы под насыпью. Все шесть типов-признаков классифицированных элементов погребального обряда (на уровне «курган и сопутствующие сооружения») полностью имеются на курганном могильнике Торопово-1 [Илюшин, 1999а, с. 51–55], пять элементов имеют аналогии на курганной группе Конево [Илюшин, 2012б, с. 25–27] и четыре элемента – на курганном могильнике Сапогово-1 [Илюшин и др., 1996, с. 55–61].

Среди элементов погребального обряда на уровне «способ и место захороне-

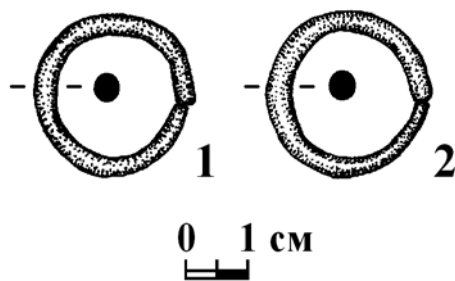

Рис. 12. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находки из могилы 4: 1, 2 – серебряные серьги

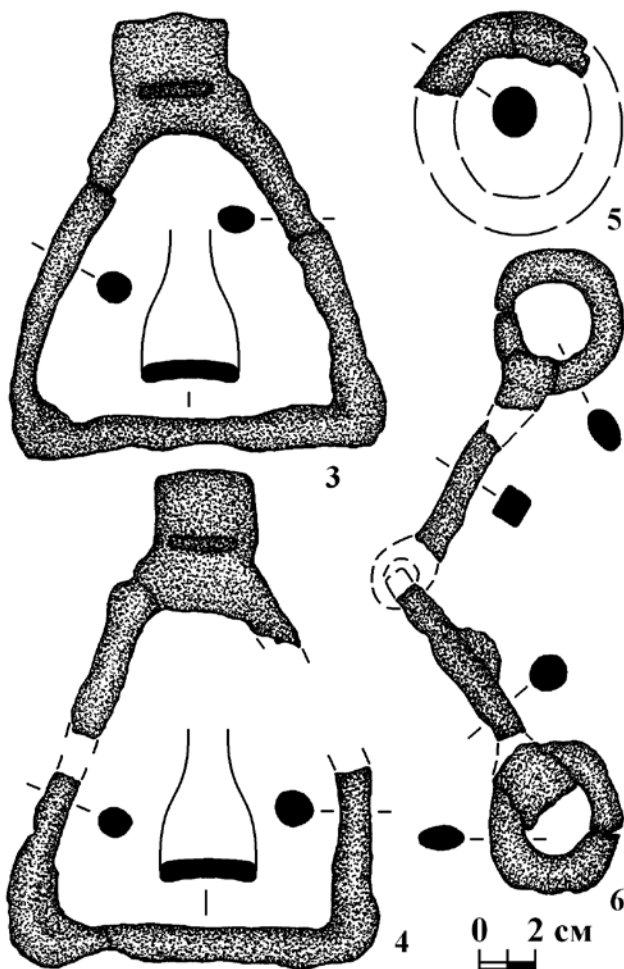

Рис. 13. Курганный могильник Ишаново. Курган №10. Находки из могилы 4: 1, 2 – фрагменты стремян, 3 – фрагмент узды, 4 – фрагменты удил с кольчатыми псалями (1–4 – железо)

ния» выделяются такие типы-признаки, как ингумация взрослого человека на спине в вытянутом положении; ингумация взрослого человека с конем; захоронения в грунтовых ямах, углубленных в материк; грунтовые могилы без дополнительных конструкций; ориентация могил по длинной оси ЗЮЗ – ВСВ; ориентация одиночных погребений взрослых людей головой на ВСВ; ориентация умершего взрослого человека головой на ВСВ, а конь – с правой стороны головой на ЗЮЗ; наличие в могиле кости овцы; наличие в могилах предметов вооружения, конского снаряжения, одежды и украшения, предметов быта и посуды.

Из 13 выявленных типов-признаков классифицированных элементов погребального обряда на уровне «способ и место захоронения» 12 имеют аналогии на курганной группе Конево [Илюшин, 2012б, с. 28–32] и по 11 аналогий на погребальных памятниках Торопово-1 [Илюшин, 1999а, с. 55–65] и Сапогово-1 [Илюшин и др., 1996, с. 61–69].

Таким образом, по всей совокупности выделенных элементов погребального обряда (19) для исследуемого объекта наиболее близкими по количеству аналогий среди средневековых погребальных памятников Кузнецкой котловины являются Торопово-1 (17), Конево (17) и Сапогово-1 (15), датируемые XIII–XIV вв., рубежом XII–XIII вв. и 1-й четвертью II тыс. н.э. [Илюшин, 1999а, с. 68; 2012а, с. 70; Илюшин и др., 1996, с. 96].

Найденные в могилах предметы относятся к категориям вооружения, конского снаряжения, одежды, украшения, быта и посуды. Классифицируем эти артефакты, тем самым пополним базу данных по вышеназванным категориям предметов материальной культуры средневекового населения Кузнецкой котловины и получим возможность провести их сравнительно-исторический анализ.

Вооружение представлено изделиями для ведения дистанционного и ближнего рукопашного боя.

Предметы вооружения и снаряжения для дистанционного боя по материалам раскопок кургана №10 на могильнике Ишаново представлены комплексом изделий для стрельбы из лука – железными наконечниками и колчаным крюком, найденным в могиле 2 (рис. 7; 8.-1–6). По расположению этих находок в могиле можно предполагать, что пять стрел находились в колчане, закрепленном с правой стороны на поясе молодого мужчины (пеший лучник. – *А.И.*), и были ориентированы наконечниками вверх.

Найденные наконечники стрел по материалу изготовления относятся к классу «железные», а по способу крепления и форме несущей части – к отделу «черешковые». По сечению пера и ударной части делятся на три группы, а по форме пера и оформлению ударной части – на пять типов.

Группа 1. Трехгранно-трехлопастные. Насчитывает один тип.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Представлен 1 экз. (рис. 8.-3). Этот тип наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины встречен на памятниках Шанда, Саратовка, Сапогово-1, Мусохраново-3 и Солнечный-1 [Илюшин, 1993, с. 22, рис. 27.-15; 1999б, с. 26, рис. 4.-26; 5.-11; 8.-8; Илюшин и др., 1996, с. 41, рис. 3.-3; 1998, рис. 13.-13; Сулейменов, 2008, с. 93; рис. 1.-7]. Этот тип наконечника стрелы бытовал на территории Кузнецкой котловины с IX по XIII в. [Илюшин, 2010в, с. 123].

Группа 2. Трехгранные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Представлен 1 экз. (рис. 8.-2). Этот тип наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины зафиксирован на погребальных

памятниках Тарасово-1, Усть-Канда и Мостовая [Бородкин, 1977, с. 140, рис. 1.-2; Илюшин, 1990, с. 50–51, рис. 2, 1; 7.-1; 2.-5]. По датировке этих памятников этот тип наконечников стрел бытовал в XI–XIII вв. [Илюшин, 2010в, с. 123].

Тип 2. Боеголовковые, треугольные с короткой шейкой. Представлен 1 экз. (рис. 8.-5). Имеет аналогии в Кузнецкой котловине на погребальных памятниках Новокамышенка и Беково [Kuznesova, 1930, р. 74–94; Илюшин, 1993, с. 22, рис. 51.-3; 2008, с. 169, рис. 5.-4]. Период его бытования XI – начало XIII в. [Илюшин, 2010в, с. 123].

Группа 3. Однолопастные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-трапециевидные томары. Представлен 1 экз. (рис. 8.-4). Этот тип наконечников стрел в Кузнецкой котловине известен на погребальных памятниках Шанда, Торопово-1, Саратовка [Илюшин, 1993, с. 23, рис. 30.-8; 1999а, с. 40, рис. 5.-3; 50.-4, 5; 1999б, с. 27, рис. 9.-7; 64.-18], Тарасово-1, Тарасово-2 [Бородкин, 1977, рис. 2.-8; Митько, 1991, с. 101, рис. 1.-10] и Мусохраново-3 [Илюшин и др., 1998, с. 85, рис. 13.-7]. Период его бытования – X–XIV вв. [Илюшин, 2010в, с. 128].

Тип 2. Секторные. Представлен 1 экз. (рис. 8.-1). Такой тип наконечника стрел впервые найден на территории Кузнецкой котловины. На сопредельной территории Алтая такие наконечники стрел известны на памятниках кыргызской культуры 2-й половины X – XI в. и в материалах кармацкой культуры XIII–XIV вв. Верхнего Приобья, а в Горном Алтае в монгольское время XIII–XIV вв. [Гаврилова, 1965, с. 88, табл. XXV.-10; Горбунов, 2006, с. 43, рис. 35.-24; 36.-5; 37; 38; Грязнов, 1956, с. 156, табл. LXII.-2; Тишкин, 2009, рис. 24.-1; 54.-4; 68.-9; 88.-2; 89.-6; 94.-2; 96.-4, 6; 114.-11; 136.-19, 20; и др.]. Подобные наконечники стрел известны в комплексе вооружения восточных кыпчаков XI–XIV вв. [Худяков, 1997, с. 108, рис. 72.-2; 73; 77] и в материалах басандайской культуры XII–XIV вв. Приобья [Плетнева, 1997, с. 83, рис. 131.-7; Савинов и др., 2008, с. 143, рис. 43.-1; 87.-8; и др.].

Найденный колчаный крюк по материалу изготовления относится к группе «железные», а по конструкции крепления – к типу «щитковый» (рис. 8.-6).

К числу изделий для ближнего боя относится сабля из подверженной разграблению могилы 1 (рис. 3; 4.-1). Окончание клинка сабли было загнуто и поломано, но ее удалось реставрировать и восстановить внешний вид. Длина клинка составляет 59 см, а рукояти – 10 см. Это короткая слабоизогнутая сабля по разрезу клинка относится к группе «трехгранные», а по форме перекрестья – к типу «с брусковидным перекрестьем». Сабли другого типа известны на погребальных памятниках Мусохраново-3 2-й половины XII – XIII в. [Илюшин и др., 1998, с. 85, рис. 13.-1; 15.-1], Солнечный-1 XII – начало XIII в. [Сулейменов, 2008, с. 94, рис. 1.-19], Шанда XI–XII вв., Торопово-1 XIII–XIV вв. и Шабаново-9 XII–XIII вв. [Илюшин, 1993, с. 24, рис. 29.-1; 1999а, с. 41, рис. 63.-4; 2010г, с. 102, 105, рис. 3.-4].

Предметы конского снаряжения представлены находками стремян, удила с псалиями и креплениями для ремней.

В исследуемом кургане найдены фрагменты трех стремян, которые по материалу изготовления относятся к группе «железные», а по способу крепления ушка – к одному типу.

Тип 1. С прямоугольным выступом на верхней дужке, в разном исполнении. Включает 3 экз. из могил 2 и 4 в кургане №10 (рис. 4.-8; 13.-3–4). Все эти стремяна

характеризуются одинаковыми формами (подтреугольная) и конструкциями подножек (прямые, узкие). Подобные стремена известны на погребальных памятниках Калтышино-1, Беково, Шанда и Конево, датированных концом X – 1-й половиной XI в., XI–XII вв. и рубежом XII–XIII вв. [Савинов, 1997, с. 86, рис. 6.-11; Илюшин, 1993, с. 25, рис. 32.-1, 2; 53.-1; 2012б, с. 39, рис. 35.-5].

Удила, найденные в исследуемом кургане, по материалу изготовления относятся к группе «железные», а по конструкции – к одному типу.

Тип 1. Однокольчатые, состоящие из двух звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце. Включает 2 экз. из могил 2 и 4 в кургане №10 (рис. 6.-10; 13.-6).

Псалии, имевшиеся в найденных удилах, по материалу изготовления относятся к группе «железные», а по конструкции и размерам – к одному типу.

Тип 1. Кольчатые, большие (внешний диаметр кольца которых превышает половину величины размера звена удил). Включает 3 экз. из могил 2 и 4 в кургане №10 (рис. 6.-10; 13.-6).

Однокольчатые удила из двух звеньев с большими кольчатыми псалиями на территории Кузнецкой котловины известны на памятниках Танай-8 (XI–XII вв.) [Савинов, 2011, с. 64, рис. 6.-14, 15], Шанда, Беково (XI–XII вв.), Шабаново-9 (XII–XIII вв.), Конево (рубеж XII–XIII вв.) [Илюшин, 1993, с. 25–26, рис. 26.-14; 28.-3; 31.-2; 35.-4; 43.-1; 48.-5; 2010г, с. 103, рис. 3.-1; 2012б, с. 38–39, рис. 40.-1; 52.-1; 54.-7], Сапогово-1 (1-я четверть II тыс. н.э.) и Шабаново-4 (XII–XIV вв.) [Илюшин и др., 1996, с. 44, рис. 11.-5; 1998, с. 28, рис. 9.-2].

В могилах 2 и 4 кургана №10 найдены детали для крепления ремней конского снаряжения (рис. 3; 6.-11; 11; 13.-5). По материалу изготовления они относятся к группе «железные», а по форме и конструкции – к двум типам.

Тип 1. Кольцо. Включает 1 экз. из могилы 4 кургана №10 (рис. 13.-5).

Тип 2. Кольцо с крепежным щитком. Включает 1 экз. из могилы 2 кургана №10 (рис. 6.-11).

Принадлежности одежды и украшения представлены находками поясных пряжек и серьгами.

Две пряжки, найденные в могиле 2 кургана №10 (рис. 7; 8.-7, 8), по материалу изготовления относятся к группе «железные», а по форме и конструкции – к двум типам.

Тип 1. Рамчатые овальные с подвижным язычком. Включает 1 экз. из могилы 2 в кургане №10 (рис. 8.-7). Аналогичные пряжки известны на погребальных памятниках Тарасово-2 [Митько, 1991, с. 103, рис. 2.-3–6], Торопово-1, Саратовка и Конево [Илюшин, 1999а, с. 44, рис. 5.-14; 6.-3; 50.-10; 52.-3; 1999б, с. 32–33, рис. 31.-18, 19; 64.-22; 2012б, с. 42, рис. 8.-18; 17.-4; 52.-3; 57.-4].

Тип 2. Овально-рамчатые с подвижным язычком и неподвижным щитком с заovalенными краями окончания. Включает 1 экз. из могилы 2 кургана №10 (рис. 8.-8). Этот тип пряжек встречен на могильниках Беково и Торопово-1 [Илюшин, 1993, с. 27, рис. 48.-7; 1999а, с. 44, рис. 5.-13].

Серьги из могил 3 и 4 (рис. 9; 10.-1; 11; 12.-1, 2) по материалу изготовления относятся к группе «серебряные», а по форме и конструкции – к типу «кольчатые». Такие изделия найдены в погребальных комплексах Конево и Мусохраново-3 [Илюшин, 2012б, с. 43, рис. 31.-50; Илюшин и др., 1998, с. 83, рис. 15.-2, 3]. На схеме

типологической эволюции серег у населения Кузнецкой котловины в эпоху средневековья эти изделия занимают нишу, датируемую XII–XIII вв. [Илюшин, 2011, табл. 1.-17–18].

Предметы быта найдены в одном случае. Это кремь молочного цвета для высекания искры из могилы 1 (рис. 3; 6.-9). Традиция класть в могилу камень для высекания искры фиксируется в Кузнецкой котловине на памятниках Шанда, Сапогово-2, Торопово-1, Новокамьшенка и Шабаново-9 [Илюшин, 1993, с. 28, рис. 33.-16, 17; 1997, с. 38, рис. 20.-10; 21.-12; 1999а, с. 46–47, рис. 16.-6; 55.-2; 2008, с. 170, рис. 2.-2; 2010г, с. 105, рис. 3.-3; 5.-2].

Посуда, найденная в могиле 1 (рис. 3; 5.-2–7), по материалу изготовления относится к группе «железные», а по форме – к типу «котлы». Этот сосуд был изготовлен в форме котелка с плоским дном из железных пластин, скрепленных между собой при помощи заклепок.

В результате классификации предметов материальной культуры по их функциональному назначению и конструктивным особенностям все находки из кургана №10 представлены в 17 типах артефактов. При сравнении с базой данных по классификации всех ранее опубликованных средневековых материалов из Кузнецкой котловины совокупность всех этих изделий отличает ярко выраженное своеобразие. Из 17 типов артефактов три на данный момент не имеют аналогий на территории вышеназванного региона. Это железный наконечник стрелы в форме секторного томара с линзовидным сечением (рис. 8.-1) и детали крепления ремней конского снаряжения (рис. 6.-11; 13.-5). По шесть аналогичных типов артефактов ранее были найдены при раскопках на могильниках Торопово-1 и Шанда. По пять аналогичных типов предметов имеют аналогии на погребальных памятниках Шабаново-9, Беково и Конево.

По всей совокупности (36, или 100%) классифицированных типов артефактов и типов-признаков элементов погребального обряда можно констатировать, что больше всего аналогий для изучаемого объекта на территории Кузнецкой котловины имеются на погребальных памятниках Торопово-1 (23, или 62%) и Конево (22, или 59,5%) датированных XIII–XIV вв. и рубежом XII–XIII вв. [Илюшин, 1999а, с. 68; 2012б, с. 70]. Корреляция дат этих памятников, а также датировка всех вышеперечисленных аналогий артефактам исследуемого погребально-поминального комплекса указывает на то, что курган №10 мог быть сооружен в начале XIII в. Однако так узко датировать объекты по археологическим материалам без опоры на нумизматические материалы или другие веские доказательства не принято в кругу исследователей средневековых вещественных источников Сибири. Поэтому более правильным будет датировать курган №10 XIII в. В пользу этой датировки свидетельствуют новые материалы из исследуемого объекта, которые, несмотря на преобладание традиционных артефактов предшествующего времени, позволяют обозначить его нижнюю хронологическую границу. К числу таких находок в кургане №10 можно отнести линзовидный наконечник стрелы секторного типа (рис. 8.-1). В развитом средневековье на территории Центральной Азии именно в комплексе средств ведения дистанционного боя наблюдаются значительные инновационные явления и их распространение от центра к периферии [Худяков, 1997, с. 138–139]. Впервые найденный на территории Кузнецкой котловины линзовидный секторный наконечник стрелы вместе с удлинненно-трапециевидным томаром (рис. 8.-1, 4) имеет аналогии на Степном Алтае в могиле 2 кургана №9 на мо-

гильнике Кармацкий, датированной XIII–XIV вв., а также входят в комплекс материалов усть-бийкенского этапа культуры монгольского времени (XIII–XIV вв.) в Горном Алтае [Тишкин, 2009, с. 82–88, 94, рис. 54.-4, 7; рис. 136.-18–20]. Эти данные с учетом корреляции дат аналогий исследуемым артефактам из памятников Кузнецкой котловины являются весомым аргументом для датировки кургана №10 XIII в.

По набору классифицированных элементов-признаков и находкам курган №10 на могильнике Ишаново можно интерпретировать как погребально-поминальный комплекс. Он относится к археолого-этнографическому комплексу погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня и второй стадии развития шандинской археологической культуры [Илюшин, 2005а, с. 97–105, 120–126], которые отождествляются нами с историко-культурным ареалом Восточного Дашт-и-Кипчак.

Библиографический список

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово : ИНТ, 2010. 276 с.

Бородкин Ю.М. Курганы у села Тарасово // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 139–147.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 2 : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. (МИА. №48).

Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по материалам раскопок М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 46–61.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1997. Т. 2. 119 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999а. Т. 3. 208 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999б. 160 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005а. 240 с.

Илюшин А.М. Курганный могильник Ишаново – памятник культуры аз-кыштымов в Кузнецком Присалаирье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 77–79.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология степной Евразии. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2008. С. 160–184.

Илюшин А.М. К вопросу о материальной и духовной культуре аз-кыштымов (по материалам археологических раскопок на курганном могильнике Ишаново) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд-во ОмГПУ : Изд. дом «Наука», 2010а. С. 127–132.

Илюшин А.М. Исследование Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2007 года. М. : Языки славянской культуры, 2010б. С. 460–462.

Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010в. №4/1. С. 120–133.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010г. №1 (12). С. 97–106.

Илюшин А.М. Серьги у средневекового населения Кузнецкой котловины // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III. С. 119–122.

Илюшин А.М. Новые материалы по средневековой истории и культуре кыштымов в Кузнецкой котловине // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях. Горно-Алтайск : ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012а. Ч. 1. С. 29–34.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2012б. Т. 4. 188 с.

Илюшин А.М. Погребально-поминальный комплекс №3 на курганном могильнике Ишаново // Древности Сибири и Центральной Азии. 2013. №5 (17). С. 161–172.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2004 года. М. : Наука, 2005. С. 441–443.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. С. 98–100.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2006 года. М. : Наука, 2009. С. 446–447.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2007 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №6. С. 163–168.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во КузГТУ, 1998. С. 15–53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. Т. 1. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во КузГТУ, 1998. С. 79–106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/2. С. 60–66.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово, 1995. 153 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э. // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III. С. 60–72.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.

Сулейменов М.Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 93–96.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Митько О.А. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : НГУ, 1991. С. 101–109.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Kuznetsova A. Altertumer aus dem Tal der mittleren Inja // ESA, V. Helsinki, 1930. P. 74–94.

A.M. Ilyushin

BARROW №10 ON BURIAL GROUND ISHANOVO

In 2007 Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition of Humanitarian scientific center of the Kuzbass state technical university dug out a barrow №10 on Ishanovo's burial ground. The various archaeological material which partially already found reflection in publications was as a result received. The studied object settles down in the territory of the Leninsk-Kuznetsk region of the Kemerovo region (Russia).

Materials of excavation of a barrow №10 are in full published in article and results of their classification are given. On the allocated types of elements of a funeral ceremony and stock the comparative analysis of published materials with funeral monuments of an era of the Middle Ages earlier investigated in Kuznetsk Depression is carried out. For carrying out this research procedure the databank created earlier on the basis of typological classification of archaeological materials of medieval monuments of Kuznetsk Depression was used. Statistics of the comparative analysis allowed to date a barrow №10 on XIII century Ishanovo's burial ground and to include it in a complex of materials of the second stage of development of the shandinsky archaeological culture, East Desht-i-Kipchak included in a cultural and historical area.

Keywords: Kuznetsk Depression, the developed Middle Ages, burial ground, barrow, artifact, type, analogy.

КЛАД ЖЕЛЕЗНЫХ ТОПОРОВ С ТЕТЮШКОГО II ГОРОДИЩА В ТАТАРСТАНЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Тетюшское II городище расположено на северной окраине г. Тетюши Тетюшского района Татарстана. В 2007–2013 гг. там была исследована площадь в 444 кв. м. Культурный слой имеет мощность 1,5–2 м. Раскопки показали, что поселение на этом месте возникло в эпоху позднего бронзового века – начале раннего железного века – в IX–VIII вв. до н.э. Своего расцвета оно достигло в VI–VII вв. Этот период представлен материалами именьковской археологической культуры.

Интересна находка на городище клада железных топоров именьковской культуры. В кладе было восемь одинаковых топоров, которые можно назвать топорами «тетюшского типа». Все топоры из клада никогда не использовались по назначению: лезвия этих изделий были не заточенными. Сохранность их идеальная: на поверхности нет следов коррозии и повреждений. Это состояние артефактов позволяет установить способ их изготовления. Топоры были найдены не все вместе, а на небольшой территории площадью около 4 кв. м поблизости от специализированных объектов для плавки металлов. При этом ни с одним из них они не были связаны.

Еще один железный топор обнаружен в раскопе на другой части городища. Он отличался от топоров из клада размером и сохранностью. Но внешний вид этого артефакта близок топорам из клада. Клад был спрятан в конце VII – начале VIII в.

Распространялись топоры рассматриваемого типа на небольшой территории именьковской культуры в нижнем течении Камы и среднем течении Волги во 2-й половине или конце VII в. Аналогии топорам, найденным на Тетюшском II городище, позволяют предполагать, что этот тип изделий сложился на основе традиции, сформировавшейся не ранее V в. н.э.

Причины сокрытия клада не разгаданы. Топоры могли быть сокровищем или ценным товаром, спрятанным владельцем. Нельзя исключать и того, что они могли быть использованы в каком-либо ритуале.

Ключевые слова: Татарстан, раннее средневековье, археология, кушнаренковская культура, именьковская культура, азелинская культура, железный топор.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-04

Эпоха Великого переселения народов кардинальным образом изменила этнокультурную карту Евразии. Среднее Поволжье в III–VIII вв. оказалось на перекрестке миграционных потоков, начинавшихся как на Западе, так и на Востоке за столетия до этого. Отражением этих явлений стала весьма пестрая картина археологических культур, которые фиксируются в этом регионе. Ключевым явлением здесь можно считать именьковскую археологическую культуру [Старостин, 1967], споры и научные дискуссии о которой не утихают уже почти полвека. В последнее десятилетие взгляды на нее сильно изменились, при этом ключевые вопросы о датировке, характеристике отдельных этапов, а также возможных вариантах, не говоря уже о происхождении, остаются далекими от окончательного решения. Практически каждый новый исследованный памятник, который может быть отнесен к ней, привносит что-то новое в осмысление проблем этого археологического феномена. Это относится и к Тетюшскому II городищу в Татарстане (рис. 1.-3), которое стационарно изучается с 2007 г.

Тетюшское II городище расположено на мысу коренной террасы правого берега Волги, в черте города Тетюши в Тетюшском районе Татарстана. В результате проведенных исследований выяснено, что основные отложения на памятнике относятся к именьковской культуре. В VI–VII вв. это был один из центров металлургии железа; осуществлялась плавка и цветных металлов. Достаточно представительны предметы

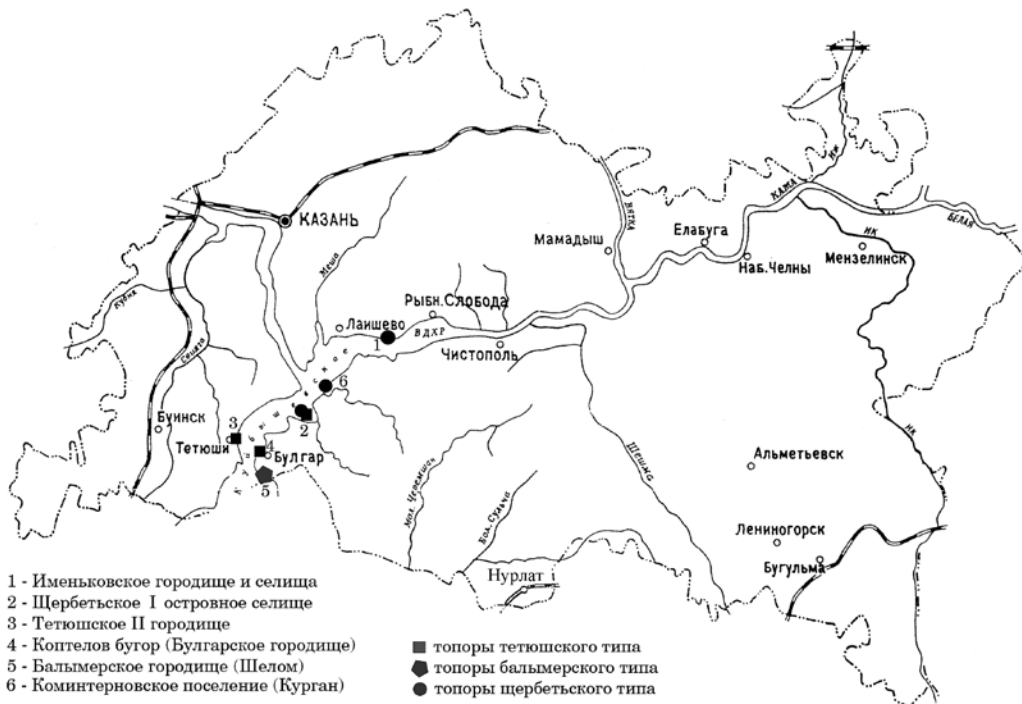

Рис. 1. Карта расположения памятников именьковской культуры с находками железных проушных топоров

импорта, найденные при раскопках: стеклянные и раковинные бусины, поясные накладки из железа и белого металла и т.п. [Руденко, 2010, 2011].

Одним из открытий на этом памятнике стал клад железных топоров, второй (после Щербетского) [Старостин, 1967, с. 22; Старостин, 1968, с. 251] (рис. 12.-1, 2) известный на сегодняшний день в именьковских древностях. Тетюшский клад, хранящийся в настоящее время в Тетюшском краеведческом музее (КП-4272, 4397), обнаружен в ходе археологических исследований в два приема. Сначала в раскопе I (рис. 2) у западной стенки квадратов 5 и 6 были найдены по отдельности два топора [Руденко, 2010, с. 23, 134, ил. 38, 39, рис. 50] (рис. 6); другие топоры (рис. 8) обнаружены на расположенном рядом небольшом участке раскопа VIII (квадраты 1 и 6), «прирезанного» к раскопу I спустя несколько лет (рис. 3). Кроме того, в раскопе IV найден топор [Руденко, 2010, с. 86, ил. 111; 2011, с. 41, 116, рис. 23-4], не входивший в состав клада (рис. 10).

Состав клада (каталог)

1. Топор (раскоп I, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –107 см, №29 (номер здесь и далее по плану раскопа); ТКМ, инв. №4272/132) (рис. 6.-1; 7). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,5, шириной 2,5–5,4 см; толщина – от 0,3 до 3,5 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие секторовидное, высотой 5,4 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,3 см). Обух петлевидный, высотой 3 см, размеры проуха: 4,7 x 3,3 см.

Общая длина топора – 20 см, высота – 5,4 см, ширина – 5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. По видимым следам конструкции изделия можно предположить, что он изготовлен из железного клина (ширина после проковки 1,3 см), к которому кузнечной сваркой приварена согнутая в виде петли на оправке пластина (по форме в виде дуги), один конец которой образовывал проух, а второй конец согнутой пластины вытягивали до образования лезвия (технологическая схема №1).

2. Топор (раскоп I, уч. 5, пласт 2, слой III, гл. –115 см, №23; ТКМ, инв. №4272/131) (рис. 6.-2). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,2, шириной 2,5–5,3 см; толщина – от 0,3 до 3,3 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным почти на одной линии с обухом (отклонение вниз 0,6 см), и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,3 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,3 см). Обух петлевидный, высотой 3,3 см, чуть вогнут внутрь; размеры проуха: 4,4 x 3,3 см. Общая длина топора – 20 см, высота – 5,3 см, ширина – 5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. По видимым следам конструкции изделия можно предположить, что он изготовлен по схеме №1.

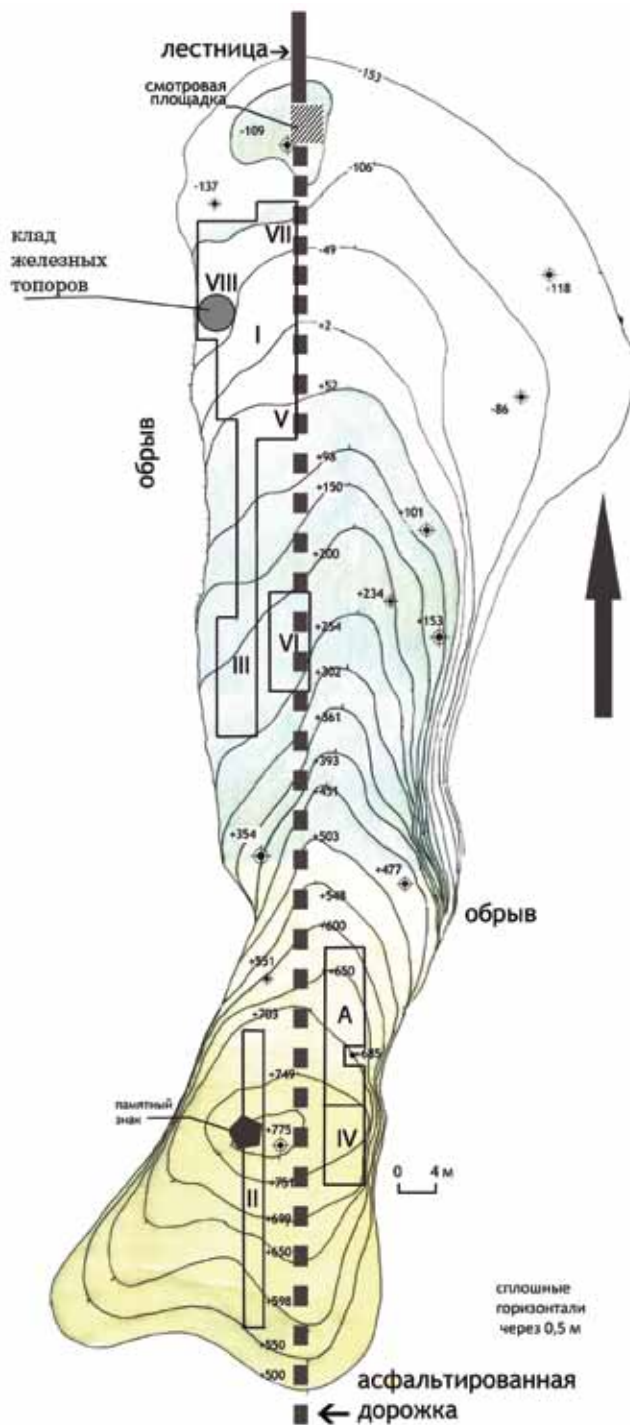

Рис. 2. План Тетюшского II городища с указанием места находки клада железных топоров

3. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 2, слой III, гл. –99 см, №2; ТКМ, инв. №4397/13) (рис. 8.-2; 9). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым, несколько асимметричным полотном (клином) длиной 15, шириной 2,7–5,4 см; толщина – от 0,3 до 4 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,4 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,3 см). Обух петлевидный, высотой 3,7 см; размеры проуха: 4,7 x 3,2–3,4 см (немного расширяется в верхней части). Общая длина топора – 20,4 см, высота – 5,4 см, ширина – 5,5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. По видимым следам на топоре можно предположить, что обушная часть топора формировалась путем изгиба на оправке железной полосы, концы которой сваривались и вытягивались, причем между ними вставлялась полоска металла (технологическая схема №2).

4. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 3, слой III, гл. –100 см, №14; ТКМ, инв. №4397/14) (рис. 8.-5). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым, несколько асимметричным полотном (клином) длиной 15,3, шириной 2,3–5 см; толщина – от 0,3–до 3,35 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,4 см; размеры проуха: 4–4,2 x 3,3 см (немного расширяется в верхней части). Общая длина топора – 20 см, высота – 5 см, ширина – 5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. Топор изготовлен по схеме №1.

5. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 2, слой III, гл. –100 см, №5; ТКМ, инв. №4397/18) (рис. 8.-7). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 15,3, шириной 2,5–5,1 см; толщина – от 0,3 до 3,4 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,1 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,35 см; размеры проуха: 4,2–4,7 x 3,5 см (немного расширяется в верхней части). Толщина щек головки составляет с одной стороны 1,1 см, с другой – 0,7 см, на обухе – 0,9 см. Общая длина топора – 20,4 см, высота – 5,1 см, ширина – 5,6 см. Сохранность: без коррозии, фрагмент носка отколот. Топор изготовлен по схеме №1.

6. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 3, слой III, гл. –145 см, №17; ТКМ, инв. №4397/19) (рис. 8.-4). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,8, шириной 2,4–5 см; толщина – от 0,3 до 3,4 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным чуть ниже (0,3 см) линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,4 см; размеры проуха: 4,5–4,7 x 3,3–3,4 см (расширяется в верхней части). Толщина щек головки с одной стороны – 0,6–1 см, с другой – 0,7–0,9 см, на обухе – 0,5–0,7 см. Общая длина топора – 19,8 см, высота – 5 см, ширина – 5 см. Сохранность: без коррозии, без утрат. Топор изготовлен, вероятно, по схеме №2.

7. Топор (раскоп VIII, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –88 см, №29; ТКМ, инв. №4397/16) (рис. 8.-6). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 15, шириной 2,5–5,35 см; толщина – от 0,4 до 3,6 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной

Тетюшское II городище. Раскоп VIII. Общий план.

На плане обозначены:

- №1, уч. 5, монета 1760 г, -154 см;
- №2, уч. 1, топор железный, -99 см;
- №3, уч. 2, значок «Отличник Советской армии», -130 см;
- №4, уч. 1, тигель (фрагмент), -169 см;
- №5, уч. 1, топор железный, -100 см;
- №6, уч. 1, прясло глиняное, -118 см;
- №7, уч. 2, бусина стеклянная, -110 см;
- №8, уч. 3, нашивка круглая, -128 см;
- №9, уч. 3, фрагмент лезвия топора, -124 см;
- №10, уч. 2, наконечник стрелы костяной (фрагмент), -113 см;
- №11, уч. 2, фрагмент тигля, -113 см;
- №12, уч. 3, бусина стеклянная, -127 см;
- №13, уч. 1, прясло глиняное (фрагмент), -114 см;
- №14, уч. 1, топор железный, -100 см;
- №15, уч. 5, тигель, -139 см;
- №16, уч. 5, слиток белого металла, -144 см;
- №17, уч. 1, топор железный, -103 см;
- №18, уч. 5, железное изделие, -157 см;
- №19, уч. 4, бронзовый слиток в виде прутка, -145 см;
- №20, уч. 2, тигель (фрагмент), -120 см;
- №21, уч. 4, скоба железная, -161 см;
- №22, уч. 1, прясло глиняное, -129 см;
- №23, уч. 1, наконечник стрелы костяной, -128 см;
- №24, уч. 5, глиняное изделие, -164 см;
- №25, уч. 1, ошлакованная бусина (?), -129 см;
- №26, уч. 1, шарик глиняный, -129 см;
- №27, уч. 6, топор железный, -85 см;
- №28, уч. 6, топор железный, -84 см;
- №29, уч. 6, топор железный, -88 см;
- №30, уч. 5, терочный камень, -185 см;
- №31, уч. 5, прясло глиняное, -191 см;
- №32, уч. 5, прясло глиняное, -187 см;
- №33, уч. 2, прясло глиняное, -145 см;
- №34, уч. 1, прясло глиняное, -198 см

● топоры раскопа I

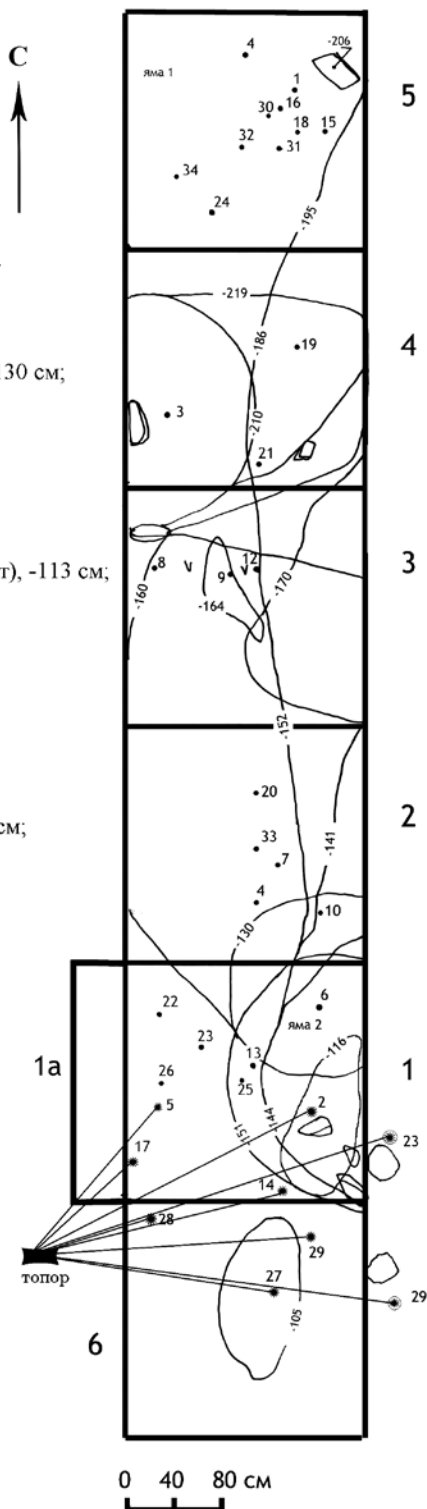

Рис. 3. Тетюшское II городище.
План раскопа VIII с обозначением
мест находки железных топоров

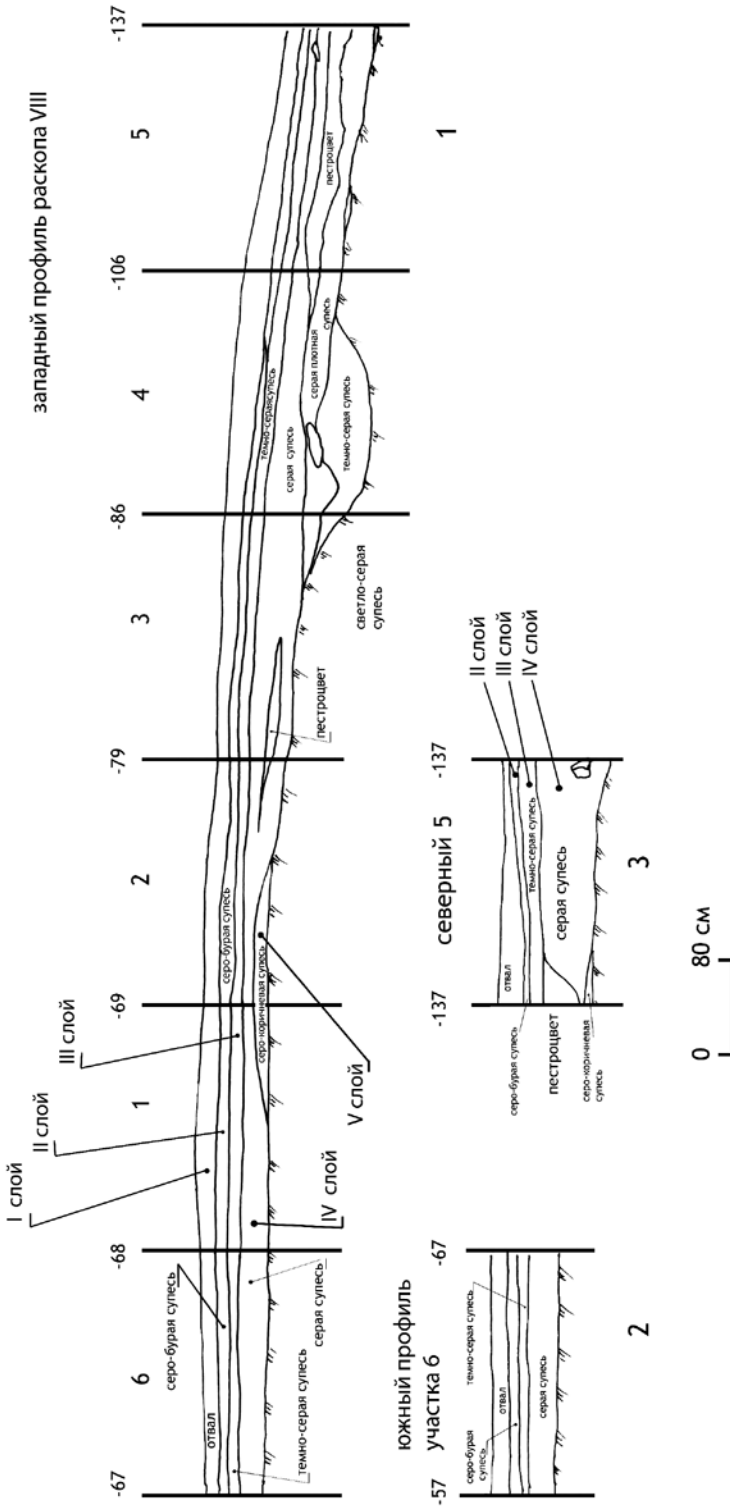
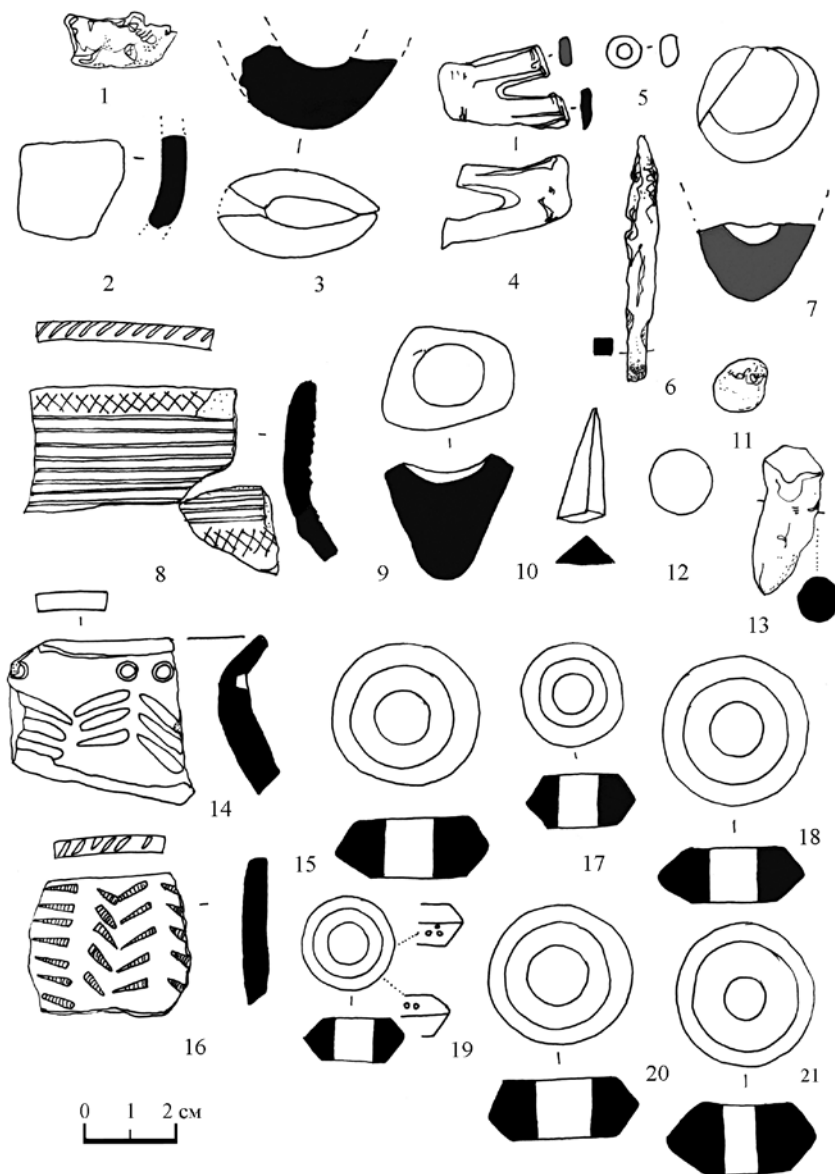

Рис. 4. Телюшское II городище. Профили раскопа VIII с указанием стратиграфических слоев

Тетюшское II городище. Раскоп VIII. Индивидуальные находки из раскопа:
 1 – уч. 4 (КП-4397/97); 2 – уч. 5; 3 – уч. 2, №20, -120 см (КП-4397/109); 4 – уч. 5, №16, -144 см (КП-4397/105); 5 – уч. 3, №12, -127 (КП-4397/118); 6 – уч. 5, №18, -137 см (НВФ 3074/3048); 7 – уч. 5, №15, -139 см (КП-4397/108); 8 – уч. 2 (КП-4397/102, 103); 9 – уч. 3 (КП-4397/119); 10 – уч. 4, №10, -113 см (КП-4397/113); 11 – уч. 1, №25, -129 см (КП-4397/117); 12 – уч. 1, №26, -129 см (КП-4397/116); 13 – уч. 5, №24, -164 см (КП-4397/114); 14 – уч. 4 (КП-4397/120); 15 – уч. 1, №22, -129 см (КП-4397/115); 16 – уч. 1 (КП-4397/121); 17 – уч. 5, №31, -191 см (КП-4397/122); 18 – уч. 2, №33, -145 см (КП-4397/124); 19 – уч. 5, №32, -187 см (КП-4397/123); 20 – уч. 1, №34, -198 см (КП-4397/125); 21 – уч. 1, №6, -118 см (КП-4397/106)

Рис. 5. Тетюшское II городище. Индивидуальные находки раскопа VIII

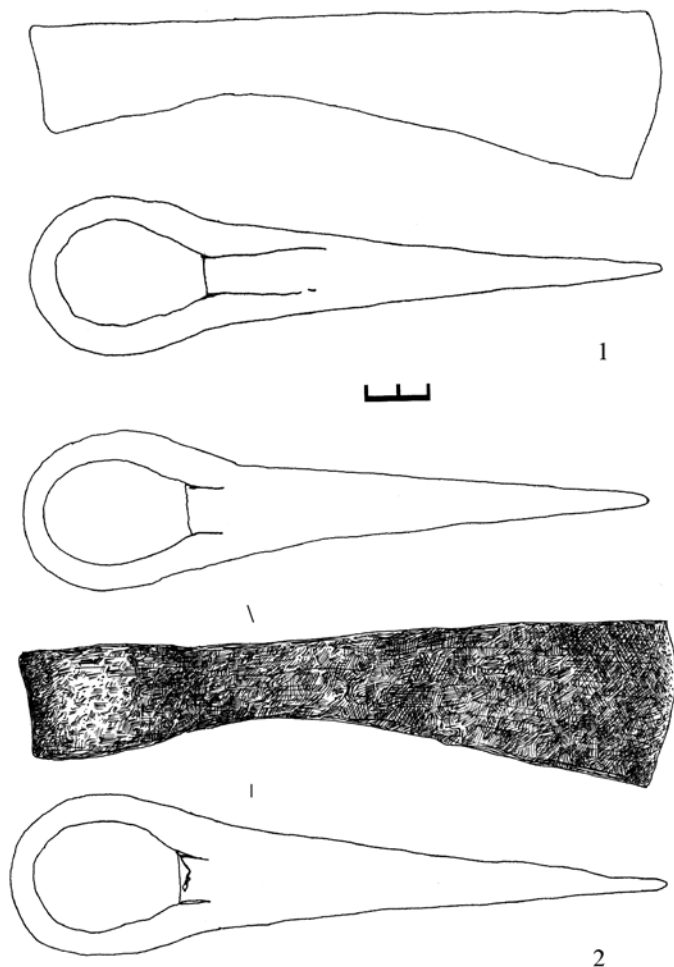

Рис. 6. Тетюшское II городище. Железные топоры из раскопа I (1 – кат. №1; 2 – кат. №2)

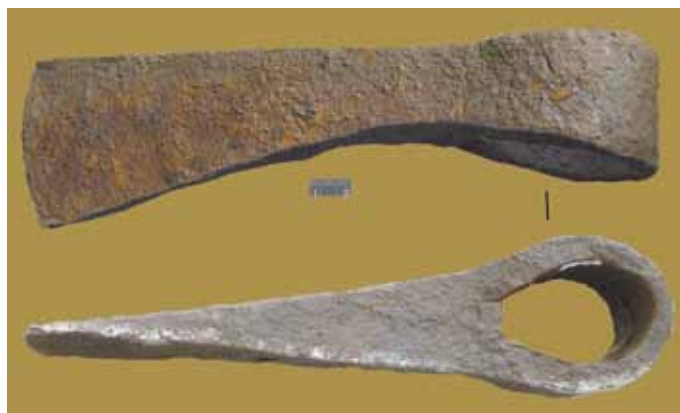

Рис. 7. Тетюшское II городище. Железный топор (кат. №1)

линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,35 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,4 см). Обух петлевидный, высотой 3,4 см; размеры проуха: 4,5–4,7 x 3,1–3,5 см (немного расширяется в верхней части). Толщина щек головки – 0,5–0,7 см (с одной стороны) и 0,6–0,9 см (с другой); на обухе – 0,6 см. Общая длина топора – 20,5 см, высота – 5,35 см, ширина – 4,8 см. Сохранность: без коррозии, без утрат. Топор изготовлен по схеме №1.

8. Топор (раскоп VIII, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –84 см, №28; ТКМ, инв. №4397/17) (рис. 8.-3). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,8, шириной 2,25–5,25 см; толщина – от 0,3 до 3,6 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,25 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,5 см; размеры проуха: 4,3–4,6 x 3,3–3,35 см (немного расширяется в верхней части). Толщина щек головки с одной стороны – 0,6–1,1 см, с другой – 0,75–

1 см, на обухе – 0,75 см. Общая длина топора – 20,4 см, высота – 5,25 см, ширина – 5 см. Сохранность: без коррозии, фрагмент носка утрачен. Топор изготовлен в целом по схеме №1.

9. Топор (раскоп VIII, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –85 см, №27; ТКМ, инв. №4397/15) (рис. 8.-1). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,6, шириной 2,3–4,9 см; толщина – от 0,35 до 3,7 см (в плане:

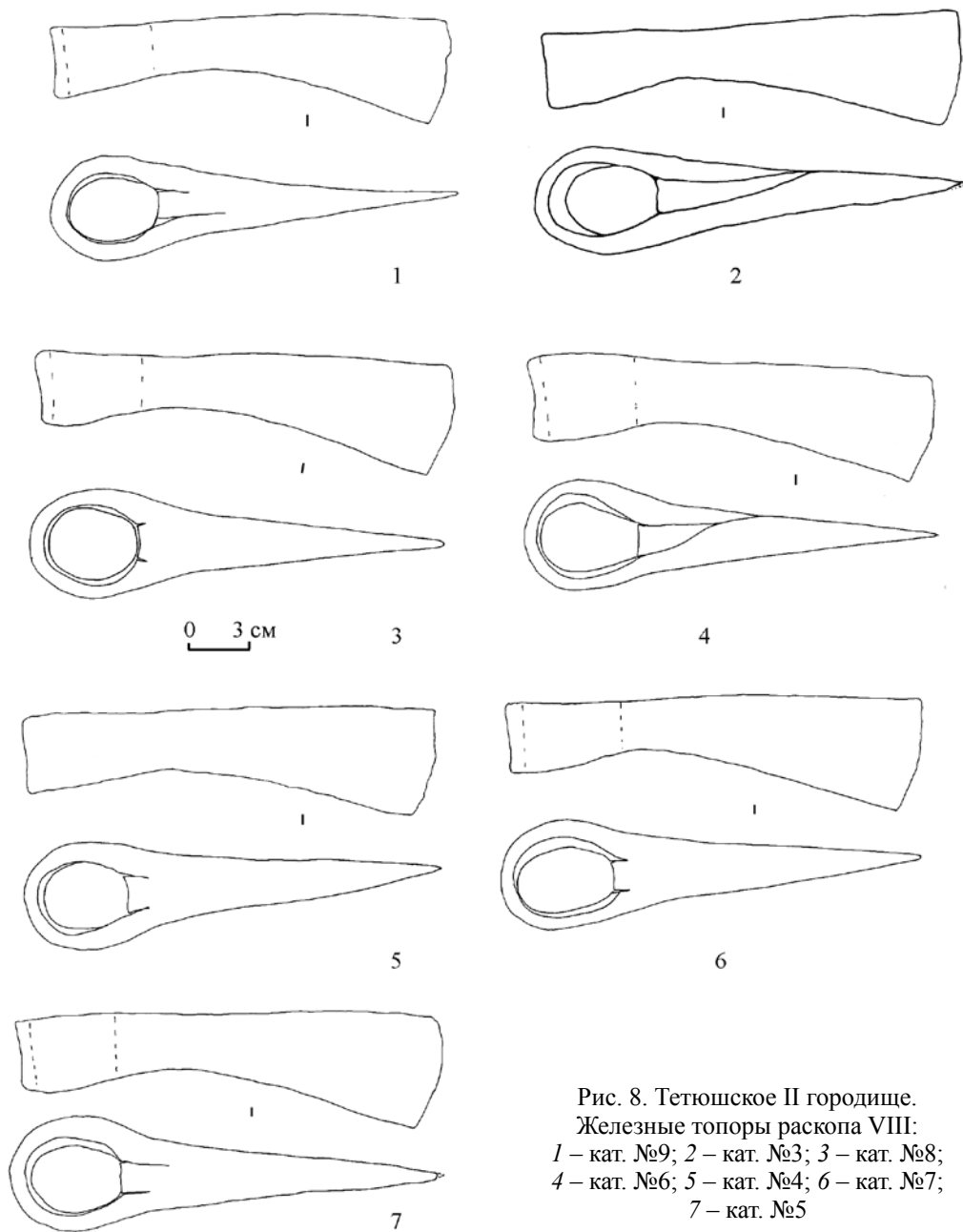

Рис. 8. Тетюшское II городище.
Железные топоры раскопа VIII:
1 – кат. №9; 2 – кат. №3; 3 – кат. №8;
4 – кат. №6; 5 – кат. №4; 6 – кат. №7;
7 – кат. №5

Рис. 9. Тетюшское II городище.
Железный топор, кат. №3. Деталь

в верхней части). Толщина щек головки составляет с одной стороны – 0,85 см, с другой – 0,7 см, на обухе – 0,7 см. Общая длина топора – 19,7 см, высота – 4,9 см, ширина – 5,1 см. Сохранность: без коррозии, выбоина по середине лезвия. Топор изготовлен в целом по схеме №1.

вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 4,9 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,35 см). Обух петле-видный, высотой 3,5 см; размеры проуха: 4,6–4,65 x 3,5–3,65 см (немного расширяется

Находка топора вне клада

10. Топор (раскоп IV, уч. 6, пласт 3, слой II, гл. –49 см, №10; ТКМ, инв. №3025/99)

Рис. 10. Тетюшское II
городище. Раскоп IV.
Железный топор, кат. №10

(рис. 10). Железо, ковка, сварка. Проушный, округло-обушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 13,6, шириной 2,6–4,1 см; толщина – от 0,2 до 2,6 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным чуть ниже линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие почти прямое, чуть изогнутое, высотой 4,1 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петле-видный, высотой 2,6 см; размеры проуха: 4 x 3 см. Общая длина топора – 18 см, общая высота – 4,2 см, ширина – 4,1 см. Сохранность: сильная коррозия, утраты. Топор изготовлен, вероятно, по схеме №1. Найден в переотложенном состоянии.

Все тетюшские топоры из клада стандартны по форме, размерам (варьируют в пределах 1 см) и пропорциям (1 : 5–1 : 6). Они не имеют заточки и следов сработанности. Несколько отличается по размерам и форме лезвия топор, найденный на раскопе IV, хотя в целом его тоже можно отнести к этому типу.

Топоры находились у края обрыва, приблизительно в 1 м от крутого откоса (рис. 2), образуя в плане фигуру, близкую к овалу (рис. 3). Зафиксированы они на глубине (нижняя точка) от –84 до –100 см от «0», в зависимости от положения в почве (вертикальное или горизонтальное), за исключением только одного топора (№6), найденного чуть ниже. В большинстве случаев топоры располагались на боку (наклонно) лезвием вниз. Каких-либо воздействий на их положение в зем-

ле с момента сокрытия, скорее всего, не было, поскольку ни распашки, ни каких-либо перекопов в этом месте не отмечено, что видно из стратиграфии (см. рис. 4). Дневной уровень топоров соответствует III стратиграфическому слою.

Отметим ряд деталей. К северу от клада, на участках 4 и 5, в III стратиграфическом слое (–144 и –145 см от «0») найдены разрубленный слиток металла белого цвета (рис. 3.-16) (рис. 5.-4) и бронзовый (латунный?) стержневидный слиток (рис. 3.-19). Последний близок слиткам, собранным на Щербетском I островном селище [Сидоров, Старостин, 1970, с. 235–236]. К нижнему горизонту III слоя (перекрытому отложениями культурного слоя, в котором находились топоры) относится находка фрагмента кушнарниковской керамики, датированного 2-й половиной VII в. [Руденко, 2013, с. 62]. Таким образом стратиграфическая дата клада будет определяться не ранее этого времени.

В целом проушных топоров, найденных на именьковских поселениях, немного (см. рис. 1). Они обнаружены на следующих городищах: Именьковском (раскопки Н.Ф. Калинина) [Калинин, Халиков, 1960, с. 245, рис. 7.-2] (рис. 1.-1; 11.-1; 12.-4) и Бальмерский Шелом (раскопки Б.Б. Жиромского) (рис. 1.-5; 12.-5); Коминтерновском поселении «Курган» (раскопки и сборы П.Н. Старостина) (рис. 12.-3) [Старостин, 1967, с. 22, табл. 13.-9–12; Старостин, 1983, с. 15] и Щербетском I островном селище (исследования П.Н. Старостина) (рис. 1.-2; 12.-1, 2). На последнем в подъемном материале собраны 28 железных топоров [Старостин, 1968, с. 251], которые можно расценивать как своего рода клад. Два топора найдены на городище Лбище на Самарской луке [Семькин, 2014, с. 246, 262, рис. 1.-848, 849] – памятнике предименьковского, или раннеименьковского, времени.

Из вышеперечисленных топоров наибольшую близость с тетюшскими обнаруживают пять изделий из Щербетского клада (рис. 12.-2) и два топора из собрания НМ РТ без точного места находки (НМ РТ, инв. №5705-1; 122990 и 5709) (рис. 11.-2, 3). Отличаются от тетюшских топоры из Именьковского (НМ РТ, инв. №14224-118; АА-391/118) (рис. 11.-1; 12.-4) и Бальмерского (рис. 12.-5) городищ. Большая часть топоров из Щербетского клада (рис. 12.-1; 21 экз.) по форме и параметрам имеет сходство с топором из Именьковского городища (18 x 2,2 x 2,9 см) (рис. 11.-1).

Рассмотрим имеющиеся аналогии тетюшским изделиям и их датировку. Железные проушные топоры именьковской культуры, как правило, датируются в рамках IV–VII вв., т.е. всем периодом ее существования. На ранней стадии именьковской культуры – IV в. н.э. (лбищенский этап, по Г.И. Матвеевой) [Матвеева, 1998, с. 92], или предименьковской, как считает Д.А. Сташенков [2010, с. 272–275], топоры тетюшского типа не встречаются. Хотя на городище Лбище, материалы которого и стали основанием для выделения этой стадии, обнаружены проушные топоры с секировидным лезвием [Матвеева, 2003, с. 145, рис. 22.-2, 3; Семькин, 2014, рис. 1.-848, 849]. Однако они имеют мало общих черт с тетюшскими. Это вполне объяснимо, учитывая особенности этого памятника [Матвеева и др., 2012, с. 171–198] и соотношенность его с именьковской культурой в целом [Вязов, Сташенков, 2013, с. 49–56].

Лбищенскому этапу именьковской культуры по хронологии соответствуют памятники азелинской культуры в Прикамье (III–IV вв.), население которой, вероятно, вступало в контакты с «именьковцами» [Калинин, Халиков, 1960, с. 238]. В азелинских могильниках встречаются достаточно близкие по форме топоры, например,

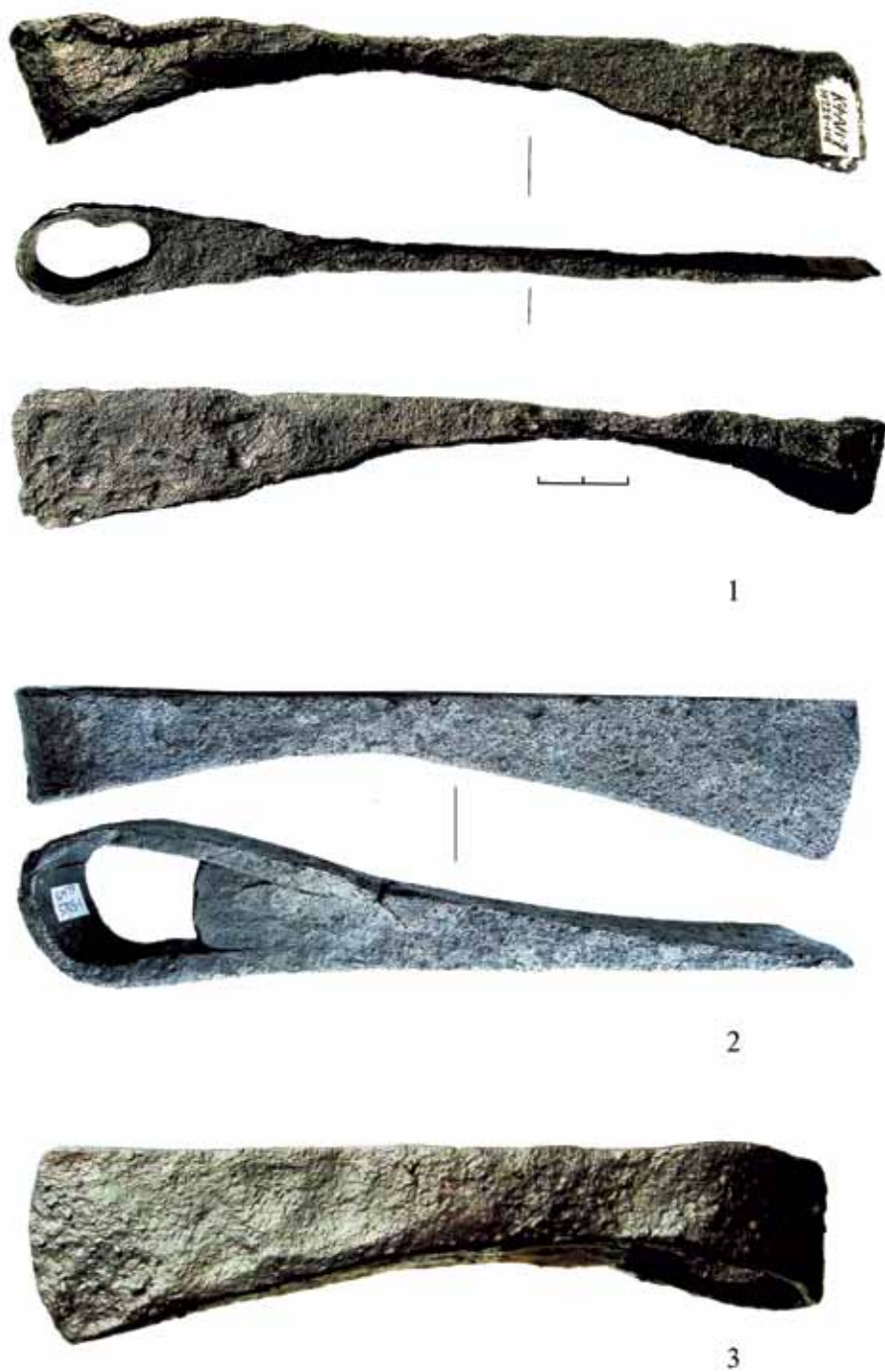

Рис. 11. Железные топоры: 1 – Именьковское городище (раскопки Н.Ф. Калинина). НМ РТ. Инв. №14224-118; 2 – без точного места находки. НМ РТ. Инв. №5705-1, старый номер: №12299; 3 – без точного места находки. НМ РТ. Инв. №5709

в погр. 25 Усть-Брыскинского могильника в Татарстане [Шадрин, 1995, с. 167, рис. 5.-3]. Впрочем, на этом же памятнике (погр. 24) найдены и массивные проушные топоры иной формы [Шадрин, 1995, рис. 5.-2]. Последние характерны и для Азелинского могильника [Генинг, 1963, табл. XVI.4-9].

Железные проушные топоры обнаружены в мужских погребениях вятских могильников III-IV вв. азелинской культуры. Чаще всего в погребении помещался один топор, только в погребении №94 могильника Тюм-Тюм обнаружены 20 топоров [Ошибкина, 2010, с. 44, 154, табл. 41; 43.-1; 44; 45.-13]. У изделий из этого захоронения, выполненных специально для погребального ритуала [Ошибкина, 2010, с. 99], менее массивный обух, чем у тетюшских, вытянутое округлое лезвие, что очень напоминает именьковские топоры щербетьского типа. Вместе с тем большинство проушных топоров в вятских могильниках имеют массивный обух, вытянутый клин с округлым или секировидным лезвием. Такой тип топоров был распространен в Прикамье с первых веков н.э. [Ошибкина, 2010, с. 43; Лещинская, 2000, с. 31, 37, рис. 9.-1; 15.-10]. Проушные топоры этого типа представлены в могильниках мазунинской культуры III-V вв. н.э. [Останина, 1997, с. 263, рис. 17.-2, 3], причем они имеют аналогии (что отметила и Т.И. Останина) в Южном Приуралье [Мажитов, 1968, с. 134, 140,

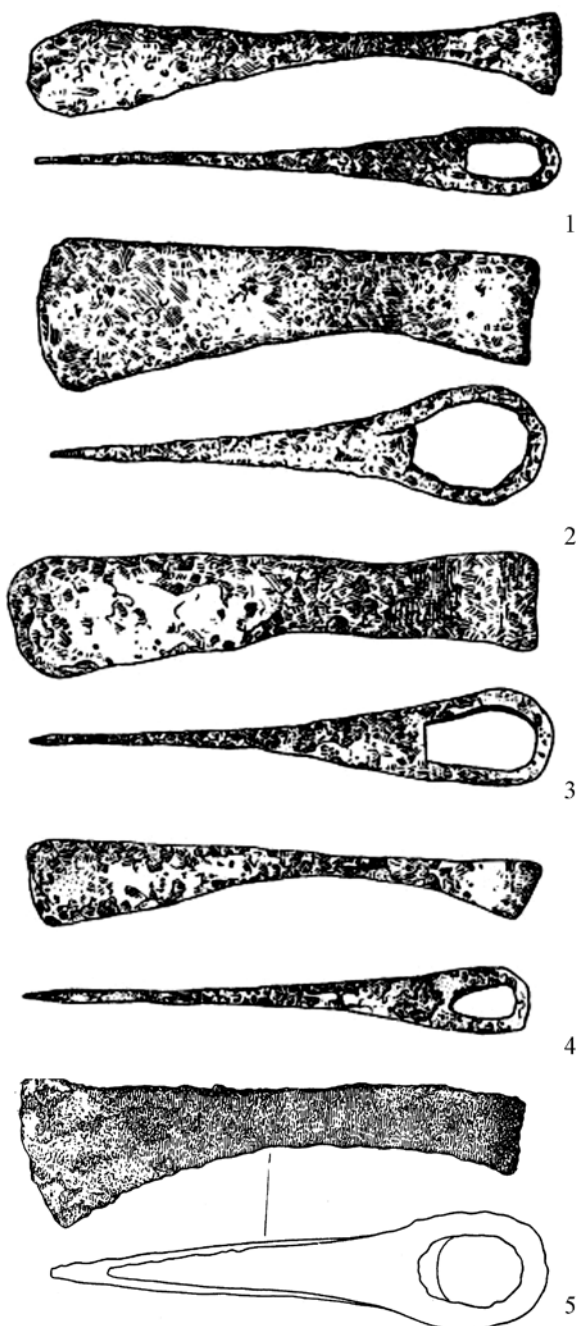

Рис. 12. Железные топоры: 1, 2 – Щербетьское I островное селище; 3 – Коминтерновское поселение «Курган»; 4 – Бальмерское городище «Шелом» (1-4 – по П.Н. Старостину; 5 – по Б.Б. Жиромскому). 1, 4 – щербетьский тип топоров; 2 – тетюшский тип топоров; 5 – бальмерский тип топоров

151, 153, табл. 15.-17; 19.-12; 29.-18; 31.-14; Сунгатов и др., 2004, с. 40, рис. 37.-1; 66.-9–11]. Мазунинские проушные круглообушные топоры вытянутых пропорций (тип 2, вариант 3), близкие тюм-тюмским, как считает Т.И. Останина [1997, с. 72], были ритуальными предметами и генетически связаны с Прикамьем, куда они попали с территории именьковской культуры.

Северо-западнее Тетюш, в Марийском Поволжье, в большинстве случаев проушные топоры в IV–VII вв. н.э. практически не использовались, хотя втульчатые топоры (так называемые кельты) были распространены там достаточно широко [Никитина, 1999, с. 29]. В какой-то степени (судя по кладу с Буйского городища) форма наконечника топора – втульчатый кельт – достаточно традиционна для Прикамья и в целом для Волго-Камья начиная с эпохи раннего железного века [Ашихмина, 1987, с. 103–120].

В Удмуртском Прикамье топоры, близкие тетюшским, единичны [Голдина, Кананин, 1989, рис. 58.-1–14, тип 4]. Датированы они концом VII – VIII в. – деменковской стадией ломоватовской культуры [Голдина, 1985, с. 129, 130, 235, табл. XXVIII.-13, рис. 16.-101, 102]. В большинстве случаев [Генинг, 1964, табл. IX.-2–8] они, как и топоры предшествующей стадии – агафоновской (конец VI – VII в.), в сравнении с тетюшскими более массивны [Голдина и др., 1980, с. 166, 170, 180, табл. XXV.-10; XXIX.-13; XL.-12] или же имеют совершенно иную форму [Голдина и др., 1980, с. 38–39, табл. XIX.-6]. Деменковская стадия ломоватовской культуры соотносится с материалами Невольинского могильника [Голдина, 1985, с. 130], где только один топор [Голдина, 2012, с. 334, табл. 189-3], датированный VIII – 1-й четвертью IX в. [Голдина, 2012а, с. 276, табл. 38-4], близок тетюшским.

В целом можно констатировать, что тетюшский тип топоров не имеет точных аналогий в материалах Волго-Камья VII – 2-й половины VIII в. [Голдина, 2012а, с. 257, 272, табл. 17.-8, 9; табл. 34.-4, 5], как и за пределами этого региона. Единичные случаи находок близких по форме изделий позволяют предполагать появление предшествующих типов проушных топоров в Прикамье не ранее V в. н.э. [Наговицин, Семенов, 1978, с. 123, табл. II.-1].

Исследования азелинских кузнечных изделий, в том числе и проушных топоров из могильника Тюм-Тюм на Вятке и V Рождественского на Каме, показали, что они изготавливались практически одинаково. Проух формировался путем изгиба на оправке железной полосы, концы которой сваривались и вытягивались, путем чего формировалось лезвие. Для придания массивности между свариваемыми концами полосы железа вставлялся железный клин (полоска металла) [Терехова и др., 1997, с. 139]. В целом топоры были изготовлены из железа и мягкой стали и в ряде случаев подвергались термообработке [Терехова и др., 1997, с. 140]. Проушные именьковские топоры с I Щербетьского селища, по данным анализов, имеют много общего с азелинскими проушными топорами из могильника Тюм-Тюм (как конструктивно, так и по технологии изготовления) [Терехова и др., 1997, с. 146]. Отмечено, что происхождение более массивных секировидных азелинских и именьковских топоров не ясно, хотя чаще всего высказывается гипотеза об их западных истоках (Центральная Европа), где такого рода изделия выступали как полуфабрикаты и как единицы обмена [Терехова и др., 1997, с. 148; Завьялов и др., 2009, с. 123].

Ученые отмечают близость именьковских топоров щербетьского типа топорам черняховской культуры (по размерам, форме и технологии изготовления). Встречают-

ся аналогии им в рязано-окских могильниках IV–VI вв. н.э. [Ахмедов, 2007, с. 154, 157, 158, 162, 168, рис. 2-5; 5-13; 6-12; 9Б-14; 14-17]. Близость черняховским традициям металлообработки отмечает Ю.А. Семькин [2014, с. 254] для изделий (в том числе топоров) с городища Лбище. Топоры из рязано-окских могильников отличаются изгибом лезвия вниз и выраженными щековицами. Нередко эти топоры (небольших размеров) имеют высокий обух с выделенными щековицами, а общий контур напоминает секиру. Датируются они концом IV – V вв. н.э. [Массалитина, 2008, с. 113, 115, рис. 2]. Некоторые аналогии проушным топорам Волго-Камья можно найти на памятниках дьяковской культуры (в частности, Щербинского городища в Московской области). Проушный топор с массивным обухом и изогнутым лезвием, найденный в хозяйственной яме указанного памятника, датирован V в. н.э. [Дубынин, 1974, с. 226–227, табл. VII.-10].

В гипотезе о распространении проушных топоров в Прикамье и на Средней Волге значительное место занимает тезис, что именьковская, мазунинская, азелинская культуры на каком-то этапе (IV–V вв. н.э.) были синхронны и проушные топоры распространялись от населения именьковской культуры к соседям [Завьялов, 2005, с. 68; Завьялов и др., 2009, с. 115, 117]. Определялась дата – V в. н.э. [Завьялов, 2005, с. 121], когда значительная часть проушных топоров в регионе, несмотря на ряд отличий в форме изделия, были изготовлены практически по одной технологической схеме – «именьковской». Также высказано мнение, что с V по VII в. в кузнечное ремесло Прикамья внедрялась идея проушного коротколезвийного топора [Завьялов и др., 2009, с. 115, 117]. Стоит заметить, что о контактах именьковского и азелинского населения в V в. н.э. пока мало фактов. Там, где именьковские и азелинские памятники соседствуют территориально, между ними либо имеется хронологический разрыв, либо нет видимых следов контактов. Например, в Рождественском V могильнике, расположенном рядом с комплексом именьковских поселений и могильника, найден только один проушный топор – массивный с секировидным лезвием [Старостин, 2009, с. 118, рис. 32.-8], близкий мазунинским. Форма, как и способ изготовления проушных топоров из Тураевского могильника V в. (курган №5), мало соответствует именьковским изделиям [Генинг, 1962, с. 75, рис. 29.-9–11].

Именьковские топоры из Щербетского селища (щербетского типа) изготавливались из железного клина, к которому кузнечной сваркой приваривалась согнутая на оправке пластина, по форме в виде дуги; она образовывала проух и проушное отверстие; затем второй конец согнутой пластины вытягивали до образования лезвия и обрабатывали острие [Старостин, Хомутова, 1981, с. 212, 213; Завьялов и др., 2009, с. 124, 125]. Топоры тетюшского типа, вероятно, изготовлены путем сгибания одного из концов заготовок на оправке с применением дополнительного клина для увеличения внутреннего диаметра проуха. Это можно проследить на нескольких топорах благодаря отсутствию коррозии на их поверхности. Уточнить технологию изготовления тетюшских топоров можно будет после проведения специальных исследований.

В целом, учитывая известные центры, связанные с металлургией железа в Прикамье [Генинг, 1980, с. 192–135] и кузнечным делом, можно предполагать местное производство большей части железных топоров в IV–VIII вв. в том регионе. Были и предпосылки этого: металлографические исследования показали, что в Волго-Камье к I тыс. н.э. складывается устойчивый технико-технологический стереотип в изготов-

лении рассматриваемых изделий [Завьялов и др., 2009, с. 132]. На территории расселения «именьковцев» изучены поселки металлургов, где зафиксированы сыродутные горны, имеются следы плавки руды и отходы производства [Семыкин, 1998, с. 167–184], причем это характерно как для крупных поселений, так и для относительно небольших [Руденко, 1998, с. 185–197]. Исследователи отмечают, что кузнечная продукция населения именьковской культуры отличалась более высоким технологическим уровнем, чем у их соседей [Завьялов, 1992, с. 171].

В целом население именьковской культуры в V–VII вв. использовало железные проушные топоры нескольких типов. Первый из них – массивный короткий топор, второй – топор с длинным тонким и узким лезвием. Такие же встречаются в могильниках азелинской, мазунинской культур III–V вв. н.э. Известны они на ранних поселениях именьковской культуры (лбищенский этап). Не позднее IV в. на памятниках Камско-Вятского междуречья зафиксирован тип узколезвийных круглообушных проушных топоров с небольшими вариациями (касающимися, как правило, лезвийной части изделия), просуществовавший до VII в. в виде щербетьского типа топоров (рис. 12.-1, 4). В IV–VI вв. на памятниках Волго-Камья получили распространение топоры с секировидным лезвием, отчасти сходные с балымерским типом именьковских изделий VI–VII вв. (находки на городище Шелом: рис. 12.-5). В VII в. начинают встречаться топоры тетюшского типа (рис. 8; 12.-2). Крайнюю дату их бытования можно определить рубежом VII–VIII вв., хотя и более позднее время их бытования (1-я половина VIII в. н.э.) исключать не стоит. Сосуществовали ли они в течение VII в. с топорами щербетьского типа, пока сказать трудно. Находка их на Щербетьском селище, учитывая подъемный характер материала и вероятность того, что они происходят из разновременных комплексов, не может быть абсолютным доказательством. Топор с Именьковского городища не имеет четких хронологических показателей.

Подводя итог вышесказанному, можно предположить, что тетюшский тип топоров, наиболее ярко представленный в Тетюшском кладе, распространялся короткое время (в последней трети VII или на рубеже VII–VIII вв.) в небольшом ареале средневожской территории именьковской культуры (за исключением Самарской луки). О том, что топоры, близкие к изделиям тетюшского типа, бытовали и позже (в VIII – начале IX в.), косвенно свидетельствует находка из погребения 37 могильника Мыдлань-Шай в Удмуртии [Генинг, 1962а, с. 54, табл. XII.-12]. Они имеют непосредственную связь с топорами более раннего времени и с топорами щербетьского типа. Что касается самого факта обнаружения этих топоров на Тетюшском II городище, то вполне возможно его интерпретировать как скрытое сокровище, хотя исключать и другие варианты будет некорректно. Клад не связан с хозяйственными или производственными строениями на этом памятнике. Каких-либо следов пожара или разрушений как причины сокрытия топоров здесь не зафиксировано. Учитывая то, что поблизости располагалась площадка для плавки и обработки металлов, можно предположить, что была какая-то другая мотивация для этого действия: производственная или культовая.

Не ясно, где были сделаны эти топоры. Очевидно, что это была одна партия изделий, причем не подготовленная по каким-то причинам для использования. Если их не отковали на месте, тогда это была привозная партия товара, предназначенная для реализации или для последующей доводки и т.п. Нельзя полностью исключать и ритуальный смысл этого действия. Обращает на себя внимание совпадение нескольких

фактов: массовой находки железных однотипных топоров, латунных стержневидных слитков, наличия производственных объектов для обработки цветных металлов и металлургии железа на Тетюшском II городище и на Щербетьском I островном селище. К сожалению, культурный слой Щербетьского поселения был размыт до материка, и археологический контекст находок топоров полностью утрачен. Дальнейший анализ материалов Тетюшского II городища позволит уточнить высказанные предположения.

Библиографический список

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. : ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ашихмина Л.И. Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1987. С. 103–120.

Вязов Л.А., Сташенков Д.А. Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2013. С. 49–56.

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. Итоги полевых исследований на Урале в 1960 г. ВАУ. Вып. 2. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1962. С. 72–80.

Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. Свердловск : УрГУ, 1962а. 140 с. (Вопросы археологии Урала. Вып. 3).

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов. Ижевск ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1963. 160 с. (Вопросы археологии Урала. Вып. 5).

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1964. Вып. 6. С. 94–162.

Генинг В.Ф. Опуятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1980. С. 92–135.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2012. Т. 21. 472 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2012а. Т. 25. С. 203–286.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1980. С. 3–66.

Завьялов В.И. Технично-технологические характеристики железных предметов из Младшего Ахмыловского могильника // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1992. С. 165–184 (АЭМК. Вып. 21).

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М. : Знак, 2009. 264 с.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М. : Наука, 1974. С. 198–281.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. №80. С. 226–250.

Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Доклад на заседании Института истории и культуры народов Приуралья 2 декабря 1999. Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2000. Вып. 2. 56 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. М. : Наука, 1968. 164 с.

Массалитина Г.А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротыньск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 111–129.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 87–96.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура : учебное пособие. Самара : Самарский университет, 2003. 160 с.

Матвеева Г.И., Вязов Л.А., Гасилин В.А., Ломейко П.В., Серых Д.В., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Исследования городища Лбище в 2003 г. // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2012. №3. С. 171–198.

Наговицин Л.А., Семенов В.А. Городищенский могильник III–IV вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск : УдмНИИ, 1978. С. 118–123.

Никитина Т.Б. История Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Труды Марийской археологической экспедиции. 1999. Т. V. 160 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УдмИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. // Материалы охранных исследований. М. : Институт археологии РАН, 2010. Т. 13. 212 с.

Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 185–197.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань : Заман, 2010. 152 с.

Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань : Заман, 2011. 144 с.

Руденко К.А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.

Семькин Ю.А. Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 167–184.

Семькин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции городища Лбище по результатам металлографического исследования // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. М. : ИА РАН, 2014. С. 245–276.

Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // Советская археология. 1970. №4. С. 233–237.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М. : Наука, 1967. 100 с. (САИ. Вып. Д1–32).

Старостин П.Н. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // Советская археология. 1968. №1. С. 251–255.

Старостин П.Н. Раннесредневековое поселение «Курган» // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань : КФАН СССР, 1983. С. 6–19.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. 144 с. (Археология Восточноевропейских степей. Вып. 9).

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // Советская археология. 1981. №3. С. 208–217.

Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. №6, т. 12. С. 272–275.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. : Металлургия, 1997. 318 с.

Шадрин А.И. Результаты металлографического анализа железных предметов из погребальных комплексов I тыс. н.э. Волго-Камья // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1995. С. 140–167 (АЭМК. Вып. 24).

K.A. Rudenko

TREASURE OF IRON AXES FROM HILLFORT TETJUSHSKY II IN TATARSTAN EPOCH OF THE EARLY MIDDLE AGES

Hillfort Tetjushsky II is located on northern suburb of Tetjushy of Tetjushsky area of Tatarstan. In 2007–2013 the area in 444 m² here has been dug out. The cultural layer has thickness in 1,5–2 m. Excavation has shown that the settlement on this place has arisen during an epoch of a late bronze age – the beginning of the early Iron Age – in IX–VIII th centuries BC. The blossoming the settlement has reached in VI–VII centuries This period is presented by materials Imen'kovo archaeological culture.

The unique find on a site of ancient settlement of a treasure of iron axes Imen'kovo archaeological cultures is interesting. In a treasure there were 8 identical axes which it is possible to name axes «tetjushi type». All axes from a treasure were never used for the designated purpose. Edges at them were blunted. Safety of products the ideal: on a surface there are no traces of corrosion and damages. Magnificent safety of artefacts allows to establish a way of their manufacturing. Axes have been found not all together, and in small territory by the area about 4 m² nearby from specialised objects for fusion of metals. But they have not been connected with one of them.

One more iron axe has been found out in excavation area on other part of a site of ancient settlement. It differed from axes from a treasure in the sizes and safety. But appearance of this artefact was close to axes from a treasure.

The treasure has been hidden in the end of VII century – the beginning of VIII century. Axes of this type in small territory Imen'kovo archaeological cultures in the bottom current of Kama and an average current of Volga in second half or the end of VII century extended. Analogies to the axes found on hillfort Tetjushsky II allow to assume that they have evolved from the tradition generated in not earlier than V century AD.

The reasons of concealment of a treasure are not solved. Axes could be the treasure, the valuable goods hidden by the owner. It is impossible to exclude and that they to be and ritual subjects.

Keywords: Tatarstan, the early Middle Ages, archeology, Kushnarenkovo archaeological culture, Imen'kovo archaeological culture, iron axe, Azelino archaeological culture.

**ПУПАРИИ *SARCOPHAGIDAE*
В ПОГРЕБЕНИИ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
НЕКРОПОЛЯ СТЕПУШКА-2 (Алтай)***

В процессе археологических раскопок в Центральном Алтае осенью 2010 г. найдены остатки хитиновых покровов личинок (пупариев) мясных мух (*Sarcophagidae*). Они обнаружены в погребении кургана №30 некрополя Степушка-2, датированного 2-й половиной III – 1-й половиной IV в. н.э. Находка позволила установить, что тело юноши 14–15 лет было захоронено во временном промежутке от конца мая до конца августа. Кроме того, найденные пупарии мясных мух служат индикатором степени синантропизации организмов и ландшафтов ущелья Урсула в гунно-сарматское время. Популяция саркофагидов развилась, вероятно, приспособившись к обитанию вблизи поселения носителей булан-кобинской культуры, которое существовало во 2-й четверти I тыс. н.э. на окраине этой небольшой замкнутой горной долины. Мясные мухи выполняли, скорее всего, роль санитаров в ликвидации трупов павших домашних животных, а также уничтожали пищевые и технические отходы жителей поселка.

Ключевые слова: Алтай, археология, памятник, гунно-сарматское время, Степушка-2, некрополь, погребение, пупарии, мясные мухи, *Sarcophagidae*.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-05

Археологическая наука изучает прошлое человечества на основе исследования материальных остатков и следов жизнедеятельности людей. Эти источники, в отличие от письменных свидетельств или непосредственных наблюдений над человеческой деятельностью, сами не несут сведения об исторических событиях. Поэтому информация получается в результате тщательного анализа, интерпретации и осмысления археологических источников. По сути, это историческая реконструкция, на полноту и степень достоверности которой влияют разные факторы – от общего уровня развития науки до квалификации конкретных исследователей. Такая специфика научной отрасли ставит археологов перед необходимостью проведения междисциплинарных исследований, а также постоянного совершенствования методов и приемов сбора, обработки и интерпретации археологических данных для получения из имеющихся материалов максимально возможной достоверной информации.

Археологические источники делятся на четыре основные категории: объекты, созданные или подвергнутые обработке людьми, т.е. артефакты (предметы вооружения, орудия труда и быта, одежда, украшения и т.д.); археологические объекты, включающие обусловленные человеческой деятельностью нарушения грунтового слоя или созданные человеком сооружения (ямы, рвы, дома, курганы и т.п.); почвенные, галечные и иные геологические отложения, скопившиеся на площади памятника; биологические остатки, т.е. любые материалы, некогда принадлежавшие к живой природе. Биологические остатки из археологических памятников могут включать технические отходы, пищевые остатки и экофакты**.

* Работа публикуется в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.» (№14-11-04002a(p)) и госзадания Минобрнауки Российской Федерации «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536).

** Археология. Категории археологических памятников [Электронный ресурс]. URL: <http://alacatiantikemlak.com/a11c42cb8fe82500f780f22530d89e7e> (дата обращения: 21.09.2014).

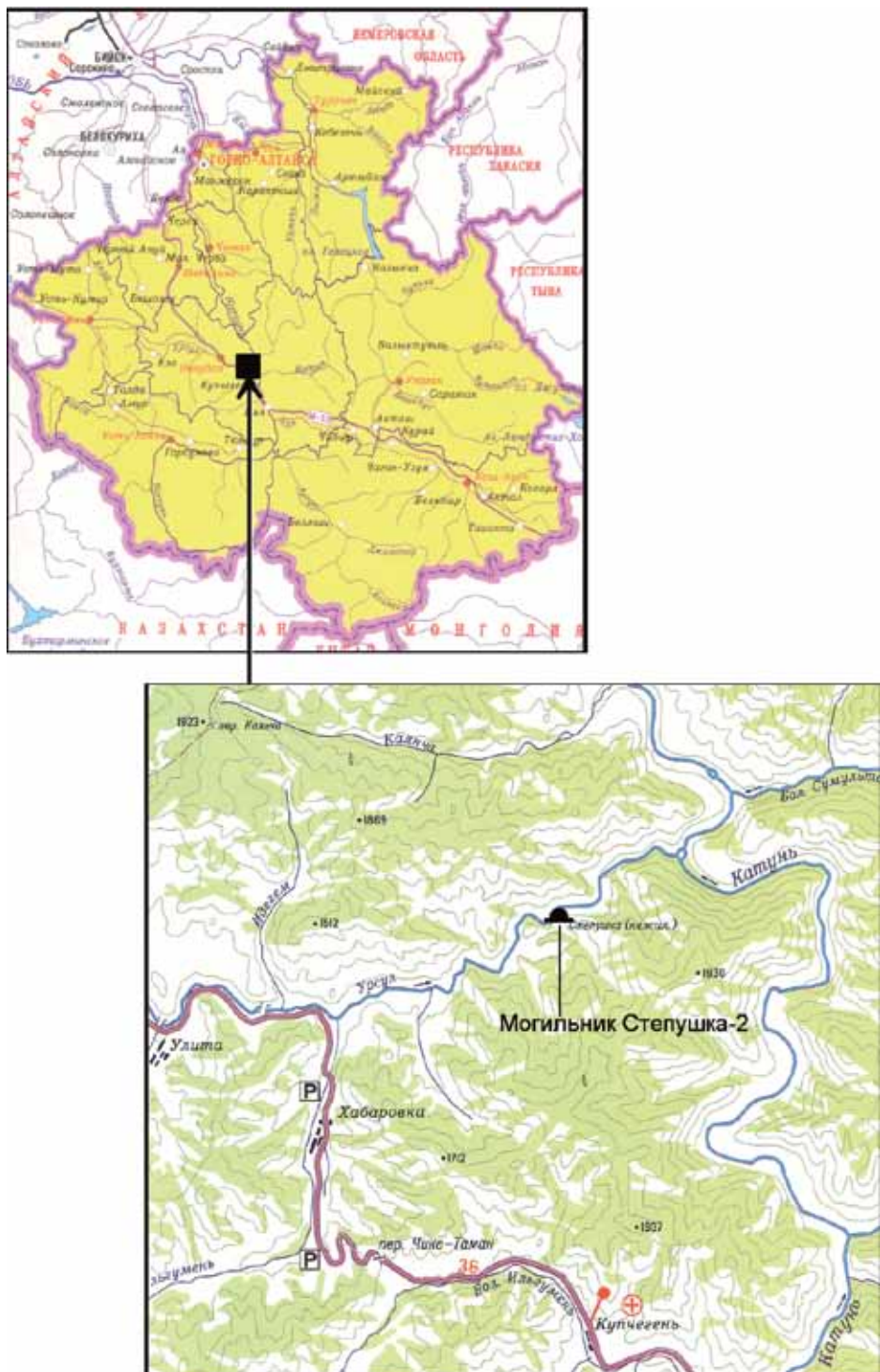

Рис. 1. Местонахождение могильника Степушка-2

Экофакты – это остатки преимущественно биологического происхождения, которые не были использованы или обработаны человеком, а просто сохранились на том же месте, где обитали люди. Это может быть древняя растительная пыльца, раковины земляных улиток, панцири насекомых и т.п. К сожалению, экофакты археологами не всегда фиксируются и редко используются в исследованиях, хотя могут оказать существенную помощь в понимании процесса формирования слоев или реконструкции природной среды времени существования древнего объекта, ставшего археологическим памятником и т.п.

В связи с этим важное значение имеет находка остатков куколок насекомого с четким археологическим контекстом и установленной эпохальной принадлежностью. Они обнаружены в 2010 г. в процессе археологических раскопок на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2, находившемся в Центральном Алтае (рис. 1). Памятник располагался на высоком правом берегу р. Урсул, в 5 км выше места ее впадения в Катунь, над бывшим с. Степушка, в Онгудайском районе Республики Алтай. С востока, юга и запада участок окружен горами, а с севера ограничен рекой. Могильник находился на западной половине третьей надпойменной мысовой террасы, которая попала под дорожное строительство. Группа курганов на восточной половине мыса, обозначенная как могильник Степушка-I, исследовалась экспедицией Алтайского государственного университета [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011, с. 92–98]. Позднее мыс был полностью снесен при возведении моста и участка подъездной автодороги.

Могильник Степушка-2 территориально приурочен к Урсульской межгорной котловине, которая ограничена с северо-западной стороны Семинским хребтом, с юго-западной – Теректинским и с северо-восточной – Куминским. Котловина расположена в среднегорном поясе в интервале высот от 800 до 1200 м. Она включает в себя широкие речные долины, состоящие из пойменной и нескольких надпойменных террас. К коренным склонам котловины примыкают обширные присклоновые шлейфы и конусы выноса небольших постоянных и временных водотоков. Основные массивы Урсульской котловины занимают темно-каштановые почвы в сочетании с южными черноземами. Почвы на данной территории характеризуются маломощностью гумусового горизонта, легким механическим составом, высокой водопроницаемостью. Глубже 0,5 м обычно расположен горизонт сильного иссушения. Средняя температура зимних месяцев -20 – -23°C . Днем температура поднимается до -17 – -18°C , ночью понижается до -28 – -29°C . Абсолютный минимум -53 – -56°C , абсолютный максимум $+3$ – $+6^{\circ}\text{C}$. Оттепели характерны для начала и конца зимы (их повторяемость от 20 до 30 дней). Самый теплый месяц июль. Средняя температура июля $+13$ – $+14^{\circ}\text{C}$. Абсолютный максимум $+21$ – $+23^{\circ}\text{C}$. Величина снежно-температурного коэффициента варьирует от 10 до 20. На глубине 0,2 м средняя температура января -7 – -12°C . Почва промерзает до 1,5–2,5 м. Устойчивое промерзание почвы начинается в третьей декаде октября, а оттаивание – в апреле. Годовая сумма осадков составляет от 350 до 450 мм. Высота снежного покрова от 0,1 до 0,35 м. Иногда земля бывает лишена снежного покрова зимой. Снег сходит во второй половине апреля. Произрастают преимущественно лиственничные или березово-лиственничные леса, приуроченные к долинам рек, относительно влажным склонам. Ведущей древесной породой выступает лиственница сибирская, но часто встречается береза, в горах произрастает кедр. Урсульская среднегорная котловина относится к числу островных степей со злаковыми, осоко-злаковыми, разнотравно-злаковыми растениями. Разнотравье представлено пятилистником ку-

старниковым, баданом толстолистным, лабазником вязолистным, копеечником чайным, геранью луговой, земляникой лесной, смородиной темно-пурпурной, малиной обыкновенной, черемухой обыкновенной, брусникой обыкновенной, облепихой крушиновидной, полынью-эстрагоном, змеевиком живородящим, кандыком сибирским, лилией кудреватой, луком понижающим, луком алтайским, борщевиком бородачатым, щавелем обыкновенным и др. [Маринин, Самойлова, 1987; Атлас Алтайского края, 1991]. Фауна района богата и разнообразна. В основном водятся косуля, кабарга, бурый медведь, марал, рысь, россомаха, лиса, выдра, горностай, солонгой, ласка, барсук, крот, полевка и т.д. Из птиц встречаются кобчики, ястребы, коршуны, беркуты, орлы, совы, филины, кукушки, козодои, утки и др. В водах рек и озер обитает главным образом хариус [Малков, Беликов, 1995; Маринин, Самойлова, 1987].

Территория могильника Степушка-2 была полностью задернована. Растительность представлена подорожником, клубникой, ковылем, полынью, полевым клевером, пыреем. В процессе аварийных работ на некрополе раскопаны 64 объекта: 37 каменных курганов и колец с погребениями и 27 каменных колец и выкладок без погребений. Умершие были положены головой преимущественно в северо-восточный сектор. Из предметов сопроводительного инвентаря найдены предметы вооружения и их детали (костяные и железные наконечники стрел; железные кинжалы; костяные накладки луков и т.д.), предметы украшения и туалета (стеклянные, костяные и каменные бусины; железная диадема; бронзовые бляшки; фрагмент бронзового зеркала; подвески из зубов и кости и т.д.), предметы снаряжения коня (железные удила с кольчатými и стержневыми псалиями; костяные цурки; подпружные пряжки и т.д.), орудия труда (железные ножи; обломки каменных жерновов и т.д.) [Соенов, 2011, л. 25–67]. Раскопанные погребения могильника Степушка-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря отнесены нами к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени и предварительно датированы первыми веками н.э. [Соенов, 2010, с. 3–6; Соенов, Трифанова, 2011, с. 122–125]. Анализ отдельных предметов инвентаря и их взаимовстречаемости позволяет уточнить хронологическую принадлежность некрополя в пределах 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э.

Объект №30, в котором обнаружены куколки мясных мух, представлял собой небольшой каменный курган, сложенный из рваных и окатанных камней. Насыпь имела овальную в плане форму, размерами 3,1 x 2,8 м, длиной осью ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 2). Курган находился в центральной части некрополя, в квадратах E1 и E2. Географические координаты по GPS-приемнику: N – 50°45'270", E – 086°24'435", высота над уровнем моря (по балтийской системе высот) – 663 м. С юго-восточной стороны к нему примыкал курган №32, с северо-западной – курган №23.

Под курганной насыпью зафиксированы крепиды и перекрытие ящика, сложенные из крупных рваных камней (рис. 4, 5). Размеры крепиды – 3,4 x 2,9 м. Под насыпью, в центральной части кургана, под каменным перекрытием (на глубине 0,2 м) зафиксирована яма. Длина ямы – 1,7 м, ширина – 0,45 м, глубина – 0,3 м. В яме зачищен каменный ящик прямоугольной формы, сооруженный из восьми плит.

Внутри ящика (на глубине 0,53 м от условного нуля) зачищен костяк умершего человека, ориентированного головой на северо-восток (рис. 6, 7). Он лежал вытянуто на спине, руки – вдоль тела. Череп завалился в левую сторону. Ступни и нижняя часть берцовых костей отсутствуют (отрублены). Возраст погребенного – 14–15 лет, пол – муж-

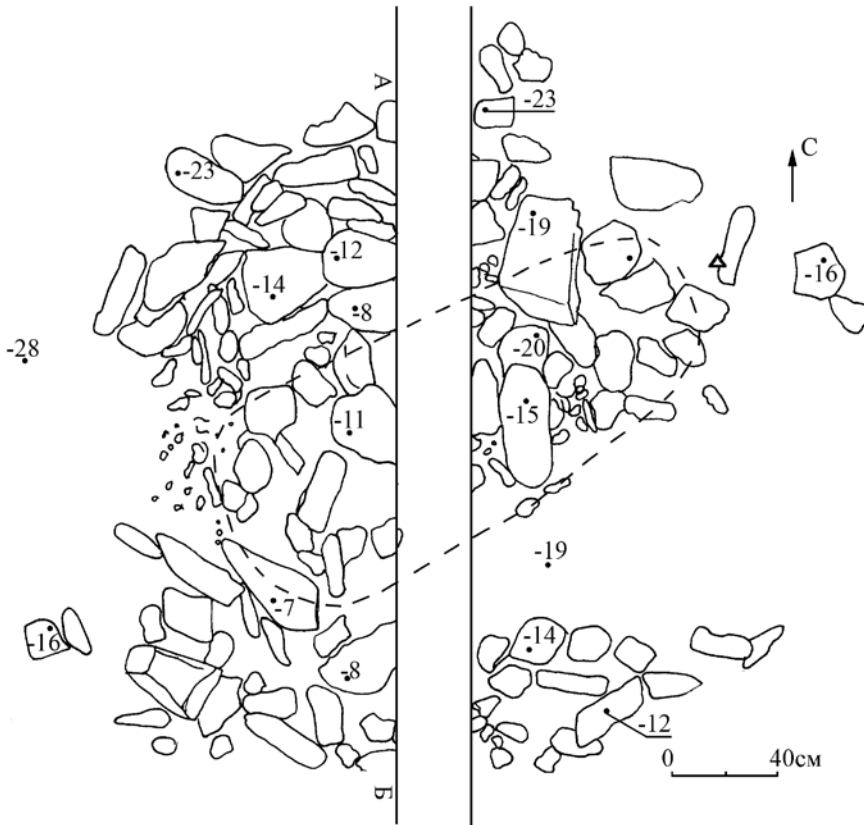

Рис. 2. Могильник Степушка-2. Курган №30. План насыпи

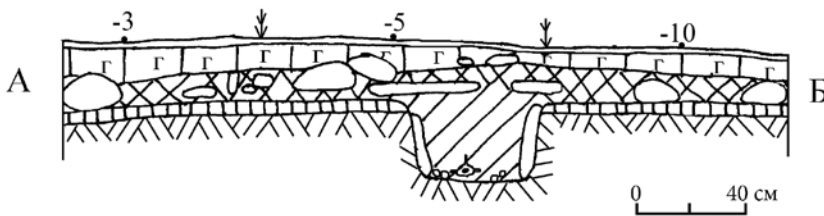

Рис. 3. Могильник Степушка-2. Курган №30. Разрез насыпи по А-Б

ской (половозрастное определение выполнено к.и.н., заведующей кабинетом антропологии Алтайского государственного университета С.С. Тур).

На правом крыле таза погребенного находилась костяная трубочка-пронизка (рис. 8). В области талии с левой стороны зачищены остатки железных деталей пояса (рис. 9.-А: 1, 2; Б: 1, 2), с правой стороны таза – еще один фрагмент (рис. 9.-А: 3; Б: 3). Справа (в зоне талии) обнаружена бронзовая пряжка с остатками кожаного ремешка (рис. 10). Там же найдены остатки мешочка или сумочки из шерстяной ткани (рис. 11)

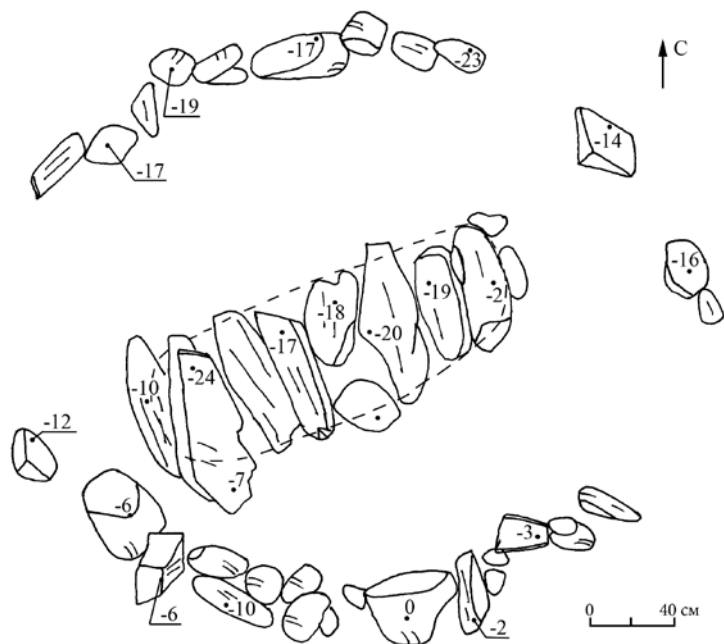

Рис. 4. Могильник Степушка-2. Курган №30. План кирпичи и перекрытия ямы

Рис. 5. Могильник Степушка-2. Курган №30. Вид кирпичи и перекрытия ямы с северо-востока

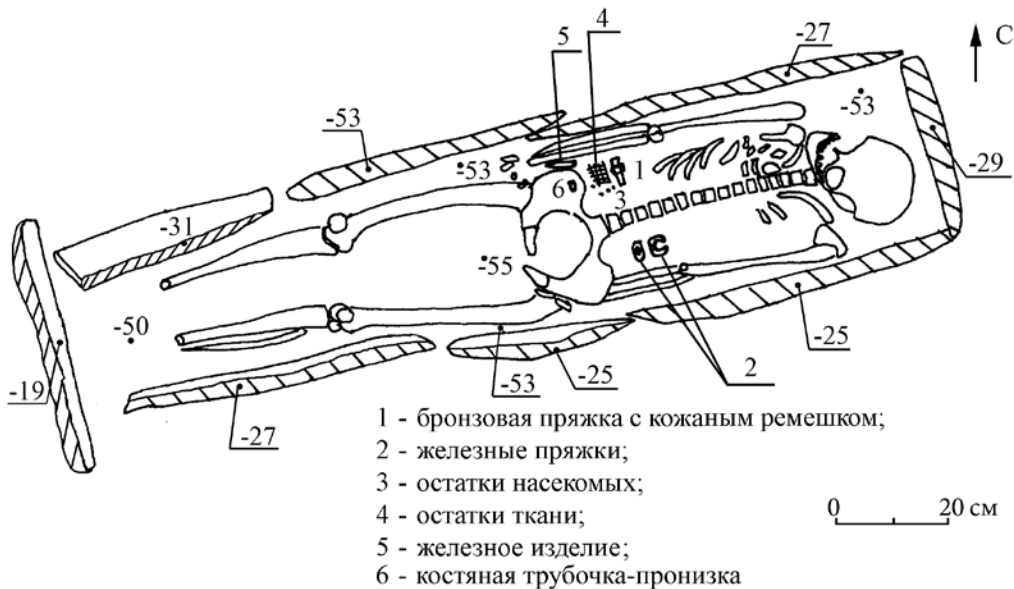

Рис. 6. Могильник Степушка-2. Курган №30. План погребения

(определение научного сотрудника Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета Е.А. Константиновой), в котором находились хорошо сохранившиеся хитиновые покровы личинок (пупариев) мясных мух (рис. 12) (микроскопический анализ к.б.н., доцента кафедры ботаники, зоологии, экологии и генетики Горно-Алтайского государственного университета В.М. Муравьевой и к.б.н., доцента кафедры ботаники, зоологии, экологии и генетики Горно-Алтайского государственного университета Т.В. Бубновой).

Мясные мухи, или саркофагиды (*Sarcophagidae*), – семейство двукрылых насекомых. Существует около 2600 видов этого семейства, распространенных по всему миру. В России их сейчас насчитывается около 300 видов. Научное название мясных мух (от греч. *сарко-* – плоть, мясо и *фагос* – пожиратель) указывает на их обыкновение размножаться на трупах или разлагающихся мясных блюдах. Личинки мясных мух встречаются также и на гниющих фруктах, фекалиях, навозе и других разлагающихся органических веществах. Есть среди них паразиты насекомых и моллюсков. Известны виды, личинки которых живут в ранах млекопитающих (главным образом, овец). Мясные мухи обычно бывают длиной 10–25 мм (иногда встречаются виды длиной 5–10 мм). Тело чаще всего окрашено в пепельно-серые тона с черными пятнами, полосами или шашечным рисунком; глаза обычно ярко-красные*.

Самки мясных мух живородящи, т.е. нет стадии вылупления из отложенных яиц. Для личинок характерно внекишечное пищеварение. Личинки проводят на мясе 5–10 дней, после чего перемещаются в почву, где проходят фазу предкуколки, а затем превращаются в куколку. При этом отслоившаяся кутикула темнеет, затвердевает и превращается в пупарий, в котором происходит окончательное развитие мухи: полная

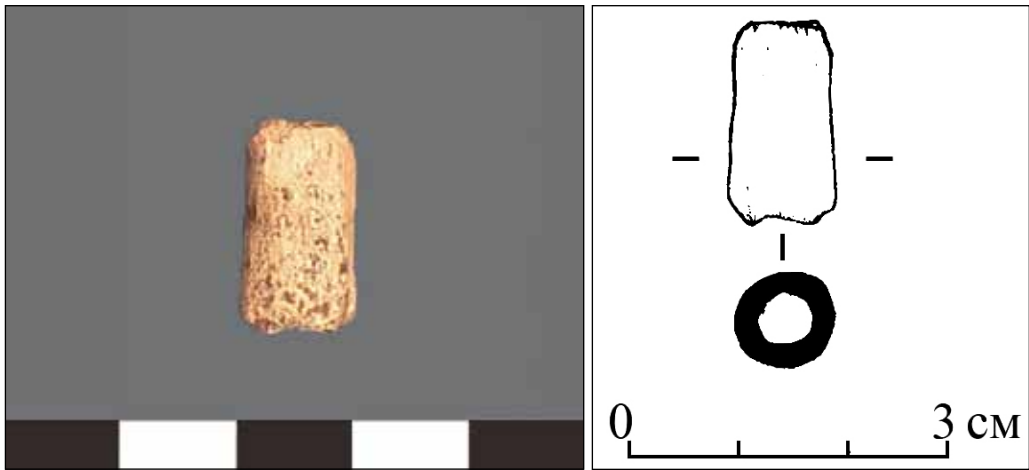
* Серые мясные мухи // Википедия [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Серые_мясные_мухи (дата обращения: 21.09.2014).

Рис. 7. Могильник Степушка-2. Курган №30.
Вид погребения с ЮЗ

перестройка органов и тканей личинки и формирование новых органов. Куколки мясных мух способны впадать в длительную спячку. При благоприятных условиях сформировавшееся насекомое выходит наружу, разрывая пупарий. Взрослые мухи живут 5–7 дней.

В публикуемом погребении кургана №30 некрополя Степушка-2 хитиновые покровы пупариев зафиксированы только вместе с остатками мешочка или сумочки из шерстяной ткани. Это свидетельствует о том, что данные личинки не принимали участия в скелетировании трупа погребенного человека, поскольку находились в замкнутом пространстве. Скорее всего, личинки отложены мухами в продукты, которые

А
Б
Рис. 8. Могильник Степушка-2. Курган №30.
Фото (А) и прорисовка (Б) костяной трубочки-пронизки

А
Б
Рис. 9. Могильник Степушка-2. Курган №30.
Фото (А) и прорисовка (Б) железных деталей пояса

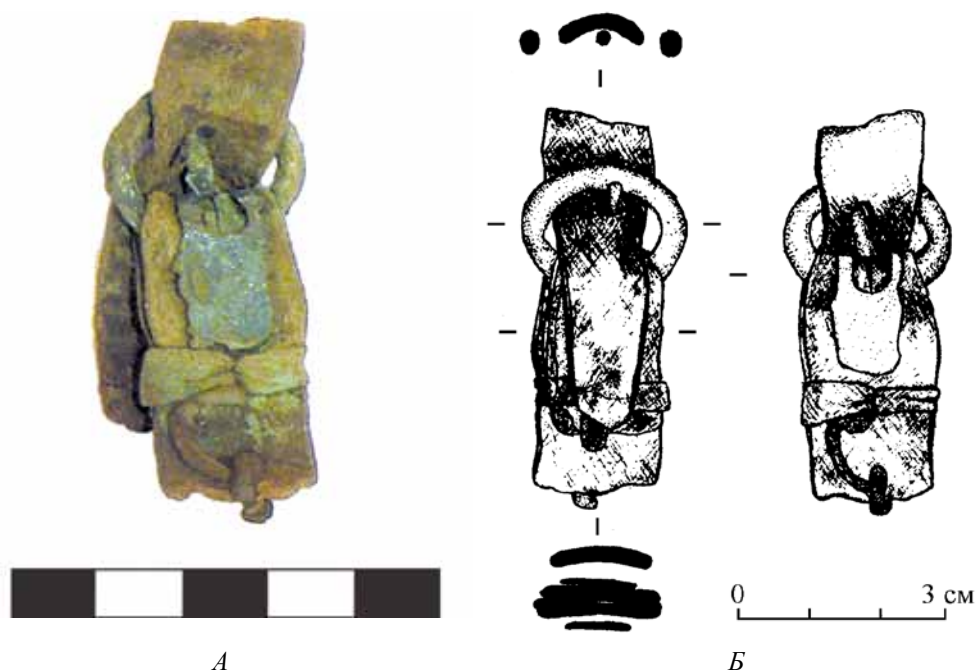

Рис. 10. Могильник Степушка-2. Курган №30. Фото (А) и прорисовка (Б) бронзовой пряжки с остатками кожаного ремешка

находились первоначально на открытом воздухе, поскольку мясные мухи в жилые помещения залетают редко*. Затем в процессе погребально-поминальных действий эти продукты были помещены людьми в мешочек или сумочку из шерстяной ткани и положены в могилу в качестве сопроводительной пищи для умершего. В данном случае мы уверены, что это была нежидкая пища. Можно предположить, к примеру, вареное или жареное мясо. Вероятно, это была мякоть, поскольку кости животного не зафиксированы. Обычай класть мясо овцы в погребение в качестве сопроводительной пищи зафиксирован во многих культурах Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе в булан-кобинской культуре Алтая гунно-сарматского времени. Однако во всех других случаях отмечены сохранившиеся кости овцы. Публикуемый факт свидетельствует, что сопроводительная пища изначально присутствовала во всех могилах, но не всегда сохранялась.

Благодаря тому, что погребение человека было совершено в каменном ящике при соответствующих температурных условиях, не возникло резкого кислородного голодания или переохлаждения личинок, и биологический цикл развития мух не прервался на этой стадии. Личинки смогли развиваться до стадии куколок. Но, судя по ненарушенным пупариям, окончательного формирования и выхода взрослых мух не произошло в могиле из-за недостаточно благоприятных для насекомых экологических условий. До нас дошли только высохшие хитиновые покровы пупариев мясных мух, поскольку хитин относится к числу устойчивых, трудно разлагаемых органических соедине-

* Муха мясная синяя // Пестициды.ru. Вредители человека. Справочник [Электронный ресурс]. URL: http://www.pesticidy.ru/pest/calliphora_erythrocephala (дата обращения: 21.09.2014).

Рис. 11. Могильник Степушка-2. Курган №30.
Фото фрагмента шерстяной ткани

Рис. 12. Могильник Степушка-2. Курган №30.
Фото образцов пупариев *Sarcophagidae*

ний, которые в почвах и грунтах могут сохраняться сотни и тысячи лет [Демкин, Удальцов, Демкина и др., 2011, с. 114].

Исходя из наличия пупариев мясных мух в могиле можно установить время года, когда наступила смерть человека, и было совершено погребение его тела. Хотя мясные мухи принадлежат к относительно холодолюбивым насекомым, при температуре около 0°C они впадают в неподвижное состояние, а активными становятся весной при повышении температуры до +10°C. Самка способна к откладке личинок при температуре не ниже +17°C. Верхними и нижними пределами для развития личинок является температура субстрата соответственно выше +50°C и ниже +5 – 8°C. Если мухи зимуют в стадии куколки, то их вылет происходит обычно, когда суточная температура воздуха (почвы, отходов) поднимается до плюс 11–14°C*. Наибольшая активность мясных мух наблюдается при температуре +14°C**. Максимум численности насекомых этого семейства может достигать весной – в начале лета и осенью. В условиях резко континентального климата Алтая с резкими перепадами зимних и летних температур, по нашему мнению, это временной интервал максимум от конца мая до конца августа. Следовательно, можно предположить, что смерть молодого человека наступила именно в данный промежуток времени. О том, что погребение тела умершего было совершено в теплое

* Костина М.Н. Синантропные мухи: эпидемиологическое значение, меры борьбы [Электронный ресурс]. URL: niid.ru/s/210/files/press/public/92951_478.doc (дата обращения: 21.09.2014).

** Муха мясная синяя // Пестициды.ру. Вредители человека. Справочник [Электронный ресурс]. URL: http://www.pesticidy.ru/pest/calliphora_erythrocephala (дата обращения: 21.09.2014).

летнее время года, когда грунт был прогрет, свидетельствует то, что в могиле в течение, по крайней мере, десяти суток была температура не ниже +5–8°C. Это как раз то условие, позволившее биологическому циклу развития мух в могиле пройти стадии личинки, предкуколки и куколки. На стадии куколки цикл прервался.

Таким образом, тело юноши в кургане №30 было захоронено во временном промежутке от конца мая до конца августа одного из годов в пределах 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э. Скорее всего, погребенный умер именно в данный промежуток времени года, когда и был захоронен. По крайней мере, никаких признаков, указывающих на специальное длительное хранение тела умершего до похорон путем бальзамирования и мумификации или его захоронение после разложения связок, не зафиксировано.

Кроме установления времени года, когда наступила смерть человека и было совершено погребение его тела, найденные пупарии мясных мух служат индикатором степени синантропизации организмов и ландшафтов ущелья Урсула в гунно-сарматское время. По всей вероятности, во 2-й четверти I тыс. н.э. на участках первой и второй надпойменной террас, ниже уровня исследованного некрополя (там же, где в XX в. находилось с. Степушка Онгудайского района), существовало поселение носителей булан-кобинской культуры, которые освоили небольшую замкнутую горную долину. Это подтверждается случайными находками фрагментов неорнаментированной лепной керамики и пряслица на первой надпойменной террасе Урсула. Популяция саркофагидов могла развиваться, приспособившись к обитанию вблизи булан-кобинского населения. В природе существенна роль мясных мух как санитаров*. Они, вероятно, выполняли определенную функцию в ликвидации трупов павших домашних животных, а также уничтожали пищевые и технические отходы жителей поселка.

Более детальным изучением остатков биологического происхождения, которые обнаруживаются в археологических памятниках, конечно, должны заниматься соответствующие специалисты. Поэтому данной работой мы хотели бы привлечь внимание всех заинтересованных исследователей, в частности к публикуемому конкретному экофакту и в целом к археологическим материалам, способствующим не только реконструкции древних явлений и процессов, но и лучшему постижению окружающей современной природной среды.

Библиографический список

- Атлас Алтайского края. М. : Комитет геодезии и картографии СССР, 1991. 36 с.
- Демкин В.А., Удальцов С.Н., Демкина Т.С., Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Дьяченко А.Н. Естественнонаучные исследования среднесарматского кургана (I в. н.э.) у с. Перегрузное в Волгоградской области // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов на/Д: ЮНЦ РАН, 2011. С. 105–119 (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III).
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могилиник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул : АлтГПА, 2011. С. 92–98.
- Малков Ю.П., Беликов В.И. Млекопитающие Республики Алтай и Алтайского края. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1995. 196 с.
- Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. Барнаул : БГПИ, 1987. 110 с.

* Семейство – мухи мясные [Электронный ресурс]. URL: <http://coleop123.narod.ru/ze/Sarcophagidae.html> (дата обращения: 21.09.2014).

Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. ГАГУ, 2010. №3(15). С. 3–6.

Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск, 2011. 441 л. / Архивы НИЦ ИКТН ГАГУ и ИА РАН.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.

V.I. Soenov, S.V. Trifanova

**PUPARIA OF *SARCOPHAGIDAE* BLOWFLIES IN THE BURIAL
OF NECROPOLIS STEPUSHKA-2 (Altay) DATED BACK
TO HUN-SARMATIAN TIME**

In autumn 2010 in the course of archaeological excavations in the Central Altai we found the remains of pupas blowflies (*Sarcophagidae*). They represent the dried, hardened outer skin of the larva that is left in the environment when the fly emerges. The *Sarcophagidae* Puparia of were found into a burial mound 30 of necropolis Stepushka-2 dated to second half of the 3th century – the first half of the 4th century AD. The finds enabled us to establish that the body of adolescent within the 14–15 year age range was buried between late May and early August. Also, these puparia of blowflies are an indicator of the degree of synanthropization organisms and landscapes gorge Ursul river in Hun-Sarmatian time. Likely *Sarcophagidae* population have adapted to living near the settlement of bearers of the Bulan-Koba culture in the second quarter of the 1 millennium AD. Probably, the Blowflies were important in the decay process of animal carcasses, food waste and other household waste.

Keywords: Altai, archeology, monument, Hun-Sarmatian time, Stepushka-2, necropolis, burial, pupae, blowflies, *Sarcophagidae*.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ ИНДОИРАНСКОГО КУЛЬТА СВЯЩЕННОГО НАПИТКА СОМЫ/ХАОМЫ (по материалам памятников синташтинского типа)

Статья посвящена выяснению истоков индоиранского культа священного напитка Сомы/Хаомы, который нашел отражение в древнейших письменных памятниках индоиранских народов – «Ригведе» и «Авесте». Истоки данного культа сложились еще в глубокой древности, в период существования индоиранской языковой общности. По мнению ряда исследователей, период индоиранского единства приходится на время существования памятников синташтинского типа. В погребениях воинов-колесничих встречаются предметы, которые исследователи интерпретируют как давящие камни для приготовления Сомы. На основании текстов «Ригведы» автор приходит к выводу, что священный напиток употреблялся воинами в ходе ритуалов, связанных с состязаниями на колесницах, как средство, дающее прилив физических сил и обеспечивающее победу. Наиболее вероятным претендентом на роль Сомы представляется эфедра.

Ключевые слова: памятники синташтинского типа, ритуал, культ, священный напиток, Сомы, воины-колесничие, состязание.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-06

Введение

Культ священного напитка нашел отражение в древнейших письменных памятниках индоиранских народов – индоарийской «Ригведе» (Сомы) и иранской «Авесте» (Хаома). Сомы и Хаома выступают в этих текстах как триединый образ: ритуальный напиток; растение, из которого его изготавливают; божество – персонификация этого растения и напитка. Это свидетельствует о том, что истоки данного культа сложились еще в глубокой древности, в период существования индоиранской языковой общности. Вопрос о времени сложения этой общности и времени ее распада изучается не только лингвистами, но и археологами, но эта проблема пока остается далека от окончательного разрешения. Е.Е. Кузьмина [2008, с. 200–201] считает, что памятники синташтинского типа, отличительной чертой которых является ярко выраженная колесничная атрибутика, отражают период индоиранского единства, в дальнейшем на их основе происходит сложение андроновской культуры. В памятниках синташтинского типа, прежде всего в погребениях воинов-колесничих, представляется возможным выделить следы ритуала, связанного с культом священного напитка наподобие ведийского Сомы или иранского Хаомы и реконструировать его роль в колесничных культурах эпохи бронзы евразийских степей.

Археологические свидетельства культа священного напитка по материалам памятников синташтинского типа

В памятниках синташтинского типа, прежде всего в тех могильниках, которые входят в Синташтинский комплекс, прослеживается интересная закономерность: набор предметов, связанный, по мнению исследователей, с приготовлением культового напитка типа Сомы и представляющий собой камень – основание давящей и пест-толкушку, встречаются, как правило, в погребениях воинов с характерным «колесничным» инвентарем (псалии, углубления для колес от колесницы, копьей, наконечники стрел, теса, топоры).

Особенно выразительный материал содержится в погребении №30 Синташтинского большого грунтового могильника, где наиболее полно представлен комплекс атрибутов воина-колесничего. В этом погребении возле юго-западной стенки в обоих углах ямы находились черепа коней и возле каждого – кости четырех ног. Рядом с черепом восточного коня – пара костяных псалиев. У северо-восточной стенки зафиксированы два параллельных канавообразных углубления для колес. В юго-западной половине ямы находилось скопление костей человека, очищенных от мягких тканей. Рядом с черепом, уложенным в юго-западной стороне скопления, находился бронзовый нож. Под костями коня, у юго-восточной стенки, располагалась ямка-тайник, на дне которой лежал бронзовый наконечник копья. На кости ног этого коня был положен колчан с 11 кремневыми и двумя костяными наконечниками стрел. Среди колесничного инвентаря погребения №30 присутствует также комплекс, связанный, по мнению авторов, с культом Сомы. Он располагался у головы умершего, у середины юго-западной стенки, и был представлен крупным сосудом и двумя камнями зеленого цвета: крупный камень являлся основанием давилни, а пестообразный – толкушкой [Генинг и др., 1992, с. 208–214, 218]. Комплексы, в составе которых присутствует как оружие, так и давилные камни, есть и в других погребениях этого могильника. В погребении №16 в южной части дна были прослежены две продольные ямки – углубления для колес. Над ними, вероятно, в кузов сложили кости человека, очищенные от мягких тканей, в сопровождении множества вещей: украшений из бронзы, орудий из кости (гарпун, наконечники стрел) и камня (наконечник стрелы), а также набора «для приготовления Сомы» – пест-толкушка и плоский пест-терочник из плотного зеленоватого сланца. Нижний камень для приготовления напитка положили между стенками камер в северо-восточном углу, а в западной стороне поставили сосуд и положили бронзовый нож. Представляет интерес могила №6, где прослеживается та же картина, за исключением канавок – углублений для колес. К северу от центрального столба-бруса уложили умершего, за его спиной поместили два бронзовых ножа, шильце, тесло, каменную булаву и два давилных камня «для Сомы». Авторы особо останавливаются на характеристике этих камней: нижний крупный камень пирамидальной формы с плоским основанием представлял собой давилную площадку, верхний – крупный пест – использовался как толкушка-«упала». К югу от центрального столба поставили «несколько сосудов, по-видимому, деревянных, от которых сохранились медные скобки и гвоздики». К северу от столба перед погребенным были положены две головы лошади и кости их ног, что, как отмечают исследователи, характерно для могил с колесницами. Отсутствие же в погребении самой колесницы они объясняют тем, что колесница могла быть установлена в южной, практически пустой половине камеры. Здесь могильная яма прорезала водоносный слой, поэтому органические остатки не сохранились. В погребении №39 того же могильника в деревянной камере захоронили двоих людей лицом друг к другу. Особенно богатый набор инвентаря был при костяке Б. В его изголовье находился крупный глиняный сосуд, рядом – мешок с астрагалами, два костяных псалия от уздечки, бронзовый боевой топор и набор для приготовления Сомы – каменный пест и плита, у плеча – каменная булава, на груди – бронзовый нож, каменный амулет. Сзади у стенки камеры поместили колчан с 12 стрелами, возле ног – деревянное блюдо с медными гвоздиками. В погребении №14 Синташтинского комплекса С1 на дне обнаружены три углубления. По мнению исследователей, там

могла быть установлена колесница. Захоронение подверглось сильному разрушению. Наименее потревоженной оказалась северная часть камеры, где у дна расчищены развалы двух сосудов, три каменные плиты и два песта. В южной части обнаружены остатки двух костяных псалиев. Большая часть вещей найдена в грабительском перекопе, среди них – четыре бронзовых двулезвийных ножа, три бронзовых тесла, пять кремневых наконечников стрел, каменное навершие булавы [Генинг и др., 1992, с. 137–140, 149–154, 228–234, 266–268, 276–277]. Подобные сочетания колесничного инвентаря и набора для приготовления Сомы имеются и в других могилах Синташтинского комплекса.

В могильнике Каменный Амбар 5 представляют интерес синташтинские погребения №5 и №6 кургана №2. В погребении №5 были захоронены восемь человек, среди них три мужчины 17–18, 22–24 и 25–27 лет. Несмотря на ограбление, почти не потревоженным оказалось скопление в северо-западной части дна, оно включало два сосуда, бронзовые изделия – тесло, шило, спиралевидную обмотку ременной рукояти плети и пест из яшмовидной породы. В юго-восточной половине дна в числе прочих вещей обнаружены бронзовый наконечник копья, четыре псалия из рога лося, три кремниевых наконечника стрел и два «терочника» из кварцевого порфира и яшмовидной породы. На уровне перекрытия в восточном углу находилось два черепа лошади, у середины юго-западной стенки – скелет жеребенка, череп и хвост взрослой лошади. В погребении №6 в западно-юго-западном углу на уровне перекрытия обнаружены черепа и кости конечностей двух лошадей. В могиле захоронено шесть человек, в том числе двое мужчин 45 и 15–17 лет. На дне в ногах одного из мужчин зафиксировано удлиненно-овальное углубление, предположительно для установки колеса. Погребение нарушено, инвентарь концентрировался в основном в пределах грабительского вкопа. Среди находок следует отметить бронзовые нож и тесло, кремниевые наконечники стрел, «терочник» из серой яшмы и пест из кварцевого порфира. Исследователи отмечают, что назначение пестов, а также достаточно крупных «терочников», с одной или двумя зашлифованными гранями, не вполне понятно [Костюков и др., 1995, с. 160–162, 176].

Таким образом, присутствие в погребениях с колесничным инвентарем набора давилых камней «для приготовления Сомы» является достаточно распространенным явлением. Одним из доказательств того, что это неслучайное совпадение, служит расположение вещей в погребении №1 кургана №2 синташтинско-петровского могильника Кривое озеро. На дне у восточной стенки были выявлены два параллельных углубления для установки колес. Между ними почти на равном расстоянии от каждого, обнаружены стоящий вверх дном сосуд и бронзовый наконечник копья, лежащий острием на восток. Эти вещи находились в неповрежденном состоянии. В западной части ямы найден роговой псалий, в заполнении ямы встречались мелкие кости лошади. По мнению Н.Б. Виноградова [2003, с. 67], сосуд, имеющий небольшое и слегка выпуклое дно, не использовался в быту и был специально изготовлен для ритуала. Таким образом, перевернутый сосуд является как бы центром композиции и составляет единую композицию с вещами, входящими в колесничный комплекс.

Еще один ритуальный комплекс, где перевернутый сосуд помещен в центр композиции из вещей, являющихся принадлежностью воинов, представлен в нуртайском могильнике Бозенген (могила №7, курган №24) из Центрального Казахстана.

Памятники нуртайского типа Центрального Казахстана хронологически и культурно близки петровским Северного Казахстана. Этот ритуальный комплекс определен А.А. Ткачевым как кенотаф. Могила представляла собой каменный ящик трапециевидной формы. На перекрытии стояли три поминальных сосуда и находились кости конечностей крупного рогатого скота. Основные находки были сосредоточены на дне в западной половине ящика, занимая квадрат размером 0,8 x 0,8 м. В центре квадрата находился установленный вверх дном сосуд. Углы квадрата были образованы четырьмя костяными наконечниками стрел, воткнутыми в дно могилы под углом 45 градусов. Древки наконечников должны были образовывать пирамиду и сходиться над сосудом. Это сооружение было покрыто двумя видами ткани из грубо- и тонковолокнистых нитей. На ткань нашиты пастовые бусы, образовавшие концентрические круги. На дне обнаружены в разных местах еще семь костяных наконечников стрел [Ткачев, 2002, с. 226]. В данном комплексе границы пространства имеют форму квадрата, образованного четырьмя наконечниками стрел, воткнутыми в дно могилы, центр выделен перевернутым сосудом.

Перевернутый сосуд помещался также в центр композиций из черепов и костей ног жертвенных животных – лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Скот – не менее важная составляющая военного быта скотоводов (особенно лошади). Так, в индийском эпосе «Махабхарата» говорится, что «ваджра воина (кшатрия) – его кони» (Мбх I. 158. 49–50). Жертвенный комплекс I (уч. Б, В/9) Синташтинского большого грунтового могильника находился в яме размерами 1,30 x 1,15 м, ориентированной по сторонам света. Вдоль восточной стенки располагались параллельно в ряд пять черепов лошадей, все положены на нижние челюсти лицевыми частями к середине ямы. Симметрично им, вдоль западной стенки, также размещались пять черепов, из них один принадлежал лошади, остальные четыре – безрогим быкам. В середине южной стенки, между черепами, стоял вверх дном крупный сосуд. От него полосой по центру ямы лежали в большом количестве кости ног лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Кроме того, в жертвенный комплекс входили еще два черепа баранов. Один находился в юго-восточном углу, рядом с черепом лошади, второй, установленный вверх затылочной частью, – в середине южной стенки, рядом с сосудом. Таким образом, перевернутый сосуд и череп барана представляли собой своеобразный центр композиции, от которого шли три ряда: средний – из костей ног и два по краям – из черепов. Представляют интерес материалы погребения №39 этого же могильника. В восточной нише, образованной стенкой ямы и деревянной камерой, обнаружен жертвенный комплекс, включавший 16 черепов и костей ног овец, коров и лошади. Все они были расположены в определенном порядке, а в центре затылочной частью вверх поставлен череп лошади [Генинг и др., 1992, с. 233–235]. Здесь центром композиции и своеобразной осью (также в перевернутом состоянии) служил череп коня.

Достаточно сложным для понимания является повторяющийся факт помещения в центр композиции именно перевернутого сосуда. Мотив переворачивания сосуда, наполненного влагой, присутствует в гимнах «Ригведы». Данный мотив связан с различными божествами, обитающими на небе. Они переворачивают небесную бадью, воды из которой текут с небес на землю. В данном случае представляет интерес тот факт, что в некоторых ведийских гимнах сосуд переворачивают боги, связанные с военной функцией. Прежде всего это Маруты, которые в ведийских гимнах всегда предстают

во множественном числе, как отряд (толпа) воинов-колесничих, разъезжающих по небосводу в полном боевом облачении (РВ V. 57. 2): «Снабженные топорами, копьями, мудрые / С прекрасными луками, стрелами, колчанами, / О сыновья Пришни, вы обладаете прекрасными конями, прекрасными колесницами. / Прекрасно вооруженные, о Маруты, вы выезжаете для блеска». Маруты изливают на землю дождь, переворачивая небесную бадью (РВ V. 53. 6): «(Та) бадья неба, которую очень щедрые мужи / Подтянули для почитающего (их), – / (Из нее) они изливают дождь на два мира»; (РВ V. 59. 8): «Выплеснули небесную бадью эти / Маруты, (сыновья) Рудры...» (РВ I. 85. 5): «И вот они развязывают потоки алого (жеребца), / Как кожаный мешок (для воды); они заливают землю водой». В этих гимнах небесные воды в виде дождя, по существу, выполняют функцию мировой оси, проходящей через все миры.

Возвращаясь к синташтинским жертвенным комплексам, в которых перевернутый сосуд был помещен в центр композиции, можно предположить, что в ходе подобных ритуалов переворачивался сосуд, наполненный водой или каким-то напитком. В таком случае перевернутый сосуд мог выступать символом мировой оси в виде льющихся с неба космических вод. Мне уже приходилось высказывать предположение, что переворачивание сосуда в ритуале могло быть связано с культом ритуального напитка типа Сомы/Хаомы [Сотникова, 2006, с. 25–31]. К этому можно добавить, что в гимнах «Ригведы» Сома предстает как космическая опора, проходящая через трехчастную Вселенную (РВ IX. 86. 46): «Он вылит, опора неба, поднесенный пьянящий напиток; / Трехчастный, он течет вокруг миров...»; (РВ IX. 72. 7): «На пупе земли опора великого неба, / (Сома) был вылит в реки, в волну вод...»

Таким образом, присутствие в погребениях с колесничным инвентарем набора давилых камней «для приготовления Сомы» и наличие жертвенных комплексов, в которых перевернутый сосуд был помещен в центр композиции из вещей, являвшихся принадлежностью воина-колесничего, свидетельствуют о значительной роли культового напитка в жизни и ритуале этой категории населения. Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на их интерпретации следует остановиться особо.

Ритуал приготовления Сомы и колесничные состязания

Для выяснения смысла подобных ритуальных действий обратимся к «Ригведе» и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся» [Топоров, 1997, с. 533]. По текстам «Ригведы» реконструируется сюжет принесения орлом божественного напитка Сомы для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (РВ IV.18). Т.Я. Елизаренкова со ссылкой на Т. Оберлис отмечает, что для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется Сомы. От Сомы он возрастает и усиливается, и в нем возникает также желание щедро одаривать. Отсюда тесная связь Индры с людьми, выжимающими для него Сому [Елизаренкова, 1999, с. 340]. Индра, как правило, выступает в окружении толпы Марутов (РВ V. 57. 1): «Приезжайте, о Рудры, сопровождающие Индру, единокорные, / На золотых колесницах (нам) на благо!»; (РВ I. 169. 8): «Ты, о Индра, вместе с Марутами добудь / Для потомков Маны достаточные для всех людей дары с коровами во главе!»; (РВ I. 166. 11): «Маруты окружают Индру, восхваляя (его) отовсюду». Они

помогают Индре в расправе над демонами (РВ VIII. 7. 23–24): «Они переехали Вритру по суставам, / Пере(ехали) горы, ... / Они ... / (Поддержали) Индру в борьбе с Вритрой». Маруты, как и Индра, часто вступают в сражения в состоянии опьянения Сомой (РВ I. 87. 1): «Очень бодрые, страшно сильные, брызжущие (энергией), / Несгибаемые, непоколебимые, пьющие сому из выжимок...»

Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся мандала IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение, порой тексты просто перегружены образами, что затрудняет их понимание. Чтобы понять эту образность, необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т.Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давящими камнями, затем он очищался через ситечко из овечьей шерсти и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сома становится вкусным, и его пьют боги (Индра, прежде всего) и люди [Елизаренкова, 1999, с. 326, 328].

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем, как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало». Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы – это *vr̥dh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)». Таким образом, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил [Елизаренкова, 1999, с. 328–329].

В таком случае появление в синташтинских воинских захоронениях комплексов, связанных с культом Сомы (сосуды и давящие камни), вполне объяснимо. Однако являлись ли воины-колесничие изготовителями ритуального напитка или только его потребителями – вопрос спорный. В связи с этим Я.В. Васильков, опираясь на данные «Ригведы» и «Махабхараты», подробно останавливается на сюжете о Трите и его братьях. Этот сюжет, по его мнению, восходит к индоевропейской древности. Трита был одним из первых, кто научился выжимать и применять в обряде сок растения Сомы/Хаомы. Я.В. Васильков со ссылкой на Брюса Линкольна отмечает, что во всех индоиранских традициях Трита не бог, а смертный герой. Он также высказывает мнение, что у иранцев и ранних индийцев первые выжиматели Сомы/Хаомы – воины и цари. Кроме того, этот исследователь обращает внимание на взаимоотношения Триты с Индрой: «...ведийский Трита обычно побеждает дракона побуждаемый Индрой (РВ X. 8, 9) или пользуясь его помощью (РВ II. 11, 19; V, 86, 1; X. 48, 2); сам же он помогает Индре в его борьбе, поднося тому придающий силу напиток – сому (РВ IX. 34, 4; 86, 20; ср. VIII. 12, 16). Эти отношения Брюс Линкольн вполне убедительно объяснил как отношения смертного воителя (героя) с воителем-богом, когда они взаимно укрепляют силы друг друга: Индра посылает герою Трите победу, а Трита приносит богу в жертву сому, чтобы придать ему силы для его космической битвы» [Васильков, 2009, с. 54; 2010, с. 46–50]. По-видимому, в ранний период сложения культа священного напитка, дающего прилив физических сил, сами воины были изготовителями и главными его потребителями. Гимны мандалы IX «Ригведы», вероятно, отражают более позднюю стадию развития данного культа, когда изготовление священного напитка стало привилегией жрецов.

О причастности священного напитка к добыванию победы в колесничных состязаниях свидетельствуют те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в «Ригведе». Например, потоки сока Сомы, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц. Чаще всего Сома – это конь или кони, запряженные в колесницу и стремительно мчащиеся к финишу на состязании: «Словно скакуны, погоняемые погонщиками, / Они устремились к захвату добычи / Через сито из овечьей шерсти, (эти) быстрые (кони)» (РВ IX. 13. 6); «Сок, словно скакун, устремившийся к награде, / Громко ржет в цедилке, / Когда он потек сквозь (нее), преданный богам» (РВ IX. 43. 5); «Он проскочил через цедилку, / Как конь, приносящий награду на бегах, – через дышло. / Сок правит богами» (РВ IX. 45. 4); «Выжатый, буланый (конь) – стебель (сомы) / Понесся кругами по цедилке, словно колесница, посланная за добычей» (РВ IX. 92. 1).

В других случаях Сома – это быстрая колесница, участвующая в ристалище: «Вот эта мужественная колесница / Мчится сквозь овечью шерсть, / Направляясь к тысячной награде» (РВ IX. 38. 1); «Эти быстрые соки сомы, / Словно колесницы, приносящие награду, / Были посланы вперед, (как) выпущенные стада» (РВ IX. 22. 1); «Вперед выступили соки сомы ради богатства, / Словно грохочущие колесницы, / Словно скакуны, ищущие славы, / Погоняемые, словно колесницы, / Они помчались из-под рук (жреца), / Подобные наградам тех, кто решает исход» (РВ IX. 10. 1–2).

Наконец, Сома – это правящий конем колесничий: «Этот возница, непобедимый в водах, / Начищаясь между двух рук (жреца), Сома усаживается в чанах» (РВ IX. 20. 6); «С пониманием силы действия мы следовали / За колесничим, рядящимся в воды...» (РВ IX. 16. 2).

Целью колесничных состязаний было добывание победы, а приносящим ее был именно сок Сомы, который, вероятно, употребляли участники соревнований как мощное стимулирующее средство для достижения успеха. Поэтому сок Сомы предстает в тексте «Ригведы» прежде всего как «завоеватель награды» (РВ IX. 21. 7; IX. 64. 29; IX. 80. 2; IX. 87. 4), «приносящий награду» (РВ IX. 22. 1), «выигрывающий ставку» (РВ IX. 62. 18), «приносящий великую ставку (в игре)» (РВ IX. 16. 5). Причем эта награда завоевывается для предков: «Как для предков – неустанный покоритель сотен, / Покоритель тысяч – ты добывался награды, о сок, / Так очищайся для новой удачи!» (РВ IX. 82. 5).

Однако обожествлялся не только священный напиток Сома, особым почитанием были отмечены также давяльные камни, с помощью которых выжимался сок. В «Ригведе» несколько гимнов мандалы X специально посвящены давяльным камням для Сомы (РВ X. 76; X. 94; X. 175). В одном из стихов гимна давяльные камни изображены как кони, везущие десять пальцев жреца, выжимающего сок Сомы (РВ X. 94. 6–8): «Когда они взревели, пыхтя (и) заглатывая, / Их фырканье было слышно, как у скаковых коней. Пропойте (славу камням) с десятью...десятью подпругами, / Десятью постромками, десятью сбруями, / Десятью поводьями, нестареющим, / Везущим десять дышел, десять запряженных (пальцев). / Эти камни-кони с десятью ремнями, / Приятная их узда движется кругами, / Они вкусили сливки первого стебля /Выжатого сока сомы». Такое восприятие давяльных камней через отождествление со скаковыми конями делает понятным помещение их в могилы воинов-колесничих.

В целом можно сказать, что «колесничная» символика в процедуре изготовления ритуального напитка Сомы была всеобъемлюща. Поэтому с определенной долей осторожности можно предположить, что культ ритуального напитка как средства добывания победы в состязаниях или в военных действиях мог зародиться в «колесничных» культурах эпохи бронзы евразийских степей. В качестве одного из возможных претендентов на эту роль следует назвать население, оставившее памятники синташтинского и петровского типов.

***Роль колесничных состязаний в индоиранском обществе
и археологические данные***

Вероятно, коней, победивших на состязаниях колесниц, приносили в жертву, о чем свидетельствуют следующие строки гимна, обращенного к Соме (РВ IX. 87. 1): «Бегай же кругами по сосуду, усаживайся! / Теки к награде, очищаемый мужами! / Тебя начищают, как коня, приносящего награду, / На поводьях ведут к жертвенной соломее». Эти строки допускают следующее толкование: конь, победивший в состязании, приносился в жертву, так как богам посвящалось самое лучшее.

Можно предположить, что достаточно отчетливо фиксируемые на памятниках синташтинского типа следы обряда, связанного с захоронением одной или нескольких пар целых костяков лошадей, имели отношение к подобному ритуальному состязанию. Речь идет прежде всего о погребениях Синташтинского большого грунтового могильника. В некоторых из них содержатся парные захоронения полных костяков лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении камеры. В погребении №2 на перекрытии обнаружены четыре целых костяка лошадей. В погребении №3 также на перекрытии камеры положены две туши коней. В погребении №4 на перекрытие уложены попарно четыре туши коней. В погребении №5 на перекрытии располагались попарно туши шести лошадей. В заполнении погребения №10 поперек ямы уложены две туши лошадей. В погребении №12 на перекрытие положены попарно четыре туши лошадей. В погребении №19 на перекрытие помещены попарно четыре конских костяка. В заполнении погребения №26 располагались скелеты двух коней, в погребении №29 на перекрытии размещались две туши лошадей [Генинг и др., 1992, с. 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207].

Захоронения одной или нескольких пар целых туш лошадей на перекрытии погребальной камеры отчетливо противопоставлено находкам лошадей на дне могильных ям. Кости коней на дне могильных ям, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях на дне ямы сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног лошадей на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребально-поминальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений Синташтинского большого грунтового могильника: в одних – зафиксированы следы обоих ритуалов (погребения №4, 5), а в других – лишь одного из них. Так, в погребениях №2, 3, 10, 26, 29 обнаружены только следы ритуала, связанного с захоронением целых туш лошадей в верхней части ямы, в погребениях №6, 11, 30 – только следы ритуала, связанного с помещением черепов и костей конечностей лошадей на дно могильной ямы [Генинг и др., 1992, с. 113, 120–121, 123–135, 137–140, 144–149, 155–161, 200, 207–214].

Конные состязания на похоронах были достаточно распространенным явлением в среде индоиранского населения [Топоров, 1990, с. 12–47]. Наиболее известным текстом является 23-я песнь «Илиады», где описываются похороны Патрокла, кстади, искусного колесничего. Прежде всего для нас важна последовательность действий в этом погребальном ритуале, которая выглядит следующим образом: сооружение ритуального костра, возложение тела Патрокла, жертвоприношения, возжигание огня и сожжение трупа, собиание кремированных костей, захоронение их в могиле, сооружение кургана, а затем состязания – колесничные ристания, кулачный бой и другие, включая метание и стрельбу из лука. Иначе говоря, состязания следуют за погребением останков. Кроме того, при описании состязаний именно колесничным ристаниям уделено основное место, другие виды соревнований даны короче и менее конкретно.

Опираясь на данные «Илиады», можно предположить, что синташтинское население также практиковало состязания двуконных колесниц на похоронах воинов. Вероятно, кони, запряженные в те колесницы, которые одержали победу в состязаниях, приносились в жертву. Именно так можно объяснить парное расположение целых костяков коней на перекрытии могильных ям. Причем эти состязания были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным соревнованием, и участники состязаний являлись своего рода исполнителями ритуала. Целью этого агонистического обряда было завоевание победы, которую посвящали богам, ожидая от них щедрого ответного дара. Вероятно, в среде индоиранского населения важная роль в завоевании победы отводилась ритуальному напитку типа Сомы, который вкушали соревнующиеся.

Проблема идентификации Сомы-растения

До сих пор спорным является вопрос о том, из какого растения изготавливался напиток Сомы древними ариями или Хаома древними иранцами. В качестве кандидатов на роль Сомы были предложены различные типы мелких кустарников и трав – эфедра, мак, конопля, мандрагора, дикая рута и даже гриб мухомор. Во многом такая ситуация возникла потому, что ни в «Ригведе», ни в «Авесте» практически нет описания Сомы как реального растения, так как внимание ведийских поэтов было направлено не на описание природного облика, а на ритуал приготовления из него священного напитка. Поскольку внешних данных оказалось недостаточно для идентификации Сомы в «Ригведе», то было высказано предложение судить о растении Сомы прежде всего по тому, какое действие оказывает этот напиток на того, кто его выпил. Но и здесь исследователи не пришли к единому мнению, так как тексты «Ригведы» и многие используемые в них термины допускают многозначное толкование [Елизаренкова, 1999, с. 342–353]. Основной спор разгорелся по вопросу о том, был ли Сомы галлюциногенным напитком или нет. Так, Т.Я. Елизаренкова отмечает, что ей трудно согласиться с Х. Фальком, который идентифицирует Сому с эфедрой и утверждает, что растение Сомы, как оно описано в «Ригведе», не вызывает галлюцинаций. В частности, Х. Фальк указывает, что «кроме всего прочего, галлюциногенные средства вызывают видения; шаманы употребляют их для посещения сферы предков или богов. Но нет ничего шаманского или визионерского ни в ранних ведийских текстах, ни в ранних иранских» (цит. по: [Елизаренкова, 1999, с. 351–352]). Т.Я. Елизаренкова приходит к выводу, что Сомы – не только стимулирующее, но и галлюциногенное растение. Она подробно останавливается на характеристике таких претендентов на роль Сомы, как эфедра и мухомор, но отвергает эфедру на том основании, что она не обладает гал-

люциногенными свойствами. Вместе с тем Т.Я. Елизаренкова на основании изучения ряда гимнов Ригvedы (IX. 113. 8, 10; X. 119. 2–3 и др.) отмечает, что во всех этих случаях речь идет о галлюцинациях, вызванных Сомой и удивительно напоминающих шаманский полет, что «по способности вызывать видения, в частности ощущения полета, Сома явно напоминает мухомор (а не эфедру), с которым его на основании гимнов РВ отождествить тем не менее не удастся» [Елизаренкова, 1999, с. 352]. Поэтому она оставляет этот вопрос открытым.

Вероятно, в решении данного вопроса надо исходить из того положения, что текст «Ригvedы» создавался на протяжении многих сотен лет, в нем нашли отражение взгляды не только ведийских ариев, но и их далеких индоиранских предков, обитавших в далеких от Индии евразийских степях. На роль таких предков, по мнению ряда исследователей, может претендовать население, оставившее памятники синташтинского и петровского типов [Кузьмина, 2008, с. 200–201]. Культ ритуального напитка типа Сомы мог зародиться именно в этих «колесничных» культурах, но играть в них не столь всеобъемлющую роль, как впоследствии у ведийских ариев. Одной из возможных сфер применения культового напитка могли быть ритуальные колесничные состязания. Для успешного участия в состязаниях важно было, чтобы употребление такого напитка давало участникам прежде всего прилив физических сил. Но вряд ли способность напитка вызывать галлюцинации была на пользу соревнующимся, скорее все-таки во вред. Среди предложенных различными исследователями растений, претендующих на роль Сомы, заслуживает внимание прежде всего эфедра, и именно потому, что она не обладает галлюциногенными свойствами.

Согласно описаниям, эфедра – это кустарник, представленный многими разновидностями (до 40), разной высоты (от 50 см до 4 м). Имеет гнутый ствол, напоминающий ствол дерева, и многочисленные переплетающиеся веточки без листьев зеленого или желтоватого цвета, состоящие из сочленений. Растение содержит в себе эфедрин, заключенный прежде всего в его зеленых побегах. Больше всего эфедрин содержат сорта, которые растут в горах. Эфедра распространена в основном в Евразии, причем область ее распространения необычайно широка [Елизаренкова, 1999, с. 343].

К. Абдуллаев в работе «Культ Хаомы в древней Центральной Азии» подробно останавливается на характеристике тех растений, которые могли использоваться для приготовления данного напитка. Кроме того, используя работы из области ботаники и фармакологии, он рассматривает вопрос о воздействии этих растений на организм. Для нас представляет интерес действие эфедры. Так, препарат эфедрин относится к группе психостимуляторов. К этой группе относятся вещества, объединенные общим признаком: все они вызывают активизацию деятельности нервной системы. В результате их употребления появляется чувство легкости, бодрости, улучшается настроение, ускоряется темп мышления. Умеренные дозы стимуляторов вызывают краткий период сильной эйфории. Представляет интерес, что воздействие эфедрин сходно с эффектом адреналина, но в отличие от последнего действие эфедрин развивается медленнее, но действует он дольше. После приема внутрь он начинает действовать через 15–30 минут, максимальный эффект достигается через 30–60 минут, продолжительность действия 3–4 часа [Абдуллаев, 2009, с. 53–54].

В «Ригvedе» имеются косвенные подтверждения об относительно кратком промежутке времени, по истечении которого священный напиток начинает действовать

на организм. Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, воздействие Сомы начиналось сразу же после того, как он был выпит. Об этом говорит очень частое употребление форм аориста в мандале IX, что неоднократно отмечалось различными исследователями. Аорист выражает действие, которое только что на глазах произошло. Но сколько времени продолжалось действие Сомы, сказать на основании гимнов «Ригведы» невозможно [Елизаренкова, 1999, с. 347–348]. Следует заметить, что именно эфедра оказывает быстрое стимулирующее воздействие на организм человека, поэтому, вероятно, именно это растение использовалось участниками колесничных состязаний в качестве основного компонента для приготовления ритуального напитка. В дополнение к этому выводу можно добавить, что препараты с эфедрином применяются в качестве допинга спортсменами [Лившиц и др., 1989, с. 174–175].

При рассмотрении вопроса об идентификации растения, претендующего на роль Сомы/Хаомы, важная роль отводится лингвистическим данным. Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, современные названия эфедры во многих индийских и дардских языках восходят к слову *soma-* [Елизаренкова, 1999, с. 344]. В.А. Лившиц и И.М. Стеблин-Каменский считают, что названия эфедры в разных иранских языках (в большинстве восточноиранских) безупречно возводятся к древнеиранскому *hauma-*. На основании этого они делают вывод, «что в эпоху древнеиранской общности... хаому готовили, очевидно, из эфедры». Кроме того, исследователи отмечают, что эфедра (или хвойник), некоторые разновидности которой богаты алколоидом эфедрином, используются до сих пор, несмотря на то, что рецепт утрачен, для приготовления культового напитка зороастризма – хаомы. Представляется достаточно значимым их мнение, что хаома, по-видимому, обладал преимущественно возбуждающим и стимулирующим действием, а не опьяняющим или одурманивающим. В то же время В.А. Лившиц и И.М. Стеблин-Каменский не исключают того, «что в более отдаленные времена в разных регионах предки иранцев использовали и другие источники для изготовления культовых напитков...» [1989, с. 174–175].

В этой же статье авторы приводят интересные данные о внешнем виде предметов для приготовления хаомы. Они отмечают, что эфедру для приготовления этого напитка толкли в ступках. Ступки, пестики и чаши, обнаруженные в Персеполе при раскопках ахеменидской царской сокровищницы, сделаны из твердого зеленого камня различных оттенков. Арамейские надписи на этих предметах (VI–V вв. до н.э.) показывают, что они происходят из Арахосии, где добывался этот камень, цвет которого напоминает цвет веточек эфедры [Лившиц и др., 1989, с. 175]. В погребениях Синташтинского комплекса некоторые давяльные камни также имели зеленоватый цвет. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в погребении №16 плоский пест-терочник изготовлен из зеленоватого сланца, в погребении №30 из камня зеленого цвета были сделаны основание давяльной и пестообразный камень-толкушка, в погребении №1 Синташтинского малого грунтового могильника каменный пест изготовлен из сланцевой породы зеленоватого цвета [Генинг и др., 1992, с. 153, 208, 214, 300].

Безусловно, вывод о том, что синташтинское население в ходе колесничных состязаний использовало священный напиток, приготовленный на основе эфедры, носит предварительный характер. Подтвердить или опровергнуть данное положение можно будет только после проведения трассологического анализа «давяльных камней». Однако для этого недостаточно будет простого эксперимента по растиранию стеблей

эфедры, семян конопли или другого растения. Исследователям придется отчасти повторить сам процесс приготовления культового напитка, так как, согласно последним исследованиям, стебли растения предварительно отмачивались в воде несколько дней или даже месяцев, и только затем растирались с помощью давящих камней для получения сока [Сарианиди, 2008, с. 18; 2010, с. 72]. В то же время нельзя исключать варианта, что в каких-то других ритуалах, не связанных с гонками на колесницах, синташтинское население для приготовления культового напитка употребляло другие растения, возможно, даже галлюциногенного характера.

Заключение

С определенной долей вероятности можно предположить, что культ священного напитка, дающего прилив физических сил, зародился именно в «колесничных» культурах (типа синташтинской, петровской). Однако в то время культ напитка типа Сомы играл не столь всеобъемлющую роль, как впоследствии у ведийских ариев, создателей «Ригведы». Свидетельством существования в среде синташтинского населения культа священного напитка являются погребения воинов-колесничих, где, наряду с предметами вооружения, достаточно часто встречаются каменные плитки с плоским основанием и каменные песты, которые исследователи интерпретируют как давящие камни для приготовления Сомы (основание давяльни и пест-толкушка). Другим свидетельством этого культа следует считать жертвенные комплексы, в которых перевернутый сосуд был помещен в центр композиции из вещей, являющихся принадлежностью воина-колесничего. Священный напиток мог использоваться воинами в ходе ритуалов, связанных с гонками на колесницах. Его воздействие на организм начиналось практически сразу после употребления. Поэтому наиболее вероятным претендентом на роль Сомы-растения представляется эфедр. Но подтвердить или опровергнуть это положение будет возможно только после проведения трассологического анализа «давящих камней».

Библиографический список

- Абдуллаев К. Культ Хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд : Международный институт Центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.
- Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.
- Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб. : Европейский Дом, 2010. 400 с.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Елизаренкова Т.Я. О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. М. : Наука, 1999. С. 323–353.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара : Самар. пед. ун-т, 1995. С. 156–207.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М. : Летний сад, 2008. 558 с.
- Сарианиди В.И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2008. Т. 2. С. 9–22.
- Лившиц В.А., Стеблин-Каменский И.М. Протозороастризм? // Вестник древней истории. 1989. №1. С. 174–176.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1999. 768 с.

- Ригведа. Мандалы V–VIII. М. : Наука, 1999. 745 с.
Ригведа. Мандалы IX–X. М. : Наука, 1999. 560 с.
Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М. : Старый сад, 2010. 200 с.
Сотникова С.В. О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 25–31.
Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М. : Наука, 1990. С. 12–47.
Топоров В.Н. Индра // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 533–535.

S.V. Sotnikova

**TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBLE ORIGINS
OF THE INDO-IRANIAN CULT OF SACRED DRINK SOMA/HAOMA
(after materials of Sintashta type sites)**

The article is devoted to studying of the origins of Indo-Iranian cult of sacred drink Soma/Haoma, which is reflected in the ancient written monuments of the Indo-Iranian peoples – the «Rigveda» and «Avesta». The origins of the cult go away in ancient times, during the existence of the Indo-Iranian language community. According to some researchers, the period of the Indo-Iranian unity comes at a time of existence of Sintashta type sites. In the graves of warriors-charioteers found items which the researchers interpret as the crushing stones for making Soma. On the basis of analysis of the texts «Rigveda», the author concludes that the sacred drink was used by warriors during rituals associated with the chariot race, as a means that giving rush of physical forces and the victory in competitions. The most likely candidate for the role Soma seems ephedra.

Keywords: the Sintashta type sites, ritual, cult, sacred drink, Soma, warriors-charioteers, competition.

А.Д. Таиров, А.Ю. Никитин

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия;
Южно-Уральский филиал Института истории
и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия*

КИНЖАЛ РАНЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ*

В статье дается описание рукояти бронзового кинжала, найденной на правом берегу реки Миасс близ села Горшково Курганской области (Южное Зауралье). Рукоять оформлена в зооморфном стиле. Повторяющиеся изображения головы хищной птицы (или верхней части тулова горного козла) создают волнообразный орнамент. Кинжал датируется VII – началом VI в. до н.э. и включается в группу кинжалов нурманбетского типа, характерную для культуры ранних кочевников степей Центральной Евразии раннесакского времени. Однако состав металла рукояти схож с металлом, выплаваемым металлургами зауральской иткульской культуры. Данная находка свидетельствует об экспорте меди из лесостепного Зауралья в южноуральские степи в раннесакское время. Степные кочевники установили контроль над металлургами иткульской культуры, заняв в VII в. до н.э. западную часть степей Южного Зауралья. Позднее население этого региона становится основным поставщиком меди в степи Южного Урала.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранние кочевники, раннесакское время, оружие, кинжал, иткульская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-07

Осенью 2012 г. в музей «Народы и технологии Южного Урала» Южно-Уральского государственного университета поступил бронзовый предмет, найденный на правом берегу р. Миасс, на поверхности грунтовой дороги, напротив с. Горшково Шумихинского района Курганской области**.

Предмет представляет собой рукоять кинжала с небольшим фрагментом клинка (рис. 1). Рукоять с обеих сторон покрыта слоем окислов и патины светло- и темно-зеленого цвета. Кинжал, очевидно, был сломан еще в древности, так как место излома сильно сглажено и покрыто таким же слоем окислов, что и вся остальная поверхность. Уже в наше время рукоять была слегка деформирована в верхней трети, что привело к появлению здесь глубоких трещин в слое окислов и их частичному отслоению.

Рукоять включает навершие, колодочку под навершием, собственно рукоять и перекрестие, ниже которого сохранилась часть клинка.

Навершие сегментовидное, овальное в продольном и поперечном сечениях. С одной стороны оно украшено тремя горизонтальными рядами слегка выпуклых прямоугольников, по семь в каждом ряду. Они образованы неглубокими горизонтальными и вертикальными желобками шириной около 0,1 см. Так же, вероятно, была оформлена другая, хуже сохранившаяся сторона навершия.

От рукояти навершие отделено широкой прямоугольной колодкой, толщина которой меньше толщины навершия, но больше толщины рукояти. Колодка с обеих сторон пятичленная, симметричная в вертикальной плоскости. В центре одной из сторон находится валик, который затем продолжается на рукояти, перекрестии и клинке. С обеих сторон валика имеются углубленные на 0,1 см прямоугольники шириной 0,9–1,0 см.

* Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ №33.2644.2014К.

** Шифр хранения – НТУ-ГИК-288.

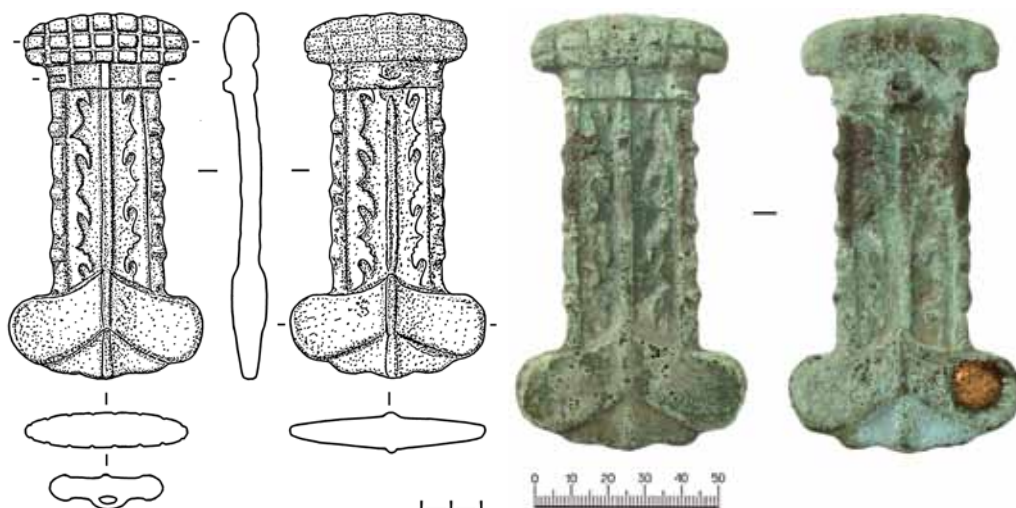

Рис. 1. Рукоять кинжала из окрестностей с. Горшково

Края колодки оформлены в виде полукруглых валиков, рассеченных посередине неглубоким горизонтальным желобком шириной до 0,2 см. На другой стороне рукояти (посередине колодки) вместо валика помещена петелька, нижний край которой совпадает с нижним краем колодки.

Каждая сторона рукояти пятичленная, симметричная в вертикальной плоскости. Осью симметрии является полукруглый валик, проходящий через всю рукоять. С обеих сторон валика находится вертикальная углубленная полоса. Она заполнена невысоким волнообразным рельефом, который, возможно, представляет собой изображение четырех сомкнутых в вертикальный ряд половин стилизованных птичьих голов или изображение четырех идущих друг за другом горных козлов, у которых показана лишь верхняя часть тулова с головой и рогами. Таким образом, на каждой стороне находится два вертикальных ряда половин птичьих голов (по четыре в каждом), обращенных клювами к оси рукояти и друг к другу, или две процессии горных козлов (по четыре в каждой), обращенных рогами к оси рукояти и друг к другу. Края рукояти представляют собой полукруглые рубчатые валики, возвышающиеся над орнаментированными полосами.

Перекрестие – широкое, бабочковидное, овальное в продольном сечении, с рельефным округлым валиком в центре обеих сторон. Валики на перекрестье так же, как и валики на колодке, являются продолжением валиков на рукояти, которые переходят и на верхнюю часть клинка.

Описываемая рукоять имеет практически полную аналогию с рукоятью кинжала из кургана №4 могильника Бобровка близ Троицка [Матвеева, 1964, рис. 1.-1]*. Отличия их незначительны: у бобровского, судя по прорисовке, более объемное навершие и чуть более заострен центральный выступ перекрестия. У обоих кинжалов через всю рукоять и, вероятно, клинок проходит рельефный округлый валик. Такой же валик отмечен на кинжале из погребения №3 кургана №4 курганной группы Иртяш 14 в Юж-

* К сожалению, этот кинжал был утрачен еще в начале 1980-х гг., и потому судить о нем можно лишь по отчету и публикации Г.И. Матвеевой.

ном Зауралье [Гаврилюк, Таиров, 2006, с. 233, рис. 3.-4, 3]. Оба кургана датируются VII – началом VI в. до н.э., к этому же времени следует относить и рукоять кинжала, найденную у с. Горшково.

Горшковский кинжал можно, на наш взгляд, включить в группу кинжалов нурманбетского типа, выделенную Н.Л. Членовой [1981, с. 7] из числа кинжалов, которые были объединены М.П. Грязновым в североказахстанский тип [Грязнов, 1956, с. 11, 12]. Для них характерна плоская широкая рукоять с волнистым краем, часто украшенная спиральным орнаментом: навершие – в виде плоского сегмента (иногда приближающееся по форме к бруску со скругленными гранями) или треугольника с закругленными углами. Кинжалы этого типа найдены в Южном Зауралье, Северном, Центральном и Восточном Казахстане, а также в Прикамье [Гаврилюк, Таиров, 2006, с. 239–242; Таиров, 2007, с. 140–142].

От большинства нурманбетских бобровский и горшковский кинжалы отличает лишь иное, но тоже фигурное оформление рукояти. По остальным признакам – общему контуру, размерам, форме навершия, перекрестия и клинка, наличию колодки под навершием – горшковский не отличается от кинжалов нурманбетского типа.

Анализ металла*, проведенный на рентгенофлуоресцентном спектрометре (INNOV-X, α-4000) в Институте минералогии УрО РАН, дал следующие результаты (%): Cu – 99,80, Pb – 0,19, Sn – следы. Состав металла свидетельствует о его получении в ареале иткульской культуры лесостепного Зауралья.

Некоторые наблюдения позволяют предполагать изготовление горшковского кинжала методом литья по утрачиваемой модели. В этом плане весьма интересна обратная сторона рукояти. Петелька на колодке имеет следы «неспая», которые возникли, вероятнее всего, при формировании ее на восковой модели. Заметно, что петелька сформирована на рукояти из того количества воска или другой формовочной массы, который был изначально. Ушко петельки имеет след шва. Кроме того, на торцевой части рукояти с обеих ее сторон отчетливо виден шов, характерный для отливок по выплавляемой (утрачиваемой) модели [Минасян, 1986, с. 64]. О литье по выплавляемой модели могут свидетельствовать и незначительные следы каверн, пузырьков и прочих литейных изъянов, которые образуются при литье в керамическую форму из-за выгорания серы из керамического теста [Русанов, Ульянов, 1996, с. 188–189].

Таким образом, горшковский кинжал, найденный у северной границы кочевий номадов Южного Зауралья, может быть включен в группу раннесакских кинжалов нурманбетского типа, датируемую VII – началом VI в. до н.э. Состав его металла показывает, что уже в то время одним из источников меди для кочевников региона являлись металлургические центры иткульской культуры лесостепного Зауралья.

Параметры изделия. Общая длина – 11,8 см, длина рукояти с колодкой и навершием – 11,3 см. Навершие: ширина – 5,4 см, высота – 1,6 см, максимальная толщина – 1,2 см. Колодка: высота – 0,8–0,9 см, ширина – 3,6–3,7 см; толщина: с валиками – 0,9 см, без валика – 0,7 см. Рукоять: длина с колодкой – 7,5 см, без колодки 6,6–6,7 см; ширина – 3,4–3,7 см; максимальная толщина: у колодки – 0,5 см, у перекрестия – 0,7 см. Перекрестие: ширина – 6,3 см; высота: минимальная (в центре) – 1,9 см, максимальная – 2,2 см; толщина: в центре – 1,2 см, по краям – 0,5 см. Петелька

* Для проведения анализа на перекрестие в круге диаметром 1,4 см был снят до металла слой окислов, что позволило получить состав металла, а не покрывающих изделие окислов.

на колодке: длина – 1,2 см, ширина – 0,4–0,6 см, толщина в центре – 0,2 см, отверстие овальное – 0,5–0,6 х 0,3 см. Ширина валика: на колодке, рукояти и перекрестие – 0,4 см, на клинке – 0,4–0,6 см. Ширина валика по краю колодки – 0,7–0,8 см, толщина – 0,8 см. Ширина валика по краю рукояти – 0,4–0,5 см; толщина: у колодки – 0,5 см, у перекрестия – 0,7 см. Над орнаментированной полосой край рукояти возвышается на 0,10–0,15 см. Ширина орнаментированных полос – 1,0–1,1 см, высота рельефа – до 0,15 см.

Библиографический список

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Иртыш-14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск : ООО ЦИКР «Рифей», 2006. С. 225–245.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.

Матвеева Г.И. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // Археология и этнография Башкирии. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1964. Т. II. С. 212–214.

Минасян Р.С. Литые бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 61–78.

Русанов И.А., Ульянов И.В. К вопросу о происхождении отверстий на втулках бронзовых наконечников стрел // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск : ТО «Каменный пояс», 1996. С. 188–190.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 4–42.

A.D. Tairov, A.U. Nikitin

DAGGER OF THE EARLY SAKA PERIOD FROM THE SOUTHERN TRANS-URALS

This article describes the bronze dagger hilt, which was found on the right bank of the Miass river near the village Gorshkovo (Kurgan oblast' (Southern Trans-Urals)). The dagger hilt is framed in zoomorphic style. The duplicate images of the bird of prey heads (or the upper part of the ibex trunk) form ornament looks like a wave. The authors date this dagger by VII – the beginning of VI cent. BC, and include it in the group of the Nurmambet daggers type. This type of daggers characterizes the early nomads culture of the Central Eurasia steppes in early Saka period. However, the metal composition of handle is similar the metal composition being smelted by the Trans-Urals Itkil' metallurgists. The find is an evidence of the export of copper from the forest-steppe Trans-Urals to the South Urals steppe in the early Saka time. The steppe nomads had established the control over metallurgists of the Itkul' culture occupying the western part of Southern Trans-Urals steppe in VII cent. BC. At the later time the population of this region was becoming the main supplier of copper to the Southern Urals steppe.

Keywords: Southern Transurals, early nomads, early saka time, weapon, dagger, Itkul' archaeological culture.

НОВЫЕ НАХОДКИ ОРНАМЕНТИРОВАННЫХ ВИСЛООБУШНЫХ ТОПОРОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА

В последние годы в Кыргызстане сделаны новые случайные находки вислообушных топоров эпохи бронзы. Среди них значительный интерес вызывают три топора с орнаментацией на обухе. Два из них найдены в районе г. Каракол в Прииссыккулье, а третий – случайная находка из Чуйской долины. Топоры имеют массивные пропорции и обладают характерными чертами данного типа орудий эпохи бронзы. Главной их особенностью является литой рельефный декор. При этом все топоры обладают различным типом орнаментации: на первом топоре он представлен «елочным» орнаментом, на втором – в виде параллельных линий и на третьем – «сеточный». Первый топор находит широкий круг аналогий в Притяньшанье, Семиречье, Алтае и Синьцзяне. Второй топор с другим типом орнаментации пока аналогий не имеет. Третий топор находит аналогии по орнаментации только в Притяньшанье (Чуйская долина). Все известные топоры с орнаментом на обухе принадлежат к андроновскому культурному кругу. Однако их датировка не разработана. Но с учетом того, что все орнаментированные топоры имеют характерные черты развитого типа вислообушных топоров, их можно в целом отнести к XII–X вв. до н.э.

Ключевые слова: Кыргызстан (Киргизия), эпоха бронзы, андроновская культура, вислообушные топоры, орнаментация.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-08

Среди вислообушных топоров андроновской культурной общности имеется малочисленная серия с орнаментацией на обуховой части, происходящая исключительно из восточного ареала общности. В последние годы находки орнаментированных топоров только участились. В свете этого наше внимание привлекли две подобные находки, происходящие из Прииссыккулья (из района г. Каракол), которые в настоящее время находятся в частной коллекции известного нумизмата и антиквара г. Бишкека В.Г. Кошевара*, а также один неопубликованный топор с орнаментацией, хранящийся в музее факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. Относительно происхождения последнего топора известно, что он также является случайной находкой из западной части Чуйской долины.

Первые два топора ранее уже опубликованы автором [Иванов, 2014], но при ближайшем рассмотрении оказалось, что феномен орнаментации на вислообушных топорах эпохи бронзы еще не был предметом детального рассмотрения, что побудило нас дальше исследовать этот феномен. Поэтому в настоящей статье мы предлагаем обратиться к проблеме орнаментированных топоров андроновской общности в целом, а также проследить аналогии орнаменту на иных изделиях данной культурной общности.

Также, на наш взгляд, не менее важным шагом было бы очертить четкий территориальный ареал традиции орнаментированных предметов в рамках андроновской общности, что могло бы стать важным основанием для последующего исследования феномена орнаментации на бронзовых артефактах эпохи бронзы азиатских степей.

* Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить глубокую признательность В.Г. Кошевару за возможность ознакомиться и опубликовать данный материал.

Описание находок. *Первый топор* имеет массивный обух со слабовыраженным рельефным гребнем. Втулка топора эллипсоидная в сечении, на небольшом расстоянии от ее краев проходят рельефные валики. Между валиками обух изделия украшен четырьмя продольными полосами «елочного» орнамента, выполненного тонкими рельефными линиями. На второй стороне обушной части орнаментация несколько другая: здесь видны только три полосы «елочки»; причем две ее полосы четко выражены, а третья, прилегающая к боковому валику, выражена достаточно аморфно. Гребень частично образован рельефными валиками обуха и достаточно слабо выражен. Рабочая часть топора – массивная, клиновидная в профиле и шестигранная в сечении, в нижней части переходит в узкое, равномерно закругленное лезвие (рис. 1.-1). Поверхность топора сильно патинирована и имеет темно-зеленоватый оттенок (рис. 2).

Общая длина топора – 23 см, длина боевой части – 16,2 см, максимальная ширина лезвия – 4,8 см, размеры отверстия втулки – 3,5 x 5 см, максимальная длина втулки – 7,8 см. Высота гребня топора составляет 1,2 см.

Второй топор также имеет массивные пропорции, хорошо выражен гребень, образованный валиком, который рельефно проходит по всему обуху, образуя при этом гребень, и переходит в лезвийную часть топора. При этом рельефный валик проходит на небольшом расстоянии от краев втулки. С внешней стороны втулка топора также окантована слабо выраженным дополнительным тонким валиком. На обухе топора имеется орнамент, который выполнен в виде шести рельефных линий, располагающихся вертикально между рельефными валиками на втульчатой части изделия. На оборотной стороне орнаментация выражена хуже. На валике у втулки, переходящем в ра-

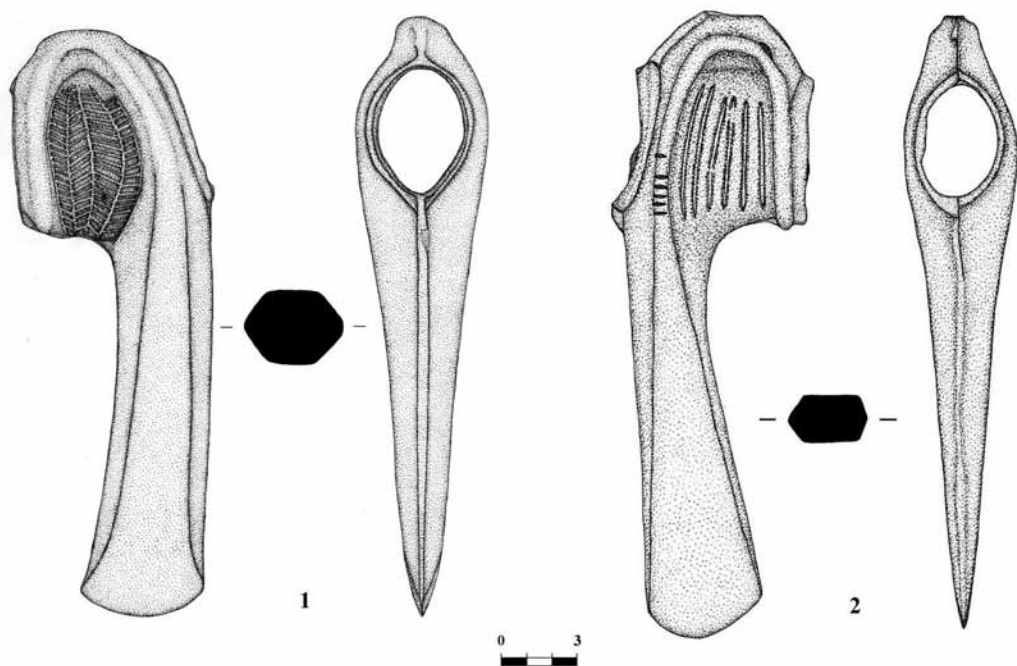

Рис. 1. Новые находки бронзовых вислообушных топоров из Прииссыккулья (район г. Каракол) (по: Иванов, 2014, рис. 1.-1, 3)

Рис. 2 (фото). Первый вислобушный топор из района г. Каракол, Прииссыккулье (фотограф П.И. Мокин)

бочую часть топора, имеется шесть небольших поперечных насечек. Рабочая часть топора имеет узкую клиновидную форму, плавно сужающуюся к острию, в сечении она шестигранная, причем внутренняя грань, обращенная к обуху, несколько смазана. Лезвие топора асимметрично закруглено (рис. 1.-2).

В профиле изделие несколько асимметрично. Это получилось из-за того, что во время отливки одна часть литейной формы сместилась. Сложившаяся ситуация отразилась на внешнем облике топора.

Поверхность изделия патинирована, но местами незначительно проглядывает золотистая бронза (рис. 3).

Общая длина изделия – 25,5 см, длина боевой части – 16 см, максимальная ширина лезвия – 4,7 см, размеры отверстия втулки – 3,3 x 4,8 см, максимальная длина втулки – 8 см. Гребень топора высотой 2,1 см.

Третий топор также имеет относительно массивные пропорции. При этом отнести его к типу гребневых вислобушных топоров можно только условно, поскольку гребень в процессе доработки после отливки был убран и затем заглажен. Вследствие этого остатки гребня незначительно выступают над остальной частью обуха. По краям проуха, на некотором расстоянии от краев, проходят рельефные валики. Втулка топо-

Рис. 3 (фото). Второй вислообушный топор из района г. Каракол, Прииссыккулье (фотограф П.И. Мокин)

ра яйцевидная, слегка вытянута в сторону лезвия. На обушковой части топора, между рельефными валиками, имеется орнамент, который выполнен в виде диагонально перекрещивающихся рельефных линий, визуально напоминающих сеть (ближе к остаткам гребня он выражен слабее). Причем с одной стороны он дан более крупной сеточкой, а с другой – более мелкой. Рабочая часть имеет массивную клиновидную в профиле форму и шестигранную в сечении. Внешняя грань несколько заглажена. Лезвие топора узкое, незначительно скруглено по краям. Поверхность топора сильно патинирована и имеет коричневатый оттенок (рис. 4).

Общая длина изделия – 20,6 см, длина боевой части – 13 см, максимальная ширина лезвия – 2,8 см, размеры отверстия втулки – 4,6 x 5,2 см, максимальная длина втулки – 7,7 см.

Итак, как видно из приведенного выше описания, все три топора принадлежат к типу вислообушных – аналогичные по форме и пропорциям топоры достаточно широко представлены в древностях эпохи бронзы Евразии. Они уже подробно рассматривались в ряде сводных работ и определяются как *вислообушные топоры с гребнем* [Аванесова, 1978, 1991; Кузьмина, 1966]. К этому типу относятся все известные топоры андроновского круга из Северного Кыргызстана, в том числе и рассмотренные выше. Практически без исключений данный тип топоров характерен для андроновской

Рис. 4 (фото). Вислобушный топор из Чуйской долины

культурной общности. Не случайно подавляющая часть подобных топоров с гребнем распространена от Урала до Саяно-Алтая и Восточного Туркестана (Синьцзяна) [Аванесова, 1991, с. 10–11].

Культурно-хронологическая атрибуция. Вислобушные топоры с орнаментацией на обуховой части – сравнительно редкое явление в культурах андроновского круга. Внешне они не отличаются от обычных топоров этого типа, что заставляет думать, что орнаментированные изделия представляют собой, вероятнее всего, локальную особенность части андроновской общности. Поэтому необходимо провести детальный анализ имеющихся в нашем распоряжении топоров, чтобы выявить не только относительную хронологию существования феномена орнаментированных вислобушных топоров, но также постараться понять культурный аспект его появления.

Примечательно, что все три рассматриваемых топора имеют три различных вариации декора обуха: «елочный», «сетчатый» и в виде простых параллельных линий. Поэтому нам представляется, что необходимо сначала рассмотреть аналогии в зависимости от типа орнаментации, и только потом – на основе морфологических признаков.

Первый топор обладает орнаментацией в виде четырех параллельных полос «елочки».

Ближайшая аналогия ему известна также из Прииссыккуля, из района с. Кутурга. Причем данный топор аналогичен нашему не только по типу орнаментации, но также по форме и размерами отличается только рядом второстепенных морфологических деталей [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, рис. 5.-6] (рис. 5.-1).

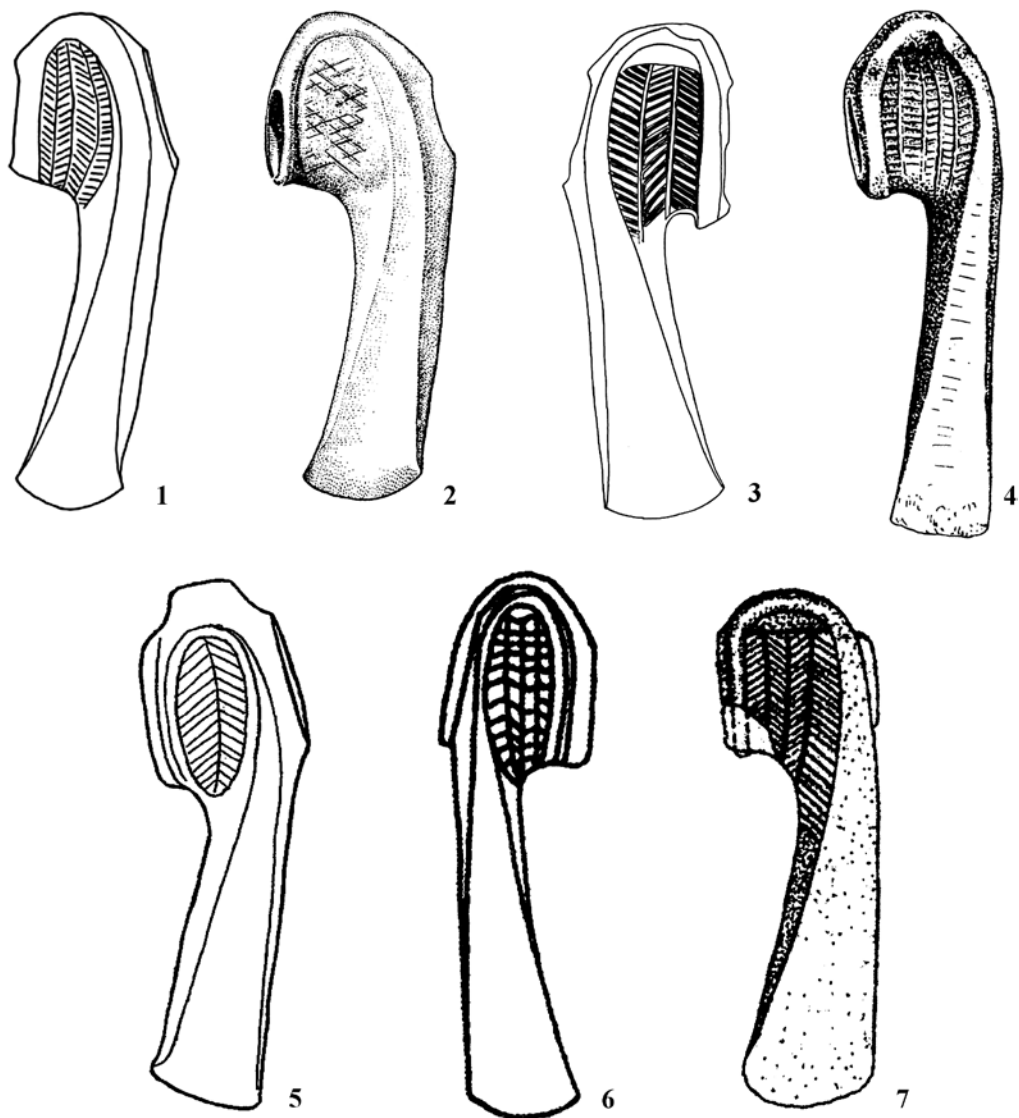

Рис. 5. Орнаментированные топоры андроновской культурной общности:
1 – Кутурга, Прииссыкулье (по: [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, рис. 5.-6]);
2 – Сокулукский клад, Чуйская долина (по: [Кузьмина, 1966, табл. II.-6]);
3 – Андреевский клад, Семиречье (по: [Джумабекова, Базарбаева, 2013, прил. 2.-1]);
4 – Новоалексеевский клад, Семиречье (по: [Акишев, Кушаев, 1963, рис. 84]);
5 – клад из Ага-Ерген (Агаэршэнь), Вост. Туркестан (по: [Kuzmina, 2008, fig. 52.-7]);
6 – Таченг (Чугучак), Вост. Туркестан (по: [Kuzmina, 2008, fig. 48.-7]);
7 – Мамонтово, Алтай (по: [Kuzmina, 2008, fig. 47.-12])

Две другие близкие параллели происходят из Семиречья: из Новоалексеевского и Андреевского кладов бронзовых изделий. Но эти два топора несколько отличаются от исыккульского по характеру орнамента. Так, топор из Новоалексеевского кла-

да имеет орнамент, образованный пятью полосами «елочки» [Акишев, Кушаев, 1963, с. 108, рис. 84] (рис. 5.-4), в то время как узор на экземпляре из Андреевского клада представлен всего тремя полосами «елочки», что несколько сближает последний топор с первым исыккульским [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 29; Джумабекова, Базарбаева, 2013, прил. 2.-1] (рис. 5.-3). Также стоит отметить, что у новоалексеевского топора линии двух первых полос «елочки» настолько слабо наклонены, что почти занимают прямое положение.

Другими территориально близкими аналогиями первому нашему топору – с «елочным» орнаментом – удалось отыскать в соседнем Восточном Туркестане (Синьцзяне). Так, один практически идентичный вислообушный топор найден в районе г. Таченг (Чугучак), расположенного южнее хребта Тарбагатай. Орнамент у этого топора практически одинаков с исыккульским [Mei, 2000, Fig. 2.24.-1; Kuzmina, 2008, fig. 48.-7] (рис. 5.-6).

Второй топор из Восточного Туркестана найден в составе клада бронзовых изделий в Ага-Ергене (Агаэршэне) в долине р. Текес (приток Или). Орнаментация у него несколько отлична и представляет собой только две широкие полосы «елочки» [Mei, 2000, Fig. 2.22.-1; Kuzmina, 2008, fig. 52.-7] (рис. 5.-5).

Третий регион, где были отмечены орнаментированные «елочным» узором вислообушные топоры, – это Алтай. Там отмечены две находки с аналогичным орнаментом на обухе. Первый топор найден в районе Змеиногорского рудника. Он имеет так же, как исыккульский экземпляр, четыре продольных полосы «елочки», а еще неполную пятую линию сбоку. Но в то же время первые две полосы орнамента оформлены прямыми поперечными короткими линиями, что делает его похожим на упоминавшийся выше топор из Новоалексеевского клада из Семиречья [Аванесова, 1991, рис. 13.-50].

Второй топор с территории Лесостепного Алтая в настоящее время хранится в краеведческом музее в с. Мамонтово. Он имеет очень сходный орнамент, одна из полос которого даже заходит на рабочую часть изделия [Kuzmina, 2008, fig. 47.-12]. Вероятнее всего, именно его упоминала Е.Е. Кузьмина [1966, с. 12] в своей работе как топор случайного происхождения из собрания Фролова (рис. 5.-7)*.

Итак, исходя из всех рассмотренных аналогий можно заключить, что к настоящему моменту вислообушные топоры с «елочным» орнаментом известны из трех районов: Притяньшанья / Семиречья, Восточного Туркестана (Синьцзяна) и Алтая, что, судя по всему, не является случайностью. По-видимому, они там же и производились, о чем свидетельствуют их концентрация в очерченном ареале и полное отсутствие в других провинциях андроновского культурного мира.

В то же время нельзя не отметить, что «елочный» орнамент на всех топорах не идентичен и имеет ряд вариаций, которые в основном выражаются в количестве полос с «елочкой» (может варьировать от трех до пяти). Также могут различаться продольное направление «елочных» полос и манера расположения коротких поперечных ли-

* Данное предположение автора не может быть принято, так как в собрании П.К. Фролова, хранящемся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), имеется орнаментированный вислообушный топор (колл. №1122/84), который отличается от изделия из Мамонтово (см. рис. 2.-5 в книге: Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул : Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 160 с. : ил.; в ней также опубликован еще один бронзовый топор, но без орнамента (рис. 7.-1)). – *Прим. гл. ред.*

ний орнамента, которые иногда прямые. Объяснить такую вариативность нельзя локальными различиями, потому что топоры с различными вариациями этого орнамента происходят из одних и тех же культурных областей.

Второй топор с орнаментацией в виде шести простых продольных линий не находит себе аналогий, что позволяет отнести его орнаментацию к единичной или малоизвестной на настоящий момент. Возможные дальнейшие находки прояснят ситуацию с этим типом орнамента. Но данный топор интересен тем, что дает нам информацию о существовании, помимо «елочной» и «сетчатой», еще и орнаментации в виде простых параллельных линий.

Третий топор с «сетчатым» типом орнаментации не менее интересен, потому как нам удалось отыскать аналогию рисунка только на топоре из Сокулукского клада бронзовых изделий [1966, с. 11–12, табл. II.-6] (рис. 5.-2). Единственным различием двух топоров является то, что на сокулукском экземпляре орнамент имеется на центральной части обуха, а на нашем – покрывает всю обуховую часть топора. На основе этих двух находок можно констатировать, что изделия с «сетчатым» орнаментом пока известны по очень малочисленной серии из Чуйской долины.

В целом территория их распространения не выходит за пределы ареала, где известны орнаментированные топоры. Территория очерчивается вполне отчетливо и охватывает Притяньшанье, Семиречье, Сынцзын и Алтай.

Стоит также отметить, что указанные выше типы орнаментации отмечены не только на вислообушных топорах, но и на других предметах эпохи бронзы. Так, рельефный «елочный» орнамент отмечен на рукояти бронзового ножа из клада бронзовых изделий из с. Садовое в Чуйской долине [Кибиров, Кожемяко, 1956, с. 43, рис. 10; Кузьмина, 1966, табл. X.-18] (рис. 6.-1), а «сетчатый» орнамент известен на предметах, представляющих собой втульчатые прямоугольные предметы, которые обычно определяются как части молотков. Он покрывает обе стороны подобных изделий, которые пока что известны из кладов из Садового [Кибиров, Кожемяко, 1956, с. 43–44, рис. 11] и Шамши [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 142–143, рис. 1.-27] (рис. 6.-2, 3).

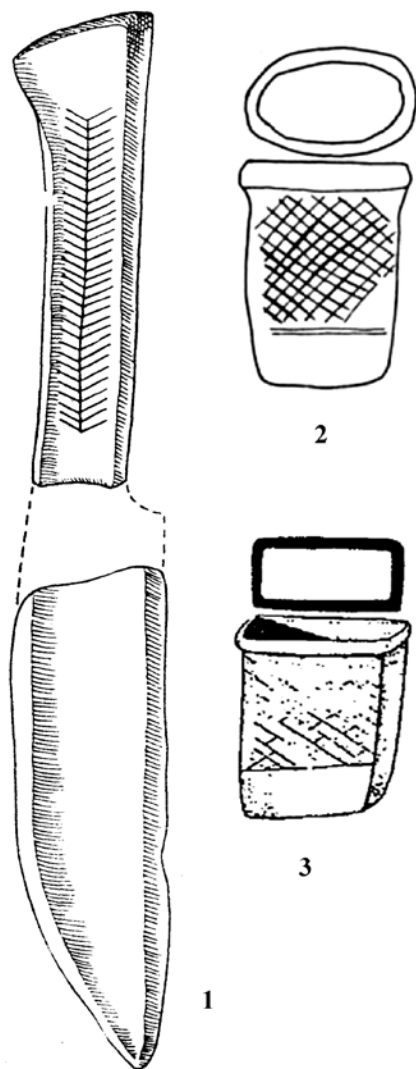

Рис. 6. Бронзовые предметы, имеющие аналогии в орнаментации: 1 – нож (по: [Кузьмина, 1966, табл. X.-18]); 2–3 – детали молотков (по: [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, рис. 2.-12; Kuzmina, 2008, fig. 55.-14])

На основании этих находок становится очевидным, что орнаментация могла покрывать не только вислобушные топоры, но и другие предметы эпохи бронзы, причем сами эти предметы хронологически одновременны топорам и известны на тех же территориях. Данный факт заставляет думать, что в ареале Притяньшанья / Семиречья, прилегающей части Восточного Туркестана и Алтая металлургические традиции развивались в едином контексте и на фоне интенсивных культурных контактов.

Однако можно наметить и некоторые отличия в культурных традициях. Так, если «елочный» орнамент известен на всей территории распространения орнаментированных топоров, то остальные два – пока только в регионе Притяньшанья / Семиречья. Это можно объяснить тем, что в пределах очерченного ареала орнаментированных бронзовых предметов выделяются два очага металлообработки – семиреченский и алтайский [Агапов, Дегтярева, Кузьминых, с. 55–57]. И если «елочный» орнамент известен на территории обоих металлургических очагов, то «сетчатый» и в виде параллельных линий – только в рамках семиреченского. Разница в распространении разных типов орнаментов в восточном ареале андроновской культурной общности, по-видимому, напрямую связана с очагами металлообработки. Поэтому такие типы орнаментации, как «сетчатый» и в виде параллельных линий, можно отнести к локальным особенностям именно Притяньшанья / Семиречья.

Но помимо культурной атрибуции вислобушных топоров из района Каракола нас интересует вопрос о времени их использования. Эта проблема тесно связана с вопросами хронологии всей группы вислобушных топоров, в том числе орнаментированных.

Как считает ряд исследователей, вислобушные топоры с гребнем появляются с середины II тыс. до н.э. и существуют до начала I тыс. до н.э. [Черников, 1960, с. 78, 98; Кузьмина, 1966, с. 13]. Ч. Мей также считает, что андроновские топоры в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в целом могут быть датированы в пределах 2-й половины II тыс. – начала I тыс. до н.э., хотя склонен отнести их к финальной бронзе. А.В. Бехтер и С.В. Хаврин [2002, с. 74–75] в целом поддержали его, датировав андроновские древности Восточного Туркестана финальным этапом эпохи бронзы. В свою очередь, Н.А. Аванесова [1991, с. 16], детально проанализировав значительные серии вислобушных топоров андроновской общности, не без оснований предложила для них дату в пределах XII–IX вв. до н.э., т.е. также в рамках поздней бронзы. Впрочем все рассмотренные нами топоры принадлежат к достаточно развитому типу вислобушных топоров (тип В2, по Н.А. Аванесовой), и на них не отмечены поздние морфологические признаки, такие как немассивные пропорции, слабая выраженность рельефного валика на обухе и др. Поэтому есть все основания отнести публикуемые изделия, по крайней мере, к XII–X вв. до н.э. [Аванесова, 1991, с. 15].

Видимо, в этих рамках можно в целом датировать рассмотренные нами орнаментированные вислобушные топоры. Эту датировку подтверждает и хронология кладов бронзовых изделий, в которых были найдены как орнаментированные топоры, так и другие предметы с декором. В целом подобные клады в Притяньшанье / Семиречье датируются XII–IX вв. до н.э. [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 150–153], что не противоречит предложенной выше дате для орнаментированных топоров.

Таким образом, к настоящему времени мы располагаем данными о существовании трех типов орнаментации на вислобушных топорах андроновского культурного круга в период поздней бронзы:

- «елочной»;
- «сетчатой»;
- в виде простых параллельных линий.

Последующие находки орнаментированных топоров могут существенно дополнить наши представления об особенностях декорирования таких изделий в эпоху бронзы, а также позволят проследить возможные истоки традиции нанесения орнаментации на вислообушные топоры и другие бронзовые предметы.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива // Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана. Самарканд : СамГУ, 1978. С. 21–62.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент : Фан, 1991. 200 с.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валяковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, Чита : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 73–78.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы, 2013. 120 с.
- Иванов С.С. Новые находки вислообушных топоров эпохи бронзы из Северного Кыргызстана // Материалы международной научно-практической конференции «VI Оразбаевские чтения» по теме «Проблема преемственности культур в археологии и этнологии», приуроченной к 80-летию КазНУ им. аль-Фараби, Алматы : Казак университети, 2014. С. 127–133.
- Кибиров А.К., Кожемяко П.Н. Новые памятники эпохи бронзы // Труды Института истории АН Киргизской ССР. 1956. Вып. 2. С. 37–46.
- Кожомбердиев И.К., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // Советская археология. 1980. №4. С. 140–152.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М. : Наука, 1966. 151 с. (САИ. Вып. 139).
- Самашев З.С., Григорьев Ф.П., Жумабекова Г.С. Древности Алматы. Алматы : Берел, 2005. 184 с.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л. : Наука, 1960. 284 с. (МИА, №88).
- Kuzmina E.E. The Prehistory of the Silk Road. Philadelphia: Pennsylvania press, 2008. 249 p.
- Mei J. Copper and bronze metallurgy in late prehistoric Xinjiang. Oxford: Archaeopress, 2000. 184 p.

S.S. Ivanov

THE NEW FINDS OF ORNAMENTAL SHAFT-HOLE AXES OF BRONZE AGE FROM KYRGYZSTAN

Recently there were found new occasional finds of shaft-hole axes in Kyrgyzstan, related to Bronze Age. The most interesting among them are three shaft-hole axes with ornamentation on socket. The both of these axes were found occasionally in area of Karakol-town in Issyk-Kul lake region and the third axe is occasional find from Chuy valley. The axes have massive form and typical lines of such type of Bronze Age tools. But the general detail of these shaft-hole axes is casted relief decoration. Each axe has its own type of ornamentation on first axe the ornament is shaped like fir-tree branch, on the second axe's socket decoration shaped like six parallel lines and the socket of third axe is decorated by crossed lines, looked like net. If first type of ornamentation has wide circle of analogies in Tien Shan region, Semirechie, Xingjian and Altay, the second one has not any known analogies in nearest regions. The third type of ornament has parallels only in Tien Shan region (Chuy valley). All decorated shaft-hole axes are related to Andronovo cultural antiquities. But in the same time chronology of decorated shaft-hole axes is not developed well. All decorated shaft-hole axes have characteristic features of the advanced type such tools, so they should be dated within 1200–1000 BC.

Keywords: Kyrgyzstan, Bronze Age, Andronovo culture, shaft-hole axes, ornamentation.

ИЗУЧЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ (историографический аспект)*

Статья посвящена анализу истории изучения погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии. Рассматриваются основные этапы полевых исследований, а также имеющийся опыт интерпретации полученных материалов. Начальный период исследования тюркских погребений в указанном регионе связан с деятельностью экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с монгольскими учеными в 1920-х гг. Следующий этап, начало которого относится к середине XX в., ознаменовался активными полевыми работами местных специалистов (Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджавы и др.), к тому времени накопивших необходимый опыт исследований и продолживших раскопки раннесредневековых комплексов самостоятельно, а также совместно с учеными из социалистических стран. С изменением политической ситуации в Монголии в 1990-х гг. изучение тюркских погребений проводили многочисленные экспедиции из стран ближнего и дальнего зарубежья. К настоящему времени в рассматриваемом регионе раскопано около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрок. Несмотря на незначительность этой цифры, накопленные материалы представляют собой важный источник для реконструкции истории и культуры кочевников.

Ключевые слова: Монголия, раннесредневековые тюрки, погребальные памятники, история исследований, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-09

На сегодняшний день в результате многолетних археологических работ на территории Монголии исследовано значительное количество памятников раннесредневековых тюрок, иллюстрирующих один из наиболее динамичных периодов истории региона. Однако большая часть этих объектов представляет собой «поминальные» сооружения – каменные оградки, изваяния, а также «каганские» мемориальные комплексы. Гораздо меньше информации о погребальных памятниках раннесредневековых тюрок на рассматриваемой территории. Увеличение интенсивности исследований в области археологии эпохи средневековья в различных районах Монголии в последние десятилетия позволяет надеяться на изменение обозначенной ситуации в положительную сторону. В связи с этим целесообразным является подведение итогов ранее проведенных работ. До сих пор в научной литературе представлялась лишь краткая история изучения погребальных памятников раннесредневековых тюрок на территории Монголии [Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 82–83; Худяков, Турбат, 1999, с. 82–84; Худяков, 2002, с. 150–152; Худяков, Лхагвасурэн 2002, с. 95–96; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Турбат, 2005; Худяков, Белинская, 2006, с. 497–498]. Актуальным остается обобщение имеющегося опыта и детализация результатов реализации основных направлений исследований.

Археологические памятники раннесредневековых тюрок известны специалистам с XVIII в. [Кызласов, 1969, с. 5–7; Войтов, 1996, с. 12; Худяков, 2004, с. 6]. Это были каменные изваяния, оградки и мемориалы знати. Долгое время информация о памятниках кочевников Алтае-Саянского региона и Монголии 2-й половины I тыс. н.э. исчерпыва-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

лась сведениями именно о таких объектах, что существенно ограничивало представления ученых о раннесредневековой археологии региона. Начиная с середины XIX в., после работ В.В. Радлова [1989, с. 448–449], появилась первая объективная информация о тюркских погребениях. Серия захоронений раннего средневековья в различных частях Алтае-Саянского региона была исследована в 1920-е гг. [Руденко, Глухов, 1927; Киселев, 1929, с. 154–156; Теплоухов, 1929, с. 55; Гаврилова, 1965, с. 6]. К этому же времени относятся первые раскопки тюркских погребений на территории Монголии.

Начало систематических археологических исследований в рассматриваемом регионе связано с деятельностью экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с монгольскими исследователями. Определенное значение имело создание в 1921 г. Ученого комитета МНР. В его составе был исторический кабинет, в круг обязанностей сотрудников которого входили поиск и регистрация памятников [Цэвээндорж и др., 2008, с. 17–18]. Именно в то время были проведены широкомасштабные исследования, позволившие получить огромный по значению материал по различным периодам древней и средневековой истории Монголии. Одними из наиболее результативных стали работы Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П.К. Козлова в горах Ноин-Ула. По мнению Т.И. Юсуповой [2006, с. 31; 2010, с. 27], сделанные в ходе этих раскопок открытия не только дали импульс к дальнейшему изучению историко-культурного наследия региона, но и стали одной из побудительных причин создания Монгольской комиссии Академии наук СССР, более 25 лет координировавшей работы советских ученых в Монголии.

Появление объективной информации о погребальном обряде раннесредневековых тюрков Монголии связано с экспедиционными работами, проведенными под руководством Г.И. Боровки в среднем течении р. Тола (Туул). Исследователь был командирован в Ургу (Улан-Батор) Академией наук СССР в сентябре 1924 г. по просьбе П.К. Козлова, которому требовались квалифицированные археологи для раскопок ноин-улинских могил [Юсупова, 2010, с. 45]. Г.И. Боровка вместе с С.А. Теплоуховым принял участие в изучении кургана №24 в Суцзуктэ, после чего в 1925 г. намеревался продолжить археологические работы на известном некрополе. Однако, следуя пожеланиям Ученого комитета Монголии, а также учитывая сильную увлажненность местности, в которой находился памятник, он отказался от первоначальных планов [Боровка, 1927, с. 43–44; Юсупова, 2010, с. 50].

Направлением работ Г.И. Боровки в 1925 г. стало «... систематическое обследование известного района Монголии с археологической точки зрения, с целью выяснения встречающихся в нем памятников древности» [Боровка, 1927, с. 44]. Долина р. Тола была выбрана исходя из того, что данная местность, по наблюдениям ученого, отличалась благоприятными условиями для проживания древнего населения и, кроме того, находилась неподалеку от базы экспедиции в Улан-Баторе. На протяжении намеченного маршрута Г.И. Боровкой зафиксированы 92 археологических объекта, несколько памятников было раскопано. Один из исследованных комплексов, расположенный в местности Наинтэ-суме около горного кряжа Хайрхан, судя по зафиксированным показателям обряда и характерному набору инвентаря, относится к культуре раннесредневековых тюрков.

Раскопанное погребение датировано Г.И. Боровкой [1927, с. 74] в рамках VI–VIII вв. н.э. и связано с эпохой «тюрков-огузов». Основанием для такого определения стал рассмотренный исследователем орнамент на фрагменте шелка, который археолог

сравнил с аналогичной находкой из тюркского погребения могильника Катанда-II, исследованного на Алтае. Обозначенный курган Наинтэ-суме находился рядом с группой херексуров, что позволило археологу отнести последние к этому же периоду. Впоследствии на довольно долгое время традиция датировки херексуров ранним средневековьем закрепилась, чему способствовала безынвентарность большинства таких объектов [Худяков, 1987, с. 137].

Отметим, что к раннему средневековью может относиться также другое погребение, исследованное Г.И. Боровкой в местности Наинтэ-суме. Под небольшой каменной насыпью зафиксировано полностью разграбленное захоронение человека в сопровождении лошади. Сохранившийся инвентарь включал глиняную вазу, а также фрагмент боковой ручки серебряного сосуда с окончанием в виде головы грифона [Боровка, 1927, с. 64–66].

В последующие два десятилетия археологические исследования на территории Монголии осуществлялись весьма спорадически. Ситуация изменилась только в 1940-е гг. К этому времени относится начало работ местного специалиста Х. Пэрлээ, который занимался созданием «Археологической картотеки Монгольской Народной Республики» [Цэвээндорж и др., 2008, с. 18]. Главным же фактором увеличения интенсивности полевых исследований в регионе вновь стали изыскания советских ученых. В 1948–1949 гг. на территории Монголии работала совместная Монгольская историко-этнографическая экспедиция Академии наук СССР и Комитета наук МНР под руководством С.В. Киселева и Х. Пэрлээ. Круг задач участников экспедиции и полученные масштабные результаты были связаны главным образом с раскопками средневековых монгольских городов [Киселев, 1957; Пэрлээ, 1957; Древнемонгольские города, 1965]. Вместе с тем исследовались и памятники других типов и хронологических периодов. Среди прочих объектов была раскопана серия погребальных комплексов раннего средневековья.

Публикация и обобщение этих материалов состоялись спустя почти десятилетие в специальной статье Л.А. Евтюховой [1957]. К этому времени исследовательница обладала серьезным опытом в области интерпретации памятников раннесредневековых кочевников, являясь автором таких крупных работ, как «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)» [1948], «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии» [1952]. Знание материалов позволило Л.А. Евтюховой весьма подробно охарактеризовать раскопанные погребения, рассмотреть сопроводительный инвентарь захоронений, а также определить датировку и этнокультурную принадлежность комплексов.

Среди опубликованных Л.А. Евтюховой погребений достоверно к культуре раннесредневековых тюрков может быть отнесено только одно, исследованное под насыпью кургана №3 могильника Джаргаланты. Остальные представленные ею объекты оказались сильно разграбленными, не содержали материалов, достаточных для их уверенной атрибуции, либо относились к более позднему времени, как, например, захоронение на некрополе Хушот-Худжиртэ. Л.А. Евтюхова [1957, с. 217] отметила, что в связи с почти полным отсутствием комплексов раннего средневековья на территории Монголии для корректной интерпретации памятников приходится обращаться к синхронным материалам из комплексов на сопредельных территориях, прежде всего в Алтае-Саянском регионе. Большое значение имел вывод Л.А. Евтюховой [1957, с. 224] о том, что курган №3 Джаргаланты, как и рассмотренное выше погребение

Наинтэ-суме, близок в культурном отношении к известным некрополям раннесредневековых тюрков VIII–IX вв., расположенным на Алтае. По мнению исследовательницы, эти памятники представляют собой захоронения представителей «аборигенного тюркского населения, в свое время, т.е. с VI в., пришедших в монгольские степи с Алтая и принесших с собой свой погребальный обряд».

В последующие годы немногочисленные, но не менее важные материалы, полученные в ходе исследований погребений раннесредневековых тюрков Монголии, привлекались специалистами довольно редко. В обобщающих работах, посвященных рассмотрению различных аспектов истории и археологии кочевников Центральной Азии, имеются лишь упоминания об этих памятниках. Безусловно, данное обстоятельство объяснялось главным образом малочисленностью раскопанных объектов. На этот факт указал еще А.Н. Бернштам [1946, с. 64], характеризуя состояние источниковой базы по истории Монголии в период «от гуннов до тюрков». Ограниченность имеющихся материалов отметил и С.В. Киселев [1949, с. 283], обратив внимание на несоответствие известных ему погребений раннесредневековых кочевников Монголии с описанием похорон номадов, приведенным в китайских летописях. А.А. Гаврилова [1965, с. 64] отнесла погребения из Наинтэ-суме и Джаргаланты к выделенному ею катандинскому типу могил (VII–VIII вв.), указав на ошибочность датировки, приведенной в статье Л.А. Евтуховой. Таким образом, в обобщающих работах середины XX в. известные тюркские захоронения Монголии практически не привлекались при разработке авторских концепций.

Вместе с тем именно к середине прошлого столетия относится начало следующего этапа в изучении раннесредневековой археологии Монголии. Он связан главным образом с работами местных специалистов, к тому времени накопивших необходимый опыт полевых работ и продолживших исследования памятников региона самостоятельно, а также совместно с учеными из социалистических стран [Цэвээндорж и др., 2008, с. 20]. Как и в предшествующие годы, раскопки погребальных комплексов раннего средневековья не входили в спектр основных задач археологов. При этом в ходе масштабных работ на памятниках Монголии различных хронологических периодов, реализованных экспедициями под руководством Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджава и других специалистов, была исследована и серия тюркских захоронений. То обстоятельство, что изучение большинства могил 2-й половины I тыс. н.э. являлось делом случая, а обработка полученных материалов осуществлялась далеко не в первую очередь, безусловно, оказало негативное влияние на качество публикации комплексов, зачастую вводимых в научный оборот лишь частично, а также на их интерпретацию. В то же время основная задача данного этапа полевых работ в Монголии – накопление материалов – выполнялась вполне успешно.

Активные исследования археологических комплексов на территории рассматриваемого региона в 1950-е гг. проводил Х. Пэрлээ. В числе объектов различных хронологических периодов им были раскопаны два погребения раннего средневековья. Захоронения, исследованные археологом в 1952 и 1957 гг. на памятниках Дэнслэгийн ам и Тогосийн овдгийн, оказались ограблены. Однако, судя по зафиксированным показателям обряда и сохранившимся предметам инвентаря, они могут быть отнесены к культуре тюрков. Материалы раскопок данных комплексов не опубликованы, их краткое описание приведено в монографии Н. Сэр-Оджава [1970, т. 25].

Серия объектов раннего средневековья в те же годы выявлена и раскопана другим монгольским специалистом Ц. Доржсурэном в ходе работ в Архангайском аймаке. Несмотря на то, что основным направлением его исследований было изучение памятников хуннского периода [Доржсурэн, 1961], археолог уделял большое внимание и комплексам 2-й половины I тыс. н.э. Так, Ц. Доржсурэн обнаружил и осуществил небольшие работы на ряде мемориальных объектов раннего средневековья [Кляшторный, Лившиц, 1971; Войтов, 1986, с. 120–123; 1996, с. 18]. В 1956 г. археолог, проводя раскопки на крупном некрополе хуннского периода Гол Мод, раскопал курган тюркского времени, расположенный в составе могильника. К сожалению, описания полученных материалов Ц. Доржсурэн не опубликовал. Находки из погребения представлены в его совместной статье с венгерским исследователем И. Эрдели и монгольским археологом Д. Наваном [1967, fig. 32]. В том же году Ц. Доржсурэн раскопал еще один объект раннего средневековья, сооруженный, судя по краткому описанию, в насыпи херексура. Весьма интересные находки, обнаруженные под каменными плитами, частично опубликованы в отдельной статье исследователя [Dorjsuren, 1967].

Ц. Доржсурэн сыграл важную роль в работах совместной Монголо-Венгерской экспедиции, проводившихся в 1960-е гг. Основным отличием этих исследований стало то, что впервые раскопки комплексов тюркского периода являлись главной задачей полевых исследований. По мнению венгерского археолога И. Эрдели, изучение ранне-средневековых памятников Монголии могло способствовать решению дискуссионной проблемы азиатского происхождения авар. Накопление новых сведений о погребениях тюркского периода должно было дать основу для сравнения с материалами Венгрии [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, p. 347; Erdelyi, 2000, p. 14–15].

Работы экспедиции были сосредоточены главным образом в Архангайском аймаке, в 1956–1957 гг. обследованном Ц. Доржсурэном [1958]. Первое тюркское захоронение удалось обнаружить и раскопать только на третий год исследований (1963 г.). Проводившиеся до этого работы давали материалы более раннего времени (хуннского периода). Подробное описание частично ограбленного погребения человека с двумя лошадьми, исследованного в местности Хана, а также предметный комплекс памятника опубликованы спустя десятилетие в венгерском сборнике [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, p. 348, 352, 356; fig. 33–37]. Кроме того, в отдельных статьях представлены результаты анализа остеологических материалов из могилы [Bokonyi, 1967] и опыт изучения шелковых изделий, обнаруженных в захоронении [Endrei, 1967].

В том же 1963 г. участниками Монголо-Венгерской экспедиции раскопан еще один объект раннего средневековья. Одиночный курган находился в отдалении от основной массы объектов некрополя Наймаа-Толгой, относившихся к хунускому времени. Судя по описанию, представленному в статье [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, p. 356–358, fig. 40–42], курган не содержал погребения и, вероятно, представлял собой кенотаф либо комплекс ритуального характера. В опубликованной позже монографии И. Эрдели (2000, p. 66) привел результаты радиоуглеродного анализа материалов из данного объекта – 540 ± 100 лет, однако обнаруженные находки указывают на более позднюю датировку памятника.

Исследование археологических комплексов раннесредневековых тюрков Монголии было одним из направлений работ Н. Сэр-Оджава. Изучение мемориальных памятников знати он проводил начиная с 1950-х гг. Так, серьезные результаты полу-

чены им в ходе совместных работ с чешским ученым Л. Йислом на комплексе Культегина (Хошо-Цайдам-II) [Войтов, 1985, с. 126]. В 1965 г. неподалеку от этого объекта Н. Сэр-Оджав раскопал частично ограбленное погребение человека в сопровождении двух лошадей и с показательным инвентарем. Материалы этого захоронения, наряду с другими известными на тот момент объектами, представлены исследователем в монографии, посвященной обобщению сведений по археологии раннесредневековых тюрок Монголии [Сэр-Оджав, 1970]. Один из разделов книги включает описание погребений 2-й половины I тыс. н.э. Следуя сложившейся историографической традиции, Н. Сэр-Оджав [1970, т. 23–28] объединил захоронения раннесредневековых тюрок в одну группу с херексурами. Опыт изучения раннесредневековых комплексов Монголии получил отражение в докторской диссертации исследователя [Сэр-Оджав, 1971, с. 16–22], а также в подготовленной позже монографии [Сэр-Оджав, 1977, т. 112–144]. При этом следует отметить, что Н. Сэр-Оджав не рассматривал погребальные комплексы как основной источник для исследования истории и культуры тюрок, отдавая приоритет письменным материалам, а также результатам раскопок мемориальных памятников элиты кочевников.

Начало следующего этапа в исследовании археологических комплексов на территории Монголии, в том числе памятников раннего средневековья, связано с началом работ совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН Монголии (СМИКЭ). В период с 1969 по 1989 г. было выявлено и раскопано огромное количество объектов различных хронологических периодов [Окладников, Волков, 1972; Цэвээндорж и др., 2008, с. 21–23]. Несмотря на значительные масштабы исследований, за время работы экспедиции исследовано только одно погребение археологической культуры раннесредневековых тюрок. Ограбленное захоронение человека с двумя лошадьми было раскопано в 1983 г. одним из отрядов СМИКЭ под руководством Д. Навана в местности Увгунт Булганского аймака. Памятник сразу привлек повышенное внимание ученых редкостью сохранившихся предметов инвентаря, из которых особенно выделялся золотой брактеат с изображением византийского императора и рунической надписью. По итогам анализа находок монгольскими исследователями подготовлена отдельная монография [Наван, Сумьябаатар, 1987]. Авторы отнесли погребение к хуннускому времени, сославшись на полученные результаты радиоуглеродного датирования фрагментов дерева из могилы. Ошибочной оказалась и интерпретация надписи на брактеате, которую монгольские ученые посчитали памятником «языка хуннов» [Наван, Сумьябаатар, 1987, т. 127].

Позже яркая находка была передана Д. Наваном известному тюркологу С.Г. Кляшторному, который совместно с коллегами подготовил обстоятельную статью, посвященную разностороннему анализу Увгунтского комплекса [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990]. По заключению исследователей, погребение относится к культуре раннесредневековых тюрок, а датировка его, учитывая хронологические рамки бытования обнаруженных предметов, а также предположительное время изготовления брактеата с византийской монеты, может быть определена в пределах VIII–IX вв. н.э. [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990].

Итак, к середине 1980-х гг. на территории Монголии была исследована довольно представительная серия захоронений раннесредневековых тюрок, позволявшая рассматривать различные аспекты культуры кочевников. Однако все без исключения по-

гребения находились в центральной или северной части страны. Западная Монголия в значительной степени оставалась «белым пятном», причем эта характеристика была справедливой не только по отношению к археологическим комплексам раннего средневековья. Первые тюркские погребения в этой части страны исследованы только во 2-й половине 1980-х гг. В 1987 г. в местности Загал (Монгольский Алтай) было раскопано захоронение человека с двумя лошадьми. Исследования проводились Х. Лхагвасурэн, работавшим в составе отряда по изучению памятников бронзового и раннего железного веков Института истории АН Монголии под руководством Д. Навана. Краткое описание памятника, а также предметный комплекс из могилы опубликованы в совместной статье Ю.С. Худякова и автора раскопок [Худяков, Лхагвасурэн, 2002].

В том же году в Северо-Западной Монголии исследовано еще одно погребение раннего средневековья, находившееся в составе разновременного могильника Цаган-Хайрхан-Уул. Работы на памятнике проводились одним из отрядов Биосферной комплексной экспедиции под руководством Ю.С. Худякова. Результаты исследований опубликованы им и Д. Цэвэндоржем спустя десятилетие [Худяков, Цэвэндорж, 1997, 1999]. Этими же авторами введен в научный оборот комплекс предметов, предположительно происходивших из разрушенного раннесредневекового погребения в долине р. Аргаан-гол (Хубсугульский аймак) и обнаруженных местным жителем еще в 1961 г. [Худяков, Цэвэндорж, 1986].

Следует отметить, что после монографии Н. Сэр-Оджавы долгое время обобщающих работ по погребальным памятникам раннесредневековых тюрков Монголии не предпринималось. Значительно большее внимание исследователей привлекали мемориальные комплексы знати кочевников [Войтов, 1989]. Материалы раскопок захоронений тюрков использовались лишь для иллюстрации отдельных выводов и замечаний археологов. К примеру, некоторые наблюдения о специфике погребальных комплексов раннего средневековья на территории Монголии представлены в статье Д. Цэвэндоржа [1985, с. 83], посвященной публикации памятников хуннского периода. Исследователь, опираясь на материалы ряда известных ему захоронений 2-й половины I тыс. н.э., подчеркнул существенные отличия в погребальной обрядности хунну и тюрков, отметив сходство только в устройстве курганный насыпи.

Изменение политической ситуации в Монголии в начале 1990-х гг. серьезным образом отразилось на проводимых археологических исследованиях. С этого времени в стране работают многочисленные экспедиции ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья – Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Казахстана, Кореи, США, Турции, Франции, Японии и др. Эти исследования, осуществляемые с применением современных методик, не только позволили получить и ввести в научный оборот значительный объем материалов, но также послужили важным стимулом для развития археологической науки в Монголии в целом. Результатом работ совместных экспедиций монгольских ученых и зарубежных специалистов стали исследованные памятники различных хронологических периодов, в том числе серия погребений раннесредневековых тюрков.

В 1993 г. в ходе работ Монголо-Корейской экспедиции в горах Баруун Хайрхан раскопано непо потревоженное одиночное погребение человека без лошади. В могиле обнаружен весьма информативный сопроводительный инвентарь, позволяющий отнести комплекс к концу IV – VI в. н.э. Схожую дату (в рамках VI в.) дал проведенный радио-

углеродный анализ [Цэвээндорж и др., 2008, с. 176]. Судя по полученным материалам, погребение может относиться к предтюрокскому или раннетюрокскому времени и, очевидно, связано с носителями других культурных традиций, близких к кочевникам Забайкалья.

В 1994–2000 гг. участниками Монголо-Французской экспедиции под руководством Д. Эрдэнэбаатара и Г. Жискара осуществлялись исследования в долине р. Эгин-гол в Булганском аймаке. Основная часть раскопанных объектов относилась к хуннускому периоду, а также к монгольскому времени. Пять захоронений раннесредневековых тюрок исследованы на комплексах Бурхан-толгой (впускные погребения в насыпях курганов №25 и 60), Моностын-хотол (одиночный курган), Мухдагийн ам (курган №8), Элст Хутул (курган №5). Материалы раскопок опубликованы в ряде статей [Турбат, 1998; Худяков, Турбат, 1999; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004], а также в монографии монгольских археологов [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003].

Два объекта археологической культуры раннесредневековых тюрок раскопаны в 2005 г. в ходе работ Монголо-Итальянской археологической экспедиции в местности Тарималт (Уверхангайский аймак). Под насыпями курганов №1 и 2 исследованы одиночное захоронение и погребение человека с лошастью, включавшие довольно представительный инвентарь. Материалы раскопок опубликованы лишь частично [Гунчинсүрэн и др., 2005].

В 1990–2000-х гг. на рассматриваемой территории продолжались исследования российских археологов, традиционно осуществлявших активные изыскания в Монголии. В 2007 г. в ходе исследований Российско-Монголо-Корейской экспедиции на памятнике Хар-Ямаатын-гол (Баян-Ульгийский аймак) были получены показательные материалы, позволившие пополнить серию весьма немногочисленных погребений раннесредневековых тюрок в западной части страны. Комплекс, включавший женское захоронение (курган №8), «ритуальный» курган (№10), а также расположенное неподалеку поминальное сооружение с изваянием, опубликован на русском, английском и монгольском языках [Кубарев и др., 2007; Кубарев, Гилсу, Цэвээндорж, 2008; Цэвэндорж и др., 2008; Kubarev, Gilsu, Tseveendorzh, 2009]. В статьях авторы раскопок подчеркнули крайне слабую степень изученности погребений раннесредневековых кочевников на территории Монголии и указали на то, что, по их сведениям, в этом регионе исследовано всего около десяти курганов тюрок 2-й половины I тыс. н.э. [Кубарев, Гилсу, Цэвээндорж, 2008, с. 108].

Наряду с исследованиями, осуществляемыми совместно с зарубежными учеными, монгольские археологи проводят и самостоятельные работы в разных частях страны. В 2006 г. экспедицией Монгольского национального университета под руководством Ш. Уранчимэг и С. Олзийбаяра раскапывался некрополь Угемур, основную часть которого составляли захоронения хуннуского времени. В ходе работ на самом малом кургане №2, который археологи изначально приняли за детское погребение того же периода, исследована непо потревоженная могила раннего средневековья [Олзийбаяр, 2007, т. 26–31]. Захоронение пожилого мужчины с лошастью автор публикации связал с уйгурами, основываясь на находке части орнаментированного сосуда. Кроме того, С. Олзийбаяр [2007, т. 31] предположил возможную этническую связь уйгуров с хунну, на что, по его мнению, указывает внешнее сходство курганных насыпей, а также совершение погребений на одном некрополе.

Другим научным центром, осуществляющим археологические исследования, является Монгольский национальный исторический музей. В 2007 г. экспедицией музея раскопаны три кургана на могильнике Овор Хавцал (Архангайский аймак). Основную часть некрополя составляют расположенные компактно объекты хуннуского времени. К юго-востоку, на небольшом отдалении, был зафиксирован еще один курган (самый небольшой по размеру), в ходе раскопок которого исследовано погребение человека с лошастью и инвентарем, характерным для раннего средневековья [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, т. 125–132]. Авторы публикации отметили, что к настоящему времени на территории Монголии раскопано более 20 тюркских захоронений [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, т. 127].

Начиная с 2000-х гг. в научный оборот введена серия скальных погребений раннего средневековья, обнаруженных на территории Монголии и предположительно связанных с тюркской культурой. Три таких объекта исследованы в Байнхонгорском аймаке в 2001 и 2004 гг. [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Хурэлсух, 2008]. Информация об известных скальных захоронениях Монголии была обобщена в специальной статье С. Хурэлсуха [2008]. По наблюдениям археолога, такие погребения сооружались главным образом в эпоху средневековья и характеризуются наличием общих черт в обрядовой практике.

Еще одно скальное погребение тюркского времени, давшее весьма показательный материал, исследовано в 2008 г. на правом склоне горы Жаргалант Хайрхан в Западной Монголии. Наиболее яркой находкой, обнаруженной в ходе изучения захоронения, стал деревянный музыкальный инструмент с рунической надписью. Проведенный AMS-анализ образцов дерева от седла позволил получить дату 770–880 гг. н.э. Несмотря на уже значительное количество публикаций, посвященных анализу данного комплекса [Турбат и др., 2008; Törbat at all., 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010], материалы раскопок опубликованы лишь частично. Нет сомнений, что скальных погребений на территории Монголии значительно больше, однако исследование таких объектов осложнено трудностью обнаружения, а также оgrabленностью памятников в значительном количестве случаев.

Полученные к началу 2000-х гг. материалы раскопок погребений раннесредневековых тюрок Монголии потребовали обобщения и интерпретации. Несмотря на отсутствие развернутых публикаций в указанном направлении, в ряде работ российских и монгольских археологов представлен опыт систематизации комплексов. Характеристика захоронений тюркской культуры, раскопанных на территории Монголии, представлена в ряде статей Ю.С. Худякова. При участии исследователя раскопано и опубликовано несколько объектов, что позволило ему привести развернутую интерпретацию исследованных памятников. По мнению Ю.С. Худякова [2002, с. 153], большинство погребений раннесредневековых тюрок (автор учел, судя по приведенным описаниям, восемь могил) относятся к VIII–X вв., и лишь единичные захоронения датируются более ранним временем. Археолог отметил, что обрядность кочевников Монголии отличается значительной вариативностью [Худяков, Белинская, 2006, с. 154]. Предложенная Ю.С. Худяковым датировка памятников кочевников рассматриваемой общности поддержана Д.Г. Савиновым [2005, с. 221–225], который подчеркнул, что именно в VIII–IX вв. погребения с лошастью тяготеют к южным районам Саяно-Алтайского нагорья и получают распространение на территории Монголии [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 226].

Итоги изучения погребений раннесредневековых тюрок Монголии представлены в одной из статей Ц. Турбата [2005]. Монгольский археолог привел краткую историю исследования памятников, указав на то, что к концу 1990-х гг. в разных частях страны было раскопано всего 18 захоронений рассматриваемой общности номадов [Турбат, 2005, т. 99]. По мнению Ц. Турбата [2005, т. 97], тюркские погребения демонстрируют значительное количество схожих характеристик с комплексами пазырыкской, кокзельской и таштыкской культур, известными главным образом по материалам Алтае-Саянского региона.

Результаты археологических исследований нашли отражение в учебно-методической литературе. В частности, в пособии «Археология Монголии» [Цзвэндорж и др., 2008, с. 175–176] представлена общая характеристика погребений раннесредневековых тюрок. Авторы издания указали на то, что захоронения кочевников раскопаны в различных частях страны и представили описание трех памятников.

Отдельные находки из погребений раннесредневековых тюрок Монголии рассматривались в публикациях различных исследователей. Обстоятельный анализ золотой бляхи из комплекса Увгунт представлен в специальной статье П.П. Азбелева [2007]. По мнению археолога, данная находка, а также брактеат с византийской монеты из рассматриваемого погребения демонстрируют западные связи центрально-азиатских кочевников уйгурского времени. Некоторые группы предметов вооружения из захоронений кочевников Монголии учитывались в публикациях В.В. Горбунова [2004, 2012]. Импортные изделия из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок данного региона (зеркала, монеты, фрагменты шелка), наряду с находками из памятников на сопредельных территориях, рассмотрены в совместной статье А.А. Тишкина и автора настоящей статьи [2013]. Кроме того, в ряде публикаций представлен опыт предварительного обобщения материалов раскопок некрополей Монголии 2-й половины I тыс. н.э., в том числе их корреляция с памятниками Алтае-Саянской горной страны [Серегин, 2011а–б].

Нет сомнений, что исследование раннесредневековых погребений в Монголии имеет значительные перспективы. Это демонстрируют работы последних лет на «элитных» комплексах, позволившие получить действительно сенсационные результаты. В 2009 и 2011 гг. в Центральной Монголии были исследованы памятники Шороон Дов [Данилов и др., 2010; Бураев, 2012] и Шороон Бумбагар [Алтынбеков, 2011; Очир и др., 2013], сходные по ряду признаков. Судя по полученным материалам, комплексы относятся к слабоизученному периоду зависимости раннесредневековых тюрок от Китая (630–679 гг.). На это указывают характерные конструкции объектов, предварительные результаты анализа китайской надписи [Данилов и др., 2010, с. 256], а также время бытования отдельных категорий предметного комплекса.

Можно понять стремление отдельных казахстанских исследователей, принимавших активное участие в изучении памятника Шороон Бумбагар, подчеркнуть тюркскую принадлежность мавзолея и найти черты, подтверждающие минимальное влияние извне на культуру кочевников [Сарткожаулы, 2011, с. 285–287]. Однако для такой позиции нет объективных оснований. Скорее, наоборот, материалы раскопок рассмотренных комплексов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и, по сути, являются китайскими. Конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций

элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар [Очир и др., 2013, зураг 58].

К настоящему времени в Монголии раскопано около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрок. Несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона, накопленные материалы представляют собой важный источник для реконструкции истории и культуры центральноазиатских номадов. Актуальной задачей является системное обобщение результатов раскопок, а также последовательная интерпретация памятников. Кроме того, необходимо признать, что большая часть рассмотренных выше комплексов раннесредневековых тюрок, опубликованных на монгольском языке, остается неизвестной многим российским исследователям, занимающимся изучением различных аспектов истории кочевников. Поэтому большое значение имеет качественное введение этих материалов в научный оборот, что будет способствовать решению дискуссионных вопросов раннесредневековой археологии Центральной Азии.

Библиографический список

Азбелев П.П. Вещь, отражающая эпоху (об историко-культурном контексте Увгунтского комплекса) // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск ; Эдмонтон : Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 126–129.

Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 288–294.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII ввек. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ ; Иркутск : Отгиск, 2012. С. 296–303.

Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 114–136.

Войтов В.Е. Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // *Mongolica*. М. : Наука, 1986. С. 118–136.

Войтов В.Е. Культурно-поминальные сооружения VI–VIII вв. на территории Монголии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культурно-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Вып. 12. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. С. 95–114.

Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 119–124.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.

- Доржсүрэн Ц. 1956–1957 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн. Улаанбаатар, 1958. 22 с.
- Доржсүрэн Ц. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961. 112 т.
- Древнемонгольские города. М. : Наука, 1965. 367 с.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : Хакасский НИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120. (МИА. №24).
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. №2. С. 207–217.
- Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).
- Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. №2. С. 91–101.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X. С. 121–146.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской монетике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1990. Вып. 16. С. 5–16.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Монголоос олдсон алтан брактат тов азийн гоел чимэглэлийн урлаг дахь византийн угуулэмж // Археологийн суудлал. 1999. Т. XIX. Т. 150–160.
- Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.
- Кубарев Г.В., Гилсу Со, Цэвээндорж Д. Исследование древнетюркских памятников Монгольского Алтая // Культура кочевников Центральной Азии. Самарканд : МИЦАИ, 2008. С. 108–112.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухал дурсгал. Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1987. 155 т.
- Окладников А.П., Волков В.В. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // Вестник АН СССР. 1972. №9. С. 70–80.
- Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 290 с.
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. 1957. №3. С. 43–53.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.
- Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 283–287.
- Серегин Н.Н. Опыт сравнительного анализа погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2011а. С. 468–475.
- Серегин Н.Н. Проблемы и перспективы изучения погребальных комплексов тюркской культуры Монголии // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011б. С. 94–99.
- Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгууд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. 115 т.
- Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.) : автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1971. 27 с.

Сэр-Оджав Н. Монголын эртний туух (Археологийн найруулал). Улунбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1977. 178 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1(7). С. 49–72.

Турбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн судлал. 1998. Т. XVIII. Т. 130–134.

Турбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал (К вопросу о тюркских рядовых курганах) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 136–162.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 150–160.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрок на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 497–500.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. №8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн судлал. 1986. Т. XI. Т. 98–102.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Убсу-Нурской котловине // Археологийн судлал. 1997. Т. XVII. Т. 88–97.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–90.

Хурэлсүх С. Монгол нутаг дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 51–87.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2004. С. 175–181.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб. : Нестор–История, 2006. 280 с.

Юсупова Т.И. Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. №4. С. 26–67.

Bokonyi S. Horse Skeletons from the Cemetery at Hana // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 413–422.

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 429–430.

Endrei W. Gy. Silk Fabrics of Grave I at Hana // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 423–428.

Erdelyi I. Archaeological expeditions in Mongolia. Budapest: Mundus Hungarian University Press, 2000. 262 p.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 335–370.

Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on Ancient Turkic Monuments in the Valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 427–436.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

N.N. Seregin

**STUDYING AND INTERPRETATION OF BURIAL COMPLEXES
OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN MONGOLIA
(historiographic aspect)**

Article is devoted to the analysis of history of studying of burial complexes of early medieval Turks in the territory of Mongolia. The main stages of field researches, and also available experience of interpretation of the received materials are considered. The initial stage of research of Turkic burials in the region is connected with activity of the expeditions organized by Academy of Sciences of the USSR together with the Mongolian researchers in the 1920th. The following stage, which beginning belongs to the middle of the XX century, was marked by active field works of local researchers (H. Perlee, Ts. Dorzsurena, N. Ser-Odzhava, etc.) who have had necessary experience by this time and have continued excavation independently, and also together with scientists from the socialist countries. With change of a political situation in Mongolia in the 1990th numerous expeditions from the countries of the near and far abroad started carrying out studying of Turkic burials. So far about 30 objects, with different degree of reliability relating to burial complexes of early medieval Turks are dug out in the considered region. Despite insignificance of this figure, the saved-up materials represent an important source for reconstruction of nomad's history and culture.

Keywords: Mongolia, early medieval Turkic peoples, burial sites, history of researches, interpretation.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.53(571.15)

А.А. Тишкин¹, В.В. Зайков², П.В. Хворов², Е.В. Зайкова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт минералогии УрО РАН, Миасс, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ЧАСТИ ЗОЛОТЫХ НАХОДОК ИЗ КУРГАНА №4 ПАМЯТНИКА БУГРЫ (северо-западные предгорья Алтая)

Археологический комплекс Бугры, состоящий из пяти крупных курганов, располагается на территории северо-западных предгорий Алтая в Рубцовском районе Алтайского края. Объект №4 на протяжении нескольких лет исследовался Юго-Западной экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов публикуемой статьи. Расположение могил под курганной насыпью, погребальный обряд и конструктивные особенности зафиксированных внутри-могильных сооружений демонстрируют особенности памятников, которые исследователи относят к каменной археологической культуре. Полностью раскопанный курган может быть датирован последней третью I тысячелетия до н.э. Среди многочисленного материала, ныне хранящегося в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), существенное количество составляют золотые изделия или фрагменты от них. Имеются бляхи-нашивки и рифленые пронизи из фольги, украшавшие одежду погребенной женщины (?), мумифицированная часть тела которой обнаружена в «дромосе». По некоторым таким предметам сделаны 72 заключения, направленные на выяснение состава желтого металла. Такие результаты получены благодаря использованию двух приборов, позволивших осуществить рентгенофлуоресцентный анализ и рентгеноспектральный микроанализ. Исходя из них выделены три группы составов, позволяющие рассматривать возможные источники месторождений золота.

Ключевые слова: северо-западные предгорья, памятник Бугры, курган, раскопки, находки из золота, рентгенофлуоресцентный анализ, химический состав.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-10

Начальные сведения о крупных курганах («буграх») на юге Западной Сибири известны по архивным материалам, а также отражены в публикациях дореволюционных исследователей и путешественников. Некоторым из таких сооружений местные жители давали собственные наименования. Барнаульским краеведом С.И. Гуляевым в свое время была описана группа искусственных земляных насыпей, которая имела обозначение «Злыдари» и располагалась рядом с предгорьями Алтая [Тишкин, Тишкина, 2009; Тишкина, 2010, с. 28]. Ныне этот объект соотносится с известным памятником Бугры [Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 152; Тишкин, Тишкина, 2009]. Указанный археологический комплекс, находящийся на водоразделе возле одноименной деревни в Рубцовском районе Алтайского края (рис. 1) и состоящий из пяти больших курганов, целенаправленно стал изучаться сотрудниками Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и Алтайского государственного университета (г. Барнаул) с 2006 г. [Тишкин Чугунов, Чемякина и др., 2007; Тишкин, Чугунов, 2008; Тишкин, 2012; и др.]. В географическом плане территория памятника относится к Алейской степи, которая в данном месте примыкает к северо-западным отрогам Алтая, где известна серия рудных месторождений.

В 2007 г. археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов данной статьи начаты раскопки кургана №4. Диаметр сохранившейся к тому времени земляной насыпи составлял около 60 м, а вы-

Рис. 1. Месторасположение памятника Бугры

сота – почти 3 м. С помощью GPS-навигатора зафиксированы следующие географические координаты объекта: N – 51° 18.476'; E – 081° 25.276'.

До начала раскопок на указанном кургане производились геофизические изыскания [Тишкин Чугунов, Чемякина и др., 2007]. Полученная магнитограмма показала, что под насыпью (в центре) находится большая могильная яма, а вокруг нее располагаются другие аналогичные сооружения меньших размеров. Подобная ситуация отражала погребальный комплекс, характерный для каменной археологической культуры скифо-сарматского времени, памятники которой исследованы на территории Верхнего Приобья [Могильников, 1997; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.]. Полностью реализованные раскопки подтвердили данное предположение. Одной из особенностей оказалось отсутствие рва вокруг зафиксированных могил, что не совсем обычно для

Рис. 2 (фото). Бугры. Курган №4.
Находки из могилы-3

Рис. 3 (фото). Бугры. Курган №4.
Золотая фольга, покрывавшая бляхи-нашивки
разной конфигурации. Могила-4

крупных объектов. Следует отметить тотальное ограбление всех древних погребений кургана №4 из-за наличия в них ценностей, среди которых отдельное место занимали изделия из благородных металлов.

Данная статья является продолжением ранее начатых работ по изучению состава золотых находок, обнаруженных при археологических раскопках древних захоронений Алтая [Тишкин, Хаврин, 2008; Тишкин, 2011; Тишкин, Зайков, Хворов и др., 2013; и др.]. Прежде чем представить результаты очередных анализов, необходимо кратко продемонстрировать специфику и обстоятельства фиксации изделий, обнаруженных в кургане №4 памятника Бугры.

На начальной стадии раскопок выяснилось, что от юго-восточного края насыпи к центральному захоронению вел подземный ход, вырытый, по всей видимости, еще в древности. От него с двух сторон находились могилы, получившие обозначение 3 и 4, а немного дальше по кругу располагались еще два аналогичных объекта (могила-2 – к востоку и могила-5 – к западу). В них обнаружен комплекс золотых и других вещей (рис. 2–6; все публикуемые в статье фотоснимки выполнены А.А. Тишкиным). Среди зафиксированных предметов преобладали детали, связанные с украшением костюма. Многочисленными находками оказались различные бляхи-нашивки, покрытые золотой фольгой, а также витые тонкие полосы из того же драгоценного металла (рис. 5), которые, по всей видимости, использовались в качестве обкладки кожаных нитей или шнурков. Стоит отметить, что часть указанных предметов была выявлена в норах сусликов.

Эти животные растащили фрагменты одежды погребенных для сооружения своих гнезд.

Значительное число украшений с использованием золотой фольги обнаружено на дне уже упомянутого «дромоса», который представлял собой устроенный в материке длинный и довольно высокий коридор, имевший на момент раскопок участки с пустотой. Среди найденных предметов отметим деревянные и железные изделия, а также фрагменты китайского лака и другие важные археологические свидетельства. Найденный кусок сильно корродированного металла в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа обследовался с помощью рентгена. Оказалось, что под слоем окислов железа имеется инкрустация золотыми фигурными пластинами, которые затем были выявлены в ходе реставрации [Тишкин, 2012, рис. 3.-142–143].

В подземном коридоре зафиксирована мумифицированная часть тела женщины (?), которую грабители вытащили из центральной могилы-1. Рядом располагался крупный фрагмент сохранившейся одежды из кожи и меха [Тишкин, 2009].

В реставрационной лаборатории Государственного Эрмитажа его удалось очистить от грунта и разных загрязнений. Впервые публикуемый фрагмент верхней плечевой одежды был украшен своеобразными бляхами-нашивками, расположенными вплотную друг к другу (рис. 7). Основа изделия изготовлялась из меди или бронзы,

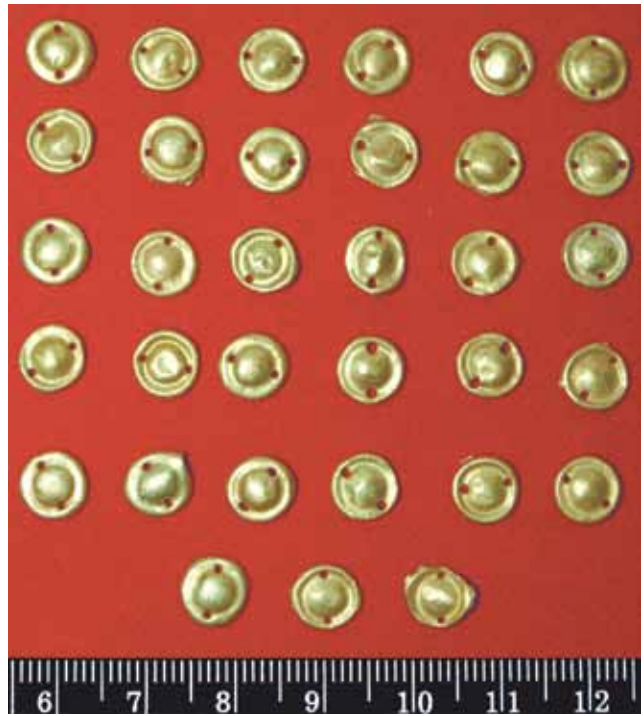

Рис. 4 (фото). Бугры. Однотипные золотые бляхи-нашивки из кургана №4

Рис. 5 (фото). Бугры. Курган №4. Скрученные полосы из золотой фольги

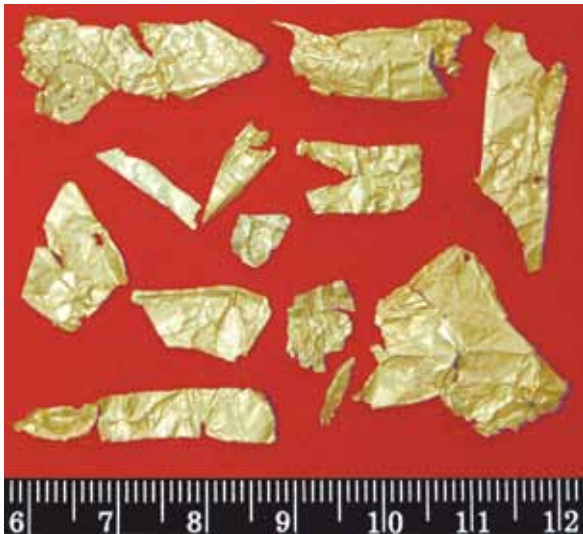

Рис. 6 (фото). Бугры. Крупные фрагменты золотой фольги из кургана №4

Рис. 7 (фото). Бугры. Курган №4.
Часть верхней плечевой одежды из «дромоса»
в процессе реставрационных работ

а потом сверху покрывалась золотой фольгой. Полученная комбинация и плотная компоновка придавали одежде привлекательный внешний вид. Следует отметить то, что отдельные ее детали декорировались кусочками окрашенного меха (рис. 7).

В могиле-6, где был погребен молодой мужчина, обнаружен комплекс предметов из благородных металлов (рис. 8). Среди фрагментов китайского лака зафиксирована подовальная бляха-нашивка из тонкой золотой фольги. Другие целые бляхи-нашивки различной формы или их фрагменты встречаются в основном в норах грызунов. Две округлые нашивки из золотой фольги «прикипели» к железному предмету, найденному среди человеческих костей. Только могила-7 из-за полного ограбления оказалась без каких-либо изделий.

Центральная могила-1 представляла собой яму длиной 6,85 м, шириной 6 м и глубиной более 4,5 м. На дне располагалась конструкция подпрямоугольной формы, сложенная из крупных камней в несколько слоев. Внутри нее находились остатки деревянной погребальной камеры, по всей видимости, в виде сруба. Все это двойное сооружение имело деревянное перекрытие. В могиле-1 в первоначальном положении ничего не обнаружено. Зафиксированные находки выявлены только в ходе выборки сильно перемешанного внутримогильного заполнения. Среди них следует указать многочисленные бляхи-нашивки и рифленые пронизи из золотой фольги, украшавшие одежду погребенной женщины (?), мумифицированная часть тела которой ранее была обнаружена в «дромосе».

Рис. 8 (фото). Бугры. Курган №4. Могила-6.
Находки различных предметов из благородных металлов

Начало изучению состава золотых находок было положено в 2007 г., когда в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) С.В. Хавриным осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ предметов, обнаруженных при раскопках кургана №4 могильника Бугры. Всего было изучено более 100 вещей: 10 – из «дромоса», 73 – из могилы-3, 23 – из могилы-4. Результаты частично опубликованы [Тишкин, Хаврин, 2008].

Ряд находок, полученных при раскопках могилы-1, тестировались одним из авторов статьи с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Для этого использовалась специальная аналитическая программа, адаптированная для работы с археологическими предметами из цветных металлов. Основная задача исследований заключалась в установлении химического состава найденных вещей, а также в накоплении таких сведений для дальнейшего проведения сравнительного анализа в более широком территориальном и хронологическом диапазоне [Тишкин, 2011].

Реализация намеченной программы была продолжена. По изделиям из кургана №4 памятника Бугры получены еще 72 результата анализов, определивших состав блях-нашивок, фрагментов фольги и некоторых других предметов (см. табл.). Тестирования находок из могил 1 и 6 выполнялись сотрудником Института минералогии УрО РАН П.В. Хворовым непосредственно в АлтГУ (г. Барнаул) с помощью портативно-

го рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-4000, производство США). Следует отметить несколько изученных предметов, изготовленных из серебра (табл. – номера 35–37) и бронзы (табл. – номера 38–39). Кроме того, в исследованиях использовался рентгеноспектральный микроанализ (РСМА). На электронном микроскопе РЭММА 202М В.А. Котляровым изучены 12 проб в виде очень маленьких фрагментов золотой фольги (в табл. – номера 66–77).

Результаты анализа находок из кургана №4 памятника Бугры
(раскопки А.А. Тишкина)

№ пп	№ обр.	Описание	Содержание, мас. %						Проба	Тип золота, группа состава
			Au	Ag	Cu	Sn	Pb	Fe		
1	Б-1	Бляха-нашивки-1	84.93	13.80	0.58	0.50	–	0.19	849	С – 3
2	Б-2	Бляха-нашивки-2	71.46	23.93	3.44	0.89	0.11	0.17	715	Л – 2
3	Б-3	Бляха-нашивки-3	70.54	27.47	1.64	–	–	0.35	705	С – 2
4	Б-4	Бляха-нашивки-4	70.56	27.62	1.40	–	–	0.42	706	С – 2
5	Б-5	Бляха-нашивки-5	86.33	13.00	0.42	–	–	0.25	863	С – 3
6	Б-6	Бляха-нашивки-6	86.47	12.76	0.50	–	–	0.27	865	С – 3
7	Б-7	Бляха-нашивки-7	85.99	13.03	0.60	–	–	0.38	860	С – 3
8	Ф-8	Фольга	76.60	21.87	1.35	–	–	0.18	767	С – 2
9	Б-9	Бляха-нашивки	74.25	23.70	1.85	–	–	0.20	743	С – 2
10	Б-10	Бляха-нашивки	86.81	11.92	0.50	–	–	0.77	868	С – 3
11	Б-11	Бляха-нашивки	87.02	12.15	0.50	–	–	0.33	870	С – 3
12	Б-12	Бляха-нашивки	76.95	21.03	1.65	–	–	0.37	770	С – 2
13	Б-13	Бляха-нашивки	59.98	36.00	3.53	–	–	0.49	600	Л – 1
14	Б-14	Бляха-нашивки	67.97	30.25	1.78	–	–	–	680	С – 1
15	Ф-15	Фольга	85.33	13.76	0.61	–	–	0.30	853	С – 3
16	Б-16	Бляха-нашивки	85.35	13.29	0.93	–	–	0.43	854	С – 3
17	Б-17	Бляха-нашивки	76.09	22.13	1.51	–	–	0.27	761	С – 2
18	Б-18	Бляха-нашивки	85.34	13.77	0.70	–	–	0.19	853	С – 3
19	Б-19	Бляха-нашивки	66.91	30.79	1.66	–	–	0.64	669	С – 1
20	Б-20	Бляха-нашивки	85.81	12.79	0.45	–	–	0.39	858	С – 3
21	Б-21	Бляха-нашивки	86.39	12.78	0.54	–	–	0.29	864	С – 3
22	Ф-22	Фольга	87.58	10.57	0.96	–	–	0.89	876	С – 3
23	Б-23	Бляха-нашивки	74.90	22.49	2.12	–	–	0.49	749	Л – 2
24	Б-24	Бляха-нашивки	66.22	28.66	3.38	–	–	1.74	662	Л – 1
25	Б-25	Бляха-нашивки	84.61	12.87	2.24	–	–	0.28	846	Л – 3
26	Б-26	Бляха-нашивки	82.88	15.39	0.84	–	–	0.89	829	С – 3
27	Б-27	Бляха-нашивки	79.39	17.27	1.68	–	–	1.66	794	С – 2
28	Б-28	Бляха-нашивки	86.73	12.57	0.45	–	–	0.25	867	С – 3
29	Ф-29	Фольга	79.08	18.12	2.40	–	–	0.40	791	Л – 2
30	Б-30	Бляха-нашивки	86.38	12.47	0.84	–	–	0.31	864	С – 3
31	Б-31	Бляха-нашивки	76.51	20.78	2.26	–	–	0.45	765	Л – 2
32	Б-32	Бляха-нашивки	66.47	28.76	2.94	1.43	–	0.40	665	Л – 1
33	П-33	Пронизка	61.94	35.55	2.15	–	–	0.36	619	Л – 1
34	Б-34	Бляха-нашивки	85.96	13.54	0.50	–	–	–	860	С – 3
35	Ф-35	Фрагмент изделия	–	98.96	0.34	–	0.22	0.48	0	–
36	Р-36	Наконечник ремня	–	98.56	0.27	0.78	0.24	0.15	0	–
37	Р-37	Наконечник ремня?	–	96.41	2.08	–	0.39	1.12	0	–
38	О-38	Бляха (10-а)	–	3.83	94.07	1.75	–	0.35	0	–
39	О-39	Бляха (33)	–	1.23	95.64	2.43	–	0.70	0	–

Продолжение таблицы

№ пп	№ обр.	Описание	Содержание, мас. %						Проба	Тип золота, группа состава
			Au	Ag	Cu	Sn	Pb	Fe		
40	15	Фольга	77.27	20.48	2.25	–	–	–	773	Л – 2
41	16	Нашивка	75.39	20.66	2.22	0.54	–	1.19	754	Л – 2
42	17	Фольга	77.15	20.06	2.39	–	–	0.4	772	Л – 2
43	18	Фольга	77.61	19.72	2.02	–	–	0.65	776	Л – 2
44	19	Фольга	76.81	20.45	2.31	–	–	0.43	768	Л – 2
45	20	Фольга	78.33	17.19	2.36	–	–	2.12	783	Л – 2
46	21	Бляха прямоугольная	75.05	20.92	2.68	–	–	1.15	752	Л – 2
47	22	Круглая нашивка	77.22	20.2	2.11	–	–	0.47	772	Л – 2
48	23	Круглая нашивка малая	77.4	20.11	2.15	–	–	0.34	774	Л – 2
49	24	Круглая нашивка большая	77.55	19.71	2.23	–	–	0.51	776	Л – 2
50	25	Фольга	76.09	20.72	2.14	–	–	1.05	761	Л – 2
51	26	Фольга	78.68	17.96	2.32	–	–	1.04	787	Л – 2
52	27	Фольга	76.63	20.22	2.21	–	–	0.94	766	Л – 2
53	28	Фольга	75.64	19.77	2.80	0.76	–	1.03	756	Л – 2
54	29	Фольга	76.41	20.49	2.39	–	–	0.71	764	Л – 2
55	30	Фольга	76.41	20.18	2.21	–	–	1.2	764	Л – 2
56	31	Фольга	76.53	20.67	2.29	–	–	0.51	765	Л – 2
57	32	Фольга	75.79	20.45	3.07	–	–	0.69	758	Л – 2
58	33	Фольга	76.89	20.43	2.1	–	–	0.58	769	Л – 2
59	34	Фольга	77.80	19.81	1.86	–	–	0.53	778	С – 2
60	35	Фольга	77.37	19.74	2.31	–	–	0.58	773	Л – 2
61	36	Фольга	76.68	20.58	2.25	–	–	0.49	767	Л – 2
62	37	Фольга	76.67	20.32	2.3	–	–	0.71	767	Л – 2
63	38	Бляха-нашивка круглая	77.66	19.48	2.18	–	–	0.68	777	Л – 2
64	39	Фольга	74.08	21.49	2.32	–	–	2.11	741	Л – 2
65	40	Фольга	73.17	21.69	2.56	–	–	2.58	732	Л – 2
66	Бу11-1	Фольга	73.3	24.69	1.94	–	–	–	734	С – 2
67	Бу11-2	Фольга	72.56	22.93	4.11	–	–	–	729	Л – 2
68	Бу12	Фольга	89.22	8.91	1.68	–	–	–	894	С – 3
69	Бу13	Фольга	86.68	11.84	1.13	–	–	–	870	С – 3
70	Бу14	Фольга	70.99	25.15	3.58	–	–	–	712	Л – 2
71	Бу-М2-1	Фольга (6 анализов)	77.04	20.66	2.14	–	–	–	772	Л – 2
72	Бу-М2-2	Фольга (4 анализа)	76.83	21.29	1.62	–	–	–	770	С – 2
73	Бу-М1-1	Фольга (3 анализа)	68.74	27.46	3.27	–	–	–	691	Л – 2
74	Бу-М1-2	Фольга	72.91	24.64	2.36	–	–	–	730	Л – 2
75	Бу-М1-3	Фольга (3 анализа)	68.55	27.94	3.28	–	–	–	687	Л – 2
76	Бу-М1-4	Фольга	71.59	25.39	2.95	–	–	–	716	Л – 2
77	Бу-М1-5	Фольга (2 анализа)	68.25	28.14	3.38	–	–	–	684	Л – 2

Примечание к таблице: 1) места происхождения образцов: 1–39 – курган №4, центральная могила-1; 40–65 – курган №4, могила-6; 66–77 – курган №4 (из разных мест); 2) 1–65 – результаты РФА (Альфа-4000, аналитик П.В. Хворов); 66–77 результаты РСМА (прибор РЭММА 202М, аналитик В.А. Котляров); 3) присутствие марганца (Mn) выявлено в образцах: №20 (Б-20) – 0.56% и №46 (21) – 0.20%; 4) типы золота: С – самородное (Cu – <2%), Л – легированное (Cu – >2%); группы составов: 1 – Au 50–64% (состав электрума), 2 – Au 65–79% (низкопробное), 3 – Au 80–90% (среднепробное).

Как видно из таблицы, почти половина находок по составу относится к самородному металлу, в котором содержание меди – менее 2%. Этот рубеж пока определен только по характеристикам золота из коренных и россыпных месторождений Урала. В них наличие меди фиксируется в пределах 0,1–1,9% [Зайков, Таиров, Зайкова и др., 2012]. Вторая половина находок относится к легированному металлу с содержанием меди от 2 до 4%.

По результатам полученных анализов построена гистограмма составов шагом 1% (рис. 9.-А). Для сравнения приведены гистограммы по памятнику Яломан-II и объектам Чинетинского археологического микрорайона (рис. 9.-Б–В).

На гистограмме по золотым изделиям из могильника Бугры выделяются три группы составов (рис. 9.-А). Наиболее отчетлива группа №2 (Au – 75–80%, Ag – 23–27%), охватывающая 39 анализов с модой 76–78% золота (частота встречаемости 14–20%). По технологическим свойствам выделены следующие группы: С – самородное, Л – легированное. Место обнаружения этих изделий – курган №4, могила-6.

Вторая по значимости группа – №3 (Au – 82–90%, Ag – 9–17%), в которую входят 18 анализов самородного состава с количеством меди 0,4–1,2% (мода 85–87% золота, частота встречаемости 9–11%).

Меньшее количество анализов соответствует группе №1 (Au – 58–59%, Ag – 29–36%) – легированного металла с содержаниями меди 2–3%. Изделия второй и первой группы преимущественно происходят из центральной могилы-1.

Проведено сравнение с данными о составе золотых изделий из других археологических памятников Алтая, по которым получено достаточное количество значений для построения гистограмм. Наиболее близки по содержанию золота артефакты из могильника хуннуского времени Яломан-II [Тишкин, Зайков, Хворов и др., 2013], по которым проанализированы 156 образцов методом РФА (рис. 9.-Б). В них точно так же выделяется преобладающая вторая группа составов с модой 77–79% золота, за ней следует третья группа 84–86%, а минимум соответствует интервалу 61–68% (группа №1). Противоположный расклад характерен для изделий, обнаруженных в памятниках пазырыкской культуры Чинетинского археологического микрорайона [Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007, табл. 1; Дашковский, Юминов, 2012; и др.]. Им свойственны два максимума показателей: 59–64% и 68–74% золота (рис. 9.-В).

Относительно источников золота для древних ювелирных изделий археологического памятника Бугры предварительно можно высказать следующие соображения. Курганы находятся в непосредственной близости от Змеиногорского колчеданно-полиметаллического месторождения Рудного Алтая [Гаськов, Дистанов, Ковалев и др., 2001]. В его зоне окисления преобладает золото состава 71–77% [Минералы..., 1989], соответствующее группе №2 из кургана №4 памятника Бугры. Группа состава №3 находит аналогии в колчеданно-полиметаллических месторождениях Салаира. Есть упоминания, что золото состава 84–91% известно на Урском и Егорьевском месторождениях [Ковалев, Дистанов, Аношин и др., 2004; Калинин, Росляков, Приудников, 2006].

Схожие выводы относительно источников золота, судя по составу, можно высказать для могильника Яломан-II, который исследован в Центральном Алтае и хронологически близок к памятнику Бугры.

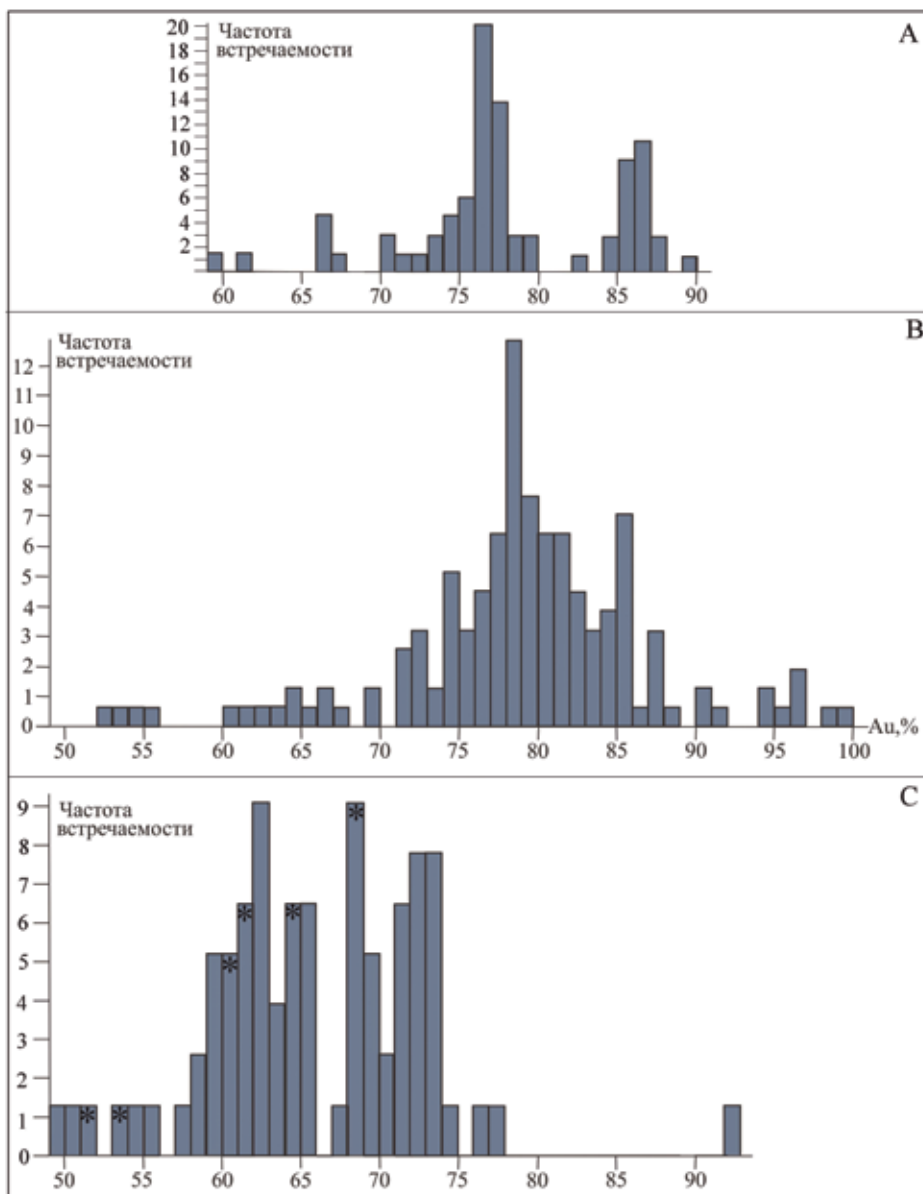

Рис. 9. Гистограммы состава золота из памятников Алтая.
 А – Бугры (60 проб, РФА, раскопки А.А. Тишкина); В – Яломан-II (156 проб, РФА, раскопки А.А. Тишкина); С – Чинетинский археологический микрорайон (Ханкаринский Дол, Инской Дол, Чинета-II – 77 проб, раскопки П.К. Дашковского).
 РФА – аналитик П.В. Хворов; РСМА – аналитик В.А. Котляров

Что касается курганных групп Чинетинского археологического микрорайона, то содержащиеся в них золотые изделия аналогичны по составу рудам из Зареченского колчеданно-полиметаллического месторождения Рудного Алтая (61–78% золота), хотя возможны другие варианты.

В заключение необходимо указать, что все находки, полученные при раскопках кургана №4 памятника Бугры, переданы на хранение в Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург). Коллекция имеет номер 2952.

История обнаружения, результаты обследований и раскопок памятника Бугры, а также другие сведения уже изложены в целом ряде публикаций [Тишкин, Чугунов, Чемякина и др., 2007; Тишкин, Чугунов, 2008; Тишкин, Горбунов, Серегин и др., 2011; Тишкин, 2009, 2011, 2012; и др.]. Однако полученные материалы требуют дальнейшего осмысления и изучения. Это касается и продолжения работы по полному тестированию всех золотых находок для получения сведений об их составе.

В настоящее время курган №4 памятника Бугры предварительно может быть датирован последней третью I тыс. до н.э. Более узкая хронология требует отдельного рассмотрения при учете всего накопленного информационно-аналитического потенциала.

Статья частично подготовлена в рамках реализации темы госзадания Минобрнауки РФ №33.2644.2014. Авторы благодарны В.А. Котлярову за выполненную аналитическую работу.

Библиографический список

Гаськов И.В., Дистанов Э.Г., Ковалев К.Р., Акимцев В.А. Золото и серебро в полиметаллических месторождениях северо-западной части Рудного Алтая // Геология и геофизика. 2001. Т. 42. №6. С. 900–916.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 202–206.

Дашковский П.К., Юминов А.М. Включения минералов платиновой группы в золотых изделиях из могильника Ханкаринский Дол (Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 50–55.

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Котляров В.А., Яблонский Л.Т. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург : УрО РАН, 2012. 232 с.

Калинин Ю.А., Росляков Н.А., Прудников С.Г. Золотоносные коры выветривания юга Сибири. Новосибирск : Гео, 2006. 339 с.

Ковалев К.Р., Дистанов Э.Г., Аношин Г.Н., Гаськов И.В., Акимцев В.А., Ваулина М.В. Золото и серебро в рудах вулканогенных колчеданно-полиметаллических месторождений Сибири // Геология и геофизика. 2004. Т. 45. №10. С. 1171–1185.

Минералы Казахстана (самородные элементы, интерметаллиды, карбиды, арсениды, антимониды, простые сульфиды) / ред. Х.А. Беспяев, З.А. Козловская, Н.М. Митряева. Алма-Ата : Наука, 1989. 200 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М. : Пушкинский научный центр, 1997. 196 с.

Тишкин А.А. Находка мумифицированной части умершей женщины на памятнике Бугры в северо-западных предгорьях Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 243–246.

Тишкин А.А. Определение химического состава некоторых находок из цветных металлов, обнаруженных в центральном погребении кургана №4 памятника Бугры с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра // Вестник алтайской науки. 2011. №1. С. 47–52.

Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae. Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2012. С. 501–510 (на рус. яз.).

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Тишкина Т.В. Новые результаты исследований кургана №4 на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 392–394.

Тишкин А.А., Зайков В.В., Хворов П.В., Зайкова Е.В. Состав золотых изделий Алтайского могильника Яломан-II (Алтай) и проблема поиска древних источников золота // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 98–102.

Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–166.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. История изучения памятника Бугры и результаты исследований кургана №4 в 2009 году // Наука – Алтайскому краю, 2009 год. Вып. 3. Барнаул : Главное управление экономики и инвестиций Алт. края ; АНОК, 2009. С. 130–139.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Рентгенофлюоресцентный анализ золотых изделий из памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая, скифо-сакское время) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. Т. II. С. 82–85.

Тишкин А.А., Чугунов К.В. Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. Т. II. С. 86–88.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 215–220.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул : Азбука, 2010. 288 с. : ил.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с. : ил.

A.A. Tishkin, V.V. Zaykov, P.V. Khvorov, E.V. Zaykova

**RESULTS OF THE ANALYSIS OF PART OF GOLD FINDS
FROM BARROW №4 IN SITE BUGRY
(northwest foothills of Altai)**

The archaeological complex Bugry consisting of five large barrows settles down in the territory of the northwest foothills of Altai in Rubtsovsk region of Altai Krai. The object № 4 was investigated for several years by Southwest expedition of the Altai State University under the leadership of one of authors of the article. An arrangement of graves under a mound embankment, the funeral ceremony and specificity of constructions show features of sites which researchers refer to Kamen archaeological culture. Completely dug out barrow can be dated by last third of the I millennium BC. Among the numerous material which is nowadays stored in the State Hermitage (St. Petersburg), the essential quantity is made by gold products or fragments from them. There are metal plates stripes and corrugated proniz from a foil decorating clothes of the buried woman (?) which mummified part of a body is found in a «dromos». For some such subjects 72 conclusions directed on clarification of composition of yellow metal are made. Such results are received thanks to two devices which allowed to carry out the X-ray fluorescent analysis and the X-ray spectral microanalysis. Proceeding from them, three groups of structures allowing to consider possible sources of gold deposits are allocated.

Keywords: northwest foothills, site Bugry, barrow, excavation, finds from gold, X-ray fluorescent analysis, chemical composition.

Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ЮРИЮ ТАПАСОВИЧУ МАМАДАКОВУ – 60 ЛЕТ

В августе 2014 г. исполнилось 60 лет исследователю древних и средневековых культур Алтая Юрию Тапасовичу Мамадакову. В статье представлена краткая справка о жизни и деятельности археолога, а также приведен список публикаций и дан перечень части отчетов, свидетельствующий о результатах полевых изысканий. После получения высшего образования Ю.Т. Мамадаков долгое время работал в Алтайском государственном университете в Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая. В тот период он проводил активные обследования и раскопки, в ходе которых были получены материалы, позволившие в 1990 г. защитить кандидатскую диссертацию. Основным результатом исследований стало выделение на Алтае булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Кроме изучения памятников «гунно-сарматского» времени, Ю.Т. Мамадаков раскапывал объекты других периодов истории. Существенная по объему коллекция археологических находок хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ. По-прежнему существует актуальность введения их в научный оборот. В настоящее время Юрий Тапасович руководит работами Научного центра «Наследие Сибири», занимающегося проектно-изыскательскими археологическими обследованиями и раскопками аварийных памятников, которые попадают в зоны различного строительства.

Ключевые слова: Мамадаков Ю.Т., археологические памятники, обследования, раскопки, булан-кобинская культура, коллекция.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-11

В 2014 г. исполняется 60 лет известному исследователю древних и средневековых культур Алтая Юрию Тапасовичу Мамадакову, который родился 25 августа 1954 г. в с. Ело Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области, в то время административно входившей в Алтайский край (ныне – Республика Алтай). Детство будущего археолога прошло в многодетной семье ветерана и инвалида Великой Отечественной войны.

В 1980 г. Юрий Тапасович окончил Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева (ТГУ) и был приглашен в хоздоговорную Лабораторию археологии, этнографии и истории Алтая Алтайского государственного университета на должность младшего научного сотрудника.

Юрий Тапасович
Мамадаков

Юрий Тапасович еще во время обучения в университете серьезно занимался археологией, участвовал в экспедициях, организованных преподавателями ТГУ в сложных условиях западносибирской тайги. В 1979 г. вышла его первая публикация, посвященная исследованиям в Нарымском Приобье. Основным направлением деятельности Ю.Т. Мамадакова в АлтГУ в 1980–1990-х гг. стало археологическое обследование проектируемых зон строительства, в основном дорожного и мелиоративного, на территории Горно-Алтайской автономной области, которая потом была преобразована в отдельный субъект Российской Федерации – в Республику Алтай. На выявленных памятниках осуществлялись раскопки. Кроме этого, исследования производились и в других местах Алтая, что было связано с разрабатываемой научной темой. Так, на протяже-

нии нескольких полевых сезонов плановые работы производились на памятнике Булан-Кобы-IV, а также на ряде других комплексов «гунно-сарматского» времени.

Все это позволило Ю.Т. Мамадакову в 1990 г. успешно защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.» [Мамадаков, 1990]. Защита состоялась в тогдашнем Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск). Научным руководителем этой квалификационной работы являлся член-корреспондент АН СССР В.И. Молодин. Основным научным достижением Ю.Т. Мамадакова

Коллектив лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая (начало 1980-х гг.)

стало выделение на основании многолетних плодотворных раскопок и аналитической работы булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.). Ряд научных выводов, сформулированных в данной работе, не потеряли своего научного значения до настоящего времени и признаны археологическим сообществом [Соенов, 2003; Матренин, 2005; Тишкин, 2007, 2010; и др.].

Кроме материалов периода поздней древности, Юрий Тапасович опубликовал статьи, посвященные и другим периодам. Все археологи, работающие в «новостроечном» направлении, раскапывают памятники различных исторических этапов, а не только интересующего их времени. Поэтому исследователем изданы материалы афанасьевского, аржано-майэмирского и тюркского времени. Немаловажное значение имели разработки проблем палеоэкономики, социальной структуры и религиозных представлений древнего населения Алтая.

Ю.Т. Мамадаков осуществлял активные полевые работы, связанные как с обследованием территорий, попадающих в зону новостроек, так и с раскопками аварийных и других археологических объектов. Наибольшую известность получили изученные курганные некрополи Кырлык-I и II, Катанда-3, Булан-Кобы-IV, Шиббе, Боочи, Чичке, Кастахта, Кайнду, Белый Бом-II, Улита и другие памятники.

На кафедре археологии,
этнографии и источниковедения

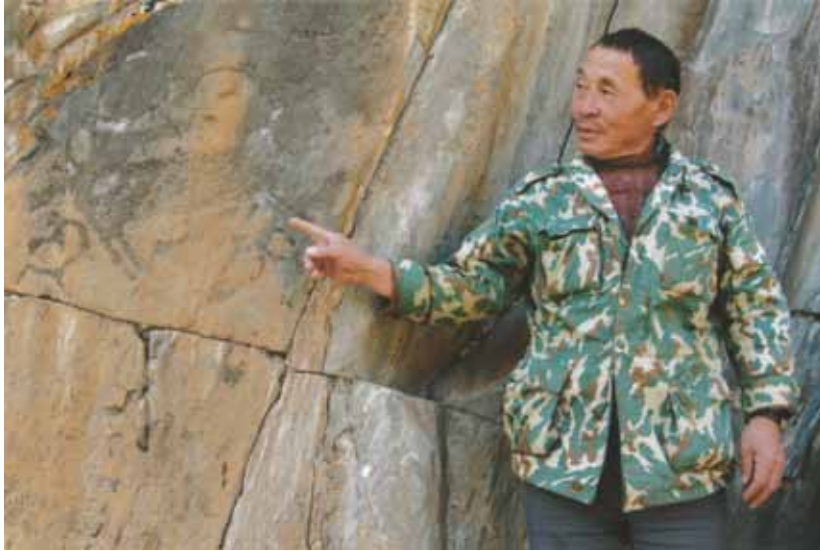
Ю.Т. Мамадаков отличался серьезным подходом как к организации научно-исследовательских работ, так и к комфортному (насколько это было возможно в полевых условиях) проживанию в экспедиции. Участники экспедиций постоянно чувствовали заботу начальника. Во 2-й половине 1980-х гг. под руководством Юрия Тапасовича сформировался коллектив, основу которого составляли студенты научно-производственного отряда «Археолог». Кроме них, в раскопках участвовали преподаватели и сотрудники АлтГУ (В.Н. Владимиров, С.В. Цыб, А.И. Седельников, С.Д. Дрыгин и др.), а также представители ТГУ во главе с другом и соратником А.Р. Кимом. В хорошо организованных экспедициях не только выполнялись раскопки, но и проводились спортивные соревнования, культурно-массовые мероприятия, в том числе экскурсии.

С 1998 по 2004 г. Ю.Т. Мамадаков совмещал работу по хоздоговорам и другим исследовательским проектам и программам с преподавательской деятельностью на должности доцента кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ.

Кроме чтения специальных курсов, он осуществлял руководство научной работой студентов, которые в значительной мере были участниками летних экспедиционных работ. Нередко материалы, которые добывались в поле, становились основой курсовых и дипломных проектов, первых студенческих докладов на научных конференциях и публикаций. Под руководством Ю.Т. Мамадакова подготовлены шесть дипломных сочинений. За весь период деятельности в АлтГУ им были получены существенные археологические материалы, часть из которых хранится в Музее археологии и этнографии Алтая.

В силу объективных и субъективных причин в начале 2000-х гг. Ю.Т. Мамадаков ушел из Алтайского государственного университета. В 2006 г. было создано ООО Научный центр «Наследие Сибири», директором которого он и работает по настоящее время, расширяя территорию деятельности и на некоторые районы Алтайского края.

Научный центр «Наследие Сибири» проводит проектно-изыскательские археологические обследования и раскопки аварийных памятников, попадающих в зоны строительства дорог, мостовых переходов, газопроводов и т.п. К полевым работам активно привлекаются сотрудники и студенты вузов Барнаула. Так, для исследования многослойного поселения в месте перехода газопровода в Алтайском районе был сформирован состав экспедиции, в которую вошли бойцы студенческих отрядов проводников АлтГПА «Экспресс» и АлтГТУ «Беркут». Сотрудники НЦ «Наследие Сибири» с 2007 по 2013 г. проводили широкомасштабные исследования зон проектируемого дорожного и газопроводного строительства. В процессе работ открыты десятки новых курганных могильников, культовых мест, наскальных рисунков и поселений различных исторических периодов. Произведе-

Во время плановых обследований на территории Алтая

дены раскопки в местах прокладки газопроводов и дорог в различных районах Республики Алтай и Алтайского края. Следует упомянуть раскопанные многослойные поселения у с. Старотырышкино (вскрыто 1520 кв. м), у с. Ая (около 600 кв. м), возле с. Березовка (около 700 кв. м), Старица Иша в устьевой зоне р. Иши (1250 кв. м). Предварительные итоги данных работ уже опубликованы, и они являются существенным вкладом в реконструкцию древней и средневековой истории Сибири.

Список публикаций Ю.Т. Мамадакова

Мамадаков, Ю.Т. Разведочные работы в Нарымском Приобье / Ю.Т. Мамадаков, И.В. Рудковский, Л.А. Чиндина // Археологические открытия 1978 года : сб. ст. / Ин-т археологии РАН. – М., 1979. – С. 245.

Мамадаков, Ю.Т. Работы Онгудайского отряда / Ю.Т. Мамадаков // Археологические открытия 1981 года : сб. ст. / Ин-т археологии РАН. – М., 1983. – С. 212.

Мамадаков, Ю.Т. Работы в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // Археологические открытия 1982 года : сб. ст. / Ин-т археологии РАН. – М., 1984. – С. 216–217.

Мамадаков, Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // Алтай в эпоху камня и раннего металла : сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1985. – С. 173–178.

Мамадаков, Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков, В.Б. Бородаев // Проблемы охраны археологических памятников Сибири : сб. науч. ст. / ИИФиФ СО АН СССР. – Новосибирск, 1985. – С. 51–88.

Мамадаков, Ю.Т. С.И. Руденко и некоторые проблемы древней истории Алтая / Ю.Т. Мамадаков, С.В. Неверов, С.В. Цыб // Скифская эпоха Алтая : сб. тез. конф. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1986. – С. 90–93.

Мамадаков, Ю.Т. Раскопки в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков, В.Н. Тарасенко // Археологические открытия 1984 года : сб. ст. / Ин-т археологии РАН. – М., 1986. – С. 189–190.

Мамадаков, Ю.Т. Исследования в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // Археологические открытия 1985 года : сб. ст. / Ин-т археологии РАН. – М., 1987. – С. 259.

Мамадаков, Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // Археологические исследования на Алтае : сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1987. – С. 197–203.

Мамадаков, Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.

Мамадаков, Ю.Т. Поселение Ламах-2 в Западном Алтае / Ю.Т. Мамадаков, С.В. Цыб // Охрана и использование археологических памятников Алтая : сб. тез. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1990. – С. 44–45.

Мамадаков, Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук / Ю.Т. Мамадаков ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – 174 с. – Библиогр.: с. 184 назв. Аннотация: СР НИР. Сер. 2. 1991. №2. 128.

Мамадаков, Ю.Т. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая / Ю.Т. Мамадаков, С.В. Цыб // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири : сб. тез. Всесоюз. науч. конф. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1991. – С. 57–59.

Неверов, С.В. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири / С.В. Неверов, Ю.Т. Мамадаков // Проблемы хронологии в археологии и истории : сб. науч. тр. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1991. – С. 121–135.

Кирюшин, Ю.Ф. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на средней Катунь / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, Ю.Т. Мамадаков // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла : сб. ст. / Барнаульский гос. пед. ин-т. – Барнаул, 1992. – С. 125–130, 222–226.

Мамадаков, Ю.Т. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе / Ю.Т. Мамадаков, С.В. Цыб // Охрана и изучение культурного наследия Алтая : сб. тез. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1993. – Ч. 2. – С. 202–205.

Мамадаков, Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры / Ю.Т. Мамадаков // Археология Горного Алтая : сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1994. – С. 58–63.

Мамадаков, Ю.Т. О роли миграции в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время / Ю.Т. Мамадаков // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье : сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1994. – С. 129–132.

Мамадаков, Ю.Т. Курганы скифского времени могильника Кырлык 2 / Ю.Т. Мамадаков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : мат. научно-практ. конф. / БГПИ. – Барнаул, 1995. – Вып. V, ч. I. – С. 81–87.

Мамадаков, Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда 3 / Ю.Т. Мамадаков // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая : тез. конф. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1995. – С. 125–131.

Мамадаков, Ю.Т. Коллющее оружие булан-кобинского населения / Ю.Т. Мамадаков // Актуальные проблемы сибирской археологии : тез. док. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1996. – С. 75–78.

Кирюшин, Ю.Ф. Хуннское влияние на этногенез населения Горного Алтая в конце I тыс. до н.э. / Ю.Ф. Кирюшин, Ю.Т. Мамадаков // Сто лет гуннской археологии: номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе.

Гуннский феномен : тез. докл. Междунар. археол. конгресса / Ин-т археологии и этнографии РАН. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1. – С.43–44.

Мамадаков, Ю.Т. Аварийные раскопки у с. Боочи / Ю.Т. Мамадаков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : мат. науч.-практ. конф. / Алтайский гос. ун-т ; НПЦ «Наследие». – Вып. VIII. – Барнаул, 1997. – С. 150–153.

Мамадаков, Ю.Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях / Ю.Т. Мамадаков // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : мат. Всеросс. научн. конф. – Барнаул, 1997. – С. 159–161.

Мамадаков, Ю.Т. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III / Ю.Т. Мамадаков, В.В. Горбунов // Известия лаборатории археологии : сб. науч. тр. / ГАГУ. – Вып. 2. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 115–129.

Мамадаков, Ю.Т. Афанасьевские поселения Ламах-2 и Бичикту-Бом / Ю.Т. Мамадаков, Н.Ф. Степанова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : мат. науч.-практ. конф. / Алтайский гос. ун-т. – Вып. IX. – Барнаул, 1998. – С. 73–77.

Мамадаков, Ю.Т. Сосуды с росписью с могильника Кырлык II / Ю.Т. Мамадаков // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : сб. науч. ст. / Алтайский гос. ун-т ; НИИ ГИ ; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – Барнаул, 1999. – С. 101–104.

Владимиров, В.Н. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе / В.Н. Владимиров, Ю.Т. Мамадаков, С.В. Цыб, Н.Ф. Степанова // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии : сб. науч. тр. / ГАГУ. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 31–41.

Мамадаков, Ю.Т. Исследования в урочище Чичке на юго-востоке Алтая / Ю.Т. Мамадаков, Л.С. Марсадоллов, Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин, М.А. Демин // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии : сб. науч. тр. / ГАГУ. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 111–123.

Мамадаков, Ю.Т. Аварийные исследования курганов у с. Кастахта / Ю.Т. Мамадаков, С.В. Неверов // Проблемы изучения древней и средневековой истории : сб. науч. тр. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2001. – С. 90–97.

Мамадаков, Ю.Т. Этносоциальные аспекты религии в контексте тюркской общности (на примере народов Горного Алтая) / Ю.Т. Мамадаков // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности : мат. семинара / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2002. – С. 96–98.

Мамадаков, Ю.Т. Исследования погребений могильника Кайнду / Ю.Т. Мамадаков // Археология и этнография Алтая / Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. – Вып. 1. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 63–78.

Кунгурова, Н.Ю. Каменный «утюжок» из Горного Алтая / Н.Ю. Кунгурова, Ю.Т. Мамадаков // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая : сб. науч. ст. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – С. 125–128.

Мамадаков, Ю.Т. Аварийно-спасательные работы на поселении Старица Иша / Ю.Т. Мамадаков, Р.В. Белоусов // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г. Археология, этнография, устная история : мат. V региональной науч.-практ. конф. памяти профессора А.П. Уманского. – Вып. 5. – Барнаул, 2009. – С. 22–31.

Мамадаков, Ю.Т. Археологическая разведка в Советском и Алтайском районах Алтайского края / Ю.Т. Мамадаков, Р.В. Белоусов, В.Б. Бородаев // Полевые исследо-

вания в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г. Археология, этнография, устная история : мат. V региональной науч.-практ. конф. памяти профессора А.П. Уманского. – Вып. 6. – Барнаул, 2009. – С. 43–51.

Владимиров, В.Н. Тюркские оградки памятника Белый Бом-II / В.Н. Владимиров, Ю.Т. Мамадаков, Е.В. Шелепова // Теория и практика археологических исследований : сб. науч. тр. / Алтайский гос. ун-т. – Вып. 6. – Барнаул, 2011. – С. 152–160.

Мамадаков, Ю.Т. Новые археологические памятники на участке 2175 – 2310 км магистрального газопровода «Алтай» (Онгудайский район Республики Алтай) / Ю.Т. Мамадаков, О.Б. Беликова, В.Б. Бородаев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : мат. регион. науч.-практ. конф. / Управление Алт. края по культуре и архивному делу ; НПЦ «Наследие» ; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2013. – С. 321–339.

Мамадаков, Ю.Т. Раскопки поселений летом 2012 г. в Алтайском районе Алтайского края / Ю.Т. Мамадаков, М.А. Демин, Р.В. Белоусов, С.М. Ситников, С.С. Запрудский // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг. Археология, этнография, устная история : мат. VIII междунар. науч.-практ. конф. / АлтГПА ; Павлодарский гос. пед. ин-т. – Вып. 8. – Барнаул, 2013. – С. 65–70.

Мамадаков, Ю.Т. Исследование поселения Талица-Переход в Красногорском районе Алтайского края / Ю.Т. Мамадаков, М.А. Демин, С.С. Запрудский // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг. Археология, этнография, устная история : мат. VIII Междунар. научно-практ. конф. / АлтГПА ; Павлодарский гос. пед. ин-т. – Вып. 8. – Барнаул, 2013. – С. 56–65.

Мамадаков, Ю.Т. Новые памятники каменного века Нижней Катунь / Ю.Т. Мамадаков, А.Л. Кунгуров // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг. Археология, этнография, устная история : мат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / АлтГПА ; Павлодарский гос. пед. ин-т. – Вып. 8. – Барнаул, 2013. – С. 70–78.

Кунгуров, А.Л. Новые памятники каменного века в предгорьях Алтая / А.Л. Кунгуров, Ю.Т. Мамадаков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Управление Алт. края по культуре и архивному делу ; НПЦ «Наследие» ; Алтайский гос. ун-т. – Вып. XX. – Барнаул, 2013. – С. 256–263.

Мамадаков, Ю.Т. Новые археологические памятники Смоленского района / Ю.Т. Мамадаков, А.Л. Кунгуров // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история : мат. IX Междунар. науч.-практ. конф. / ПГПИ. – Вып. 9. – Павлодар, 2014. – С. 91–94.

Перечень некоторых отчетов о полевых работах Ю.Т. Мамадакова

Мамадаков Ю.Т. Отчет об археологических исследованиях Онгудайского отряда Алтайской археологической экспедиции в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области в 1980 году. – Барнаул, 1981 // Архив ИА АН СССР. Р-1. 8783. 8783а / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Инв. №25.

Мамадаков Ю.Т. Отчет Онгудайского отряда Алтайской археологической экспедиции о полевых работах летом 1981 г. – Барнаул, 1982 // Архив ИА АН СССР. Р-1. 11617.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых исследованиях в Горном Алтае в 1983 г. – Барнаул, 1984 // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Инв. №12.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1984 г. – Барнаул, 1985 // Архив ИА АН СССР. Р-1 10430.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1985 г. – Барнаул, 1986 // Архив ИА АН СССР. Р-1 10704.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1986 г. – Барнаул, 1987 // Архив ИА АН СССР. Р-1 11267.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых исследованиях летом 1987 г. – Барнаул, 1988 // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Инв. №83.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае летом 1988 г. Барнаул, 1989 // Архив ИА АН СССР. Р-1 15753.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1991 г. – Барнаул, 1992 // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Инв. №109.

Мамадаков Ю.Т. Отчет об аварийных археологических раскопках на памятнике Быстрянка в Красногорском районе Алтайского края. – Барнаул, 2000 // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Инв. №153.

Мамадаков Ю.Т. Отчет об аварийных археологических раскопках на памятнике Быстрянка в Красногорском районе Алтайского края. – Барнаул, 2001 // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Инв. №154.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых археологических работах на участке реконструкции автомобильной дороги Бийск – Белокуриха в Смоленском районе Алтайского края (км 44+700 – км 63+800) летом 2007 года. – Барнаул, 2008.

Мамадаков Ю.Т. Отчет об аварийных археологических раскопках поселения Старотырышкино-поле около с. Старотырышкино Смоленского района Алтайского края летом 2007 г. – Барнаул, 2008.

Мамадаков Ю.Т. Отчет об аварийных археологических раскопках поселения Старица Иша около с. Усть-Иша Красногорского района Алтайского края. – Барнаул, 2009.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых археологических работах в 2009 году на участке трассы проектируемого объекта «Газопровод – отвод и ГРС с. Нижняя Каянча Алтайского края». – Барнаул, 2010.

Мамадаков Ю.Т. Отчет об археологических полевых работах на участке автомобильной дороги в Онгудайском районе Республики Алтай летом 2010 года. – Барнаул, 2011.

Yu.F. Kiryushin, A.L. Kungurov, A.A. Tishkin

YURY TAPASOVICH MAMADAKOV IS 60 YEARS OLD

In August, 2014 60 years to the researcher of ancient and medieval cultures of Altai Yury Tapasovich Mamadakov were executed. Brief information on life and activity of the archeologist, the list of publications and the list of some reports testifying to results of field researches is presented in the article. After receiving the higher education Yu.T. Mamadakov long time worked at the Altai state university in Laboratory of archeology, ethnography and history of Altai. During this period he conducted active examinations and excavation during which the materials which allowed to defend the PhD thesis in 1990 were received. Allocation in Altai of Bulan-Koby culture in Khunnu-Syanbi-Zhuzhan time became the main result of researches. Except studying of sites dated by «Gunn-Sarmatian» time, Yu.T. Mamadakov dug out objects of other periods. The collection of archeological finds, essential on volume, is stored in the Museum of archeology and ethnography of Altai in ASU. Still there is a relevance of their introduction to a scientific turn. Now Yury Tapasovich directs works of the Heritage of Siberia Scientific center which is engaged inspections and excavation of emergency sites which get to zones of various construction.

Keywords: Mamadakov Yu.T., archaeological sites, inspections, excavation, Bulan-Koby culture, collection.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (Республика Алтай).
АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия.
АлтГТУ – Алтайский государственный технический университет.
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН КазССР – Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики.
АНОК – Алтайский научно-образовательный комплекс.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края.
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВПО – высшее профессиональное образование.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМВ – Государственный музей Востока.
ГОУ – Государственное образовательное учреждение.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА – Институт археологии.
ИАЭ – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук Советского Союза.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.
КП – Книга поступлений.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет.
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МинОКН – Министерство образования, культуры и науки.
МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований.
МНР – Монгольская Народная Республика.
НИИ ГИ – Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований.
НИЦ ИКТН – Научно-исследовательский центр истории и культуры тюркских народов.
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан.
НПЦ – Научно-производственный центр.

- НЦ – научный центр.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
ПГПИ – Павлодарский государственный педагогический институт.
РАН – Российская академия наук.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РСМА – рентгеноспектральный микроанализ.
РФА – рентгенофлюоресцентный анализ.
СА – Советская археология (журнал).
САИ – Свод археологических источников.
СамГУ – Самаркандский государственный университет.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
США – Соединенные Штаты Америки.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТКМ – Тетюшский краеведческий музей.
ТюмГНГУ – Тюменский государственный нефтегазовый университет.
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
УдмНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт.
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы.
УрГУ – Уральский государственный университет.
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.
ФГБОУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ХГУ – Ховдский государственный университет (Монголия).
ЮНЦ – Южный научный центр.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ; 630090, г. Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; тел. 8 (383) 330-05-37; altaiccenter2011@gmail.com

Зайков Виктор Владимирович, доктор геолого-минералогических наук, профессор, главный научный сотрудник Института минералогии УрО РАН; 456317, Челябинская область, г. Миасс, ул. 8 Марта, д. 151, кв. 31; тел. (3513) 557170; zaykov@mineralogy.ru

Зайкова Елизавета Владимировна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института минералогии УрО РАН; 456317, Челябинская область, г. Миасс, ул. 8 Марта, д. 151, кв. 31; тел. (3513) 557170; zaykova@mineralogy.ru

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, факультет истории и регионоведения, 720017, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Исанова, д. 2-б, кв. 7; тел.: +996-312-316126, +996-555-130550 (моб.); sak@yandex.ru

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; тел. служ. 39-69-04; ilushin1963@mail.ru

Кирюшин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, президент АлтГУ, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 513; тел. (3852) 291201; president@asu.ru

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852) 291256; artur.kungurov@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852) 291256; matrenins@mail.ru

Никитин Антон Юрьевич, старший инженер Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН; 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 87, ауд. 432, ЮУФ ИИиА УрО РАН; тел. (351) 267-31-29, e-mail: batosha79@mail.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета культуры и искусств; 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 3, КГУКИ; тел.: (843) 537-31-27; murziha@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. (3852) 291256; nikolay-seregin@mail.ru

Соенов Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного универ-

ситета; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 16, кв. 5; тел. 8-913-697-88-12; soyonov@mail.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, культурологии, философии и методик преподавания исторического факультета Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева; 626150, Тюменская обл., г. Тобольск, ул. Знаменского, 58; тел. (3456) 223-142; svetlanasotnik@mail.ru

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета; 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, НОЦЕИ; тел. (351) 267-91-45; tairov55@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 603; тел. (3852) 291204; tishkin210@mail.ru

Трифанова Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; trifanovasv@mail.ru

Хворов Павел Витальевич, старший научный сотрудник Института минералогии УрО РАН; 456317, Челябинская область, г. Миасс, Институт минералогии УрО РАН, khvorov@mineralogy.ru

Шмидт Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета; заведующий филиалом, Природно-этнографический парк-музей «Живун»; 629640, Ямало-Ненецкий автономный округ, Шурьшкарский район, с. Мужы, д. Ханты-Мужы; тел. (34994) 21-168; tison172@mail.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 года традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала с периодичностью два номера в год. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой:**

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических раскопок.
5. Социальные реконструкции в археологии.
6. История археологических исследований.
7. Новые археологические открытия.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски.**

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации.**

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200 x 135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться в отдельной вклейке с подписями или внутри текста. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указывается фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др., 2011, с. 143–145, табл. 2]). В конце статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства (если его

Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Keywords: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск : Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 апреля (для первого номера каждого года) и не позднее 15 сентября (для второго). В течение двух месяцев после получения редколлегией проводится обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (9)

2014

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 16.09.2014.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 300 экз. Заказ №9.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66